

Алла Дымовская

Семь корон зверя

Алла ДЫМОВСКАЯ
Семь корон зверя

«Автор»

2006

Дымовская А.

Семь корон зверя / А. Дымовская — «Автор», 2006

ISBN 5-17-034290-X

Вампиры живут среди нас. Их невозможно отличить от обычных людей – пока не становится слишком поздно. Их считают мифом – и это делает их безнаказанными. У них есть деньги, власть и слуги, готовые за хорошую плату подыскивать хозяевам жертв, о которых никто не вспомнит наутро. Им не грозит опасность извне. Единственное, что может уничтожить вампирский клан, – борьба за власть, в которой «ночные охотники» в прямом смысле рвут друг другу горло...

ISBN 5-17-034290-X

© Дымовская А., 2006

© Автор, 2006

Содержание

ПРОЛОГ	5
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	8
Глава 1	8
Глава 2	20
Глава 3	33
Глава 4	42
Глава 5	52
Глава 6	63
Глава 7	75
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Алла Дымовская

Семь корон зверя

ПРОЛОГ

Вот и прошла еще одна ночь, закончился еще один день. Еще одна ночь, и еще один день, и еще один. И каждый день был темен как ночь...

* * *

Сырость, вязкую темноту и подтекающие с журчанием лужи еще можно было как-то терпеть и даже со временем о них забыть. Если бы не гадкий, давно уже разбухший от воды и крови обломок осины. Он по-прежнему торчал из онемелого тела, касаясь своим мерзким боком живого еще сердца. Яношу казалось, он слышит, как жалуется его сердце на такое невыносимое соседство, как жжет оно и какую несет боль. Но своему сердцу Янош как раз не сочувствовал. Счастье еще, что рука старого, воняющего страхом горца оказалась недостаточно тверда для удара и кол – страшный, плохо заостренный осиновый обрубок – ушел в бок. Не убил, но пригвоздил и обездвижил надолго, может, и навсегда. «Интересно, кто был тот первый дурной монах, который придумал убивать нас колом, и непременно осиновым?» – в который раз от вынужденного бездействия спрашивал себя Янош. Убить можно чем угодно, любым оружием, подходящим и для обычных людей, но только в сердце, точно в самое твое сердце. А это не так-то просто – подобраться к сердцу вампира. Для простого человека это почти всегда гибель. А старик промахнулся, и острое с тошнотворным чавканьем прошло мимо, но пропорол что-то важное внутри Яноша, без чего нельзя пошевелить даже кончиком бесчувственного пальца. Если бы Янош мог хоть как-то дотянуться и выдернуть проклятое дерево, рана затянулась бы в считанные часы: солнце не успело бы пройти и половины дневного пути, как он был бы на ногах и начал бы набирать силу. Хоть бы увидеть это солнце еще когда-нибудь! «Неправда, будто мы боимся солнца. Но надо быть последним недоумком-учеником, чтобы шляться открыто, среди бела дня, по своим надобностям. Хотя был среди нас один такой. Думал: золото и власть его защитят, – он и творил что хотел. Наглый был... Из-за него-то и пошло все наперекосяк». И он, Янош, лежит тут, в крошечной тьме, и сам уже не помнит, сколько с тех пор прошло дней и лет, когда суровые, одетые в патлатые козьи шкуры полулюди сволокли его, как падаль, в эту дыру и, пропев над ним заунывный воющий плач, завалили вход камнями.

Но сейчас Яношу сильнее всего досаждало то, что уже некоторое время сверху над ним раздавались неприятные, гулкие стуки, беспорядочные и оттого еще более раздражающие. Отдающая эхом возня все никак не прекращалась, а на лицо стала осыпаться колкая каменная крошка. Это продолжалось довольно долго, и Янош почти свыкся с непонятными звуками и даже напряженно прислушивался, если наступала тишина. Когда вдруг воздух разорвало диким грохотом, стократно подхваченным недрами пещеры, Яноша ослепил резкий огненный всплеск. И тут же сильный удар по голове отправил его в небытие.

* * *

– Не понимаю я, как это могло получиться, командир! Я ведь его нечаянно уронил, да и камень-то был небольшой, – виновато бубнил, почесывая давно небритый подбородок, нескладный детина в разодранном на колене брезентовом комбинезоне.

– Ты, б..., молись, что не убило никого, а то б я тебя под суд отдал! Если бы от тебя, конечно, осталось что-то! – в ответ орал на него шупленький, лысый «командир», размахивая перед собой очками в стальной оправе почему-то с одним только правым стеклом. – Это надо же, прямо на шашку! Как еще никого из нас не покалечило, диву даюсь!

– А дыру! Дыру-то какую пробило! – ахнул из-за «командирского» плеча чей-то сиплый голос. – Прямо колодец какой-то.

Спелеологи столпились у пролома, беспорядочно тыча фонариками вниз.

– Смотрите, блестит что-то. Похоже – серебро или железо.

– Какое здесь железо! Ванькину флягу небось взрывом выкинуло.

– А там, глядите, что-то белеет. Как будто маска – вон нос, а вон вроде глаза...

– Фильмов побольше смотри, – огрызнулся лысый «командир», однако все же опустился на коленки и заглянул в пролом. – Да посветите же, черти!

В колодце и впрямь что-то лежало. Но хоть и был он неглубок, всего лишь каких-нибудь три-четыре метра, толком разглядеть ничего не удалось. И лысый разогнал всех приводить в порядок то, что еще осталось от экспедиционного снаряжения.

Однако после скудного, на скорую руку, обеда любопытство все же взяло верх. Было решено, что двое спустятся в пролом на тросах и, если обнаружат что-то интересное, попытаются по возможности поднять наверх. Остальные четверо будут страховать у колодца, по двое на каждый трос. Первым, кое-как приладив разбитые очки, в дыру стал неловко спускаться лысый «командир». За ним молодецки ухнул тот самый Ванька, чью флягу якобы взрывом забросило вниз.

На дне колодца фляги не оказалось. То, что лежало в грязной белесой луже, под острыми обломками горной породы, полузасыпанное, но все же хорошо различимое, было пострашнее недавнего взрыва и порчи их имущества. Прямо у ног, будто в плохо зарытой могиле, где вместо комьев земли блестели в лучах фонариков гранитные камешки, лежал человек. Человек этот был мертв, и, судя по почти истлевшим обрывкам его необычной одежды, мертв уже очень и очень давно.

Тело неизвестного предка, после недолгих пререканий снизу вверх, договорились все же поднять, прикрепив его к тросам на карабинах, а там уже разглядеть его получше и решить, что к чему. «Командир» с Ванькой взялись за дело и, раскидав немного завал, аккуратно вытащили труп из-под оставшихся камней.

– Ничего не понимаю. Тело должно было давно сгнить или хотя бы мумифицироваться. А впечатление такое, будто он умер с полчаса назад.

– Может, здесь воздух какой особый... а, Анатолий Иванович? Или его, перед тем как похоронить, намазали чем? – пропыхтел Ваня, подтаскивая тело к тросам.

– Иван, пожалуйста, не городи чепуху. Так труп даже в леднике не сохранить. А где ты здесь видишь лед? – «Командир», нахмурясь, снял остатки очков, но тут же снова нервно водрузил их на переносицу. – И одет он, Ваня, очень странно.

– Это да. Прикид, как из кино про трех мушкетеров, только грязный и рваный совсем. – Ванька уже крепил первый карабин. – Ну ничего, сейчас вытащим его на свет, там и будем рассматривать.

Меньше чем через четверть часа тело уже лежало в верхней пещере на расстеленном куске брезента. Спелеологи присели рядом, мрачно разглядывая жутковатую находку. Чужой, пусть и давний, труп хорошего настроения им не прибавил.

– Ну, убили-то его ножом или кинжалом в сердце. Это понятно. Вон и рукоятка деревянная торчит... Склизкая-то какая, – брезгливо поморщился сиплый, пытаясь выдернуть из тела орудие убийства.

– Лучше не трогай его. Оставь все как есть – ты же не специалист. Может, тут руками ничего трогать нельзя?

– Да ему, бедняге, судмедэксперт уже не нужен, а на кинжал охота посмотреть, – рассмеялся негромко сиплый.

И обеими руками с силой выдернул то, что он принял за нож или кинжал, из груди лежащего перед ним мертвеца.

* * *

Янош очнулся от волшебного, до боли острого чувства легкости и пустоты внутри. Вокруг него был свет. Он пробивался даже сквозь опущенные веки и будто уговаривал его открыть глаза и убедиться в том, что он, свет, и в самом деле существует вокруг. Янош не замедлил приоткрыть глаза и посмотреть. Он увидел невероятную, странную, но в то же самое время весьма приятную для себя картину. Невероятную потому, что сидевшие вокруг него люди имели совсем чудной и нелепый вид, а приятную потому, что они, переговариваясь между собой на неведомом ему языке, разглядывали, передавая друг другу, кусок осины, очевидно, только что вынутый из его, Яноша, груди. Но, посмотрев еще несколько мгновений на отградное для себя зрелище, Янош тут же зажмурился. Он вдруг не на шутку испугался того, что сейчас эти странные люди догадаются, что к чему, и уж тогда постараются как можно скорее вернуть окаянный кол на место. «А они ведь могут не промахнуться! – забила в липком кошмаре его мысль. – И тогда уж мне конец. Защитить себя я еще долго не смогу – пока не затянется рана и я не восстановлю хоть частичку своей силы. А мне для этого нужна кровь, очень много крови, и хорошо бы свежей. Но добыть ее сейчас никак не возможно!» Холодея от смертельного страха, Янош тихо ждал конца. Но ничего такого ужасного не происходило, и ему оставалось только ждать, пока его могучий, нечеловеческий организм потихоньку сам сделает свое дело, если, конечно, Яношу и дальше улыбнется удача.

– А ножик-то деревянный. Весь! И лезвие тоже, – сказал сиплый, удивленно разглядывая то, что держал теперь в руке.

– Да не ножик это и не кинжал. Вы будете смеяться, но это больше похоже на какой-то культовый атрибут, каким вроде бы оборотней или колдунов убивали. Было в старину такое народное поверье.

– Обратите внимание! Вот вам налицо бабкины суеверия! Бедняга небось прирезал чужого барана или украл – а его колом, чтоб другим неповадно было. – Ваня забрал из рук сиплого несостоявшийся кинжал и небрежно передал его «командиру». – Верно я говорю?

– Все может быть, – задумчиво сказал Анатолий Иванович и осторожно положил полусгнившую деревяшку сверху на рюкзак. – Вот что, ребята, надо нам возвращаться. Все равно после Володиного подвига, – тут он кивнул в сторону долговязого в драном комбинезоне, – оставаться здесь смысла нет.

Мы впятером пойдем налегке, – продолжал Анатолий Иванович, – а ты, Ваня, останься и собери пока вещи. И жди нас. Наверное, придется вызывать милицию или пожарников, а может, и эмчезсников, чтобы тело поднять.

Ребята засобирались, что-то стали вытаскивать из рюкзаков, громко спорили, что взять, а что оставить. Лысый «командир» давал последние указания Ваньке, как лучше и удобнее упаковать и сложить сильно подпорченный багаж экспедиции. На тело, лежащее в углу, уже никто не обращал внимания. Меньше чем через час «командир» со своей группой отбыл, и Ванька остался совершенно один. Напевая что-то смутно похожее на «Мой дельтаплан» и подсвечивая себе фонариком, он принялся хозяйничать в развороченной взрывом пещере.

Когда же Анатолий Иванович в сопровождении спасательных служб вернулся на место, Ивана там не было. Тело на брезенте отсутствовало тоже. Спасатели искали пропавшего спелеолога не одну неделю, но абсолютно безуспешно. Ни Ивана, ни загадочный труп они так и не нашли.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ ГНЕЗДО

Глава 1 ХОЗЯИН

Рита Астахова, для друзей в просторечии просто Лесси, уже второй час одуревала от удрушающей жары и осатаневших голодных комаров, которых в этом подлеске оказалось видимо-невидимо. Кэт и Ася все не возвращались, хотя спустились в гостиницу за сигаретами и пивом минут сорок назад. Лесси проклинала про себя эту дурацкую затею с поездкой на Красную Поляну, дурацкий лес и дурацкий пикник, где оказываешься праздничным блюдом для кровососущих насекомых. Конечно, Большой Сочи – это не только пляж и море. Но и Поляна не самая большая достопримечательность.

Что скрывать, они потащились сюда только из-за нового филиала гостиницы «Лазурная», в расчете на интересное знакомство, но филиал стоял полупустой, и чтобы не тратиться на посиделки в кафе, подружки расположились недалеко, на чистенькой полянке – позагорать и попить пивка. Если бы не духота и комары... Рита раскурила последнюю сигарету. Где их черти носят, этих потаскушек?

Через пару минут на тропинке снизу послышались голоса – подружек и еще незнакомые. Похоже, девчонки возвращались в компании. Ритка живо вскочила с полотенца, отряхнулась от земляной пыли и полезла в рюкзачок за пудреницей. Проверив, не сильно ли блестит от жары лицо, и на всякий случай припудрив нос, она уселась обратно, стараясь как можно изящнее вытянуть ноги. Кэт и Ася и в самом деле были не одни – с ними поднимался по тропинке молодой человек. Но как оказалось, и он был не один: его сопровождала миловидная невысокая женщина лет тридцати, сильно загорелая и с пышным шелковым платком на шее – это в такую-то жару, когда кожу хочется с себя стянуть! Ритка на всякий случай встретила их дежурной улыбкой.

– Вот, познакомьтесь, это наша Лесси, – подойдя, сказала новеньким Кэт.

Ритка еще раз улыбнулась во все тридцать два зуба, но подумала: «Катька, зараза, могла бы при чужих и по имени назвать!»

– Какое у вас имя необычное, – сказала женщина с платком. И как бы с сожалением добавила: – А у меня вот самое обыкновенное – Ирина.

– У меня тоже имя обыкновенное: Рита. А Лесси – это просто кличка такая.

* * *

Они разговорились и долго вместе пили пиво, сидя на разложенных полотенцах. Миловидного мальчика, как выяснилось, звали Артуром – очень романтично, решила Ритка, – а с Иринкой он и сам познакомился только вчера. И очень доволен: такая компанейская у нее душа – не соскучишься. Тетка действительно мировая, с такой и Ритка бы сто лет дружила, да ей, видать, с молодыми мальчуганами интереснее, оно и правильно. Ритке было хорошо и просто так сидеть рядом, смеяться пустякам, смотреть, как дура Катька строит глазки Артуру, а тому ее глазки до балды – еще бы, такая тетка с ним, а девиц навроде Катьки на пятак ведро.

Когда солнце стало садиться, засобирались вниз, в долину. Иринка с Артуром домой в гостиницу – переодеться к ужину, а подружкам еще надо было ловить частника до города, на гостиничные такси никаких денег не хватит. И когда уже прощались, Иринка позвала:

– Мы с Артурчиком завтра собираемся к моим друзьям в пригород. У них что-то вроде новоселья – недавно дом купили. Пойдемте с нами, если хотите. Туда можно запросто – хозяин веселый, считает, что чем больше народу, тем лучше удастся праздник.

– А удобно? Мы ведь там никого не знаем, подумают еще: какие-то нахалки приперлись без приглашения!

Ну, Аська, ну, идиотка, у Риты аж руки зачесались отвесить ей плюху. Не знает она там, видишь ли, никого, смольнинская институтка! Жаль, плюха не понадобилась, Ирочка сама красиво ей, цаце такой, ответила:

– Почему же никого не знаете? А я, а Артурчик? Вы меня, Ася, просто обижаете. Я думала, какое приятное знакомство, такие симпатичные девочки, так время хорошо вместе провели. Ну, раз мы никто – значит, никто.

– Ой, Ирочка, миленькая, да что вы козу эту нашу слушаете! – Кэт, вот молодец, вовремя спохватилась. – Она ж выпендривается перед вами. Конечно, мы пойдем, спасибочки большое, а то мы тут со скуки сопьемся скоро или замуж за местных баранов повыходим. У нас билеты обратно только через неделю, так мы их уже обменять на послезавтра хотели!

Иринка вроде бы оттаяла, заулыбалась и стала объяснять, где и как им лучше встретиться в городе. Договорились на семь вечера в холле гостиницы «Жемчужина». Ритку куда больше волновало, что надеть по такому случаю, она выяснила – оказалось, все, что угодно, отмечать будут по-домашнему. И ладно. С вечерними туалетами у нее, как всегда, полный швах. Домой ехали в приподнятом настроении. И тачку поймали задешево, спасибо Артурчику, и завтра, вот-те-нате, неожиданное развлечение. Они с Кэт даже Аське ничего не сказали за ее дурь, таким все вокруг казалось клевым, Аська вон тоже вся светится, принцесса малахольная, небось размечталась, как завтра с прекрасным принцем будет знакомиться. «Как же, раскатай губу, так тебе и отдай за просто так принца, не будь я Лесси. Стоящих принцев мало, а нас, голодных, много; конкуренция, подруга».

В номере своей заштатной гостишки с гордым названием «Кавказ» еще выпили, уже кое-чего покрепче, и Ритке стало совсем хорошо. Девчонки и вовсе расхотелись, принялись громко петь «Стюардессу Жанну», Кэт размахивала в такт стаканом и облила полкровати, потом им стали стучать в стену, концерт пришлось прекратить. Потом завалились спать.

С утра у них сильно болели протрезвевшие головы, так что утро, собственно, началось где-то в обед. Но к вечеру, усмирив бунтующие организмы дозами кефира, подружки опять повеселели, да и пора была собираться в неожиданные гости. Когда они ровно без пяти семь пришли в «Жемчужину», Ирочка уже ждала их в вестибюле, сидя в прохладном кожаном кресле. Одета она была тоже не празднично, так – джинсики и топ, правда, вещи дорогие и хороших фирм, только яркий шарф на шее все портил и придавал ей несколько нелепый вид. Но кто его знает, может, памятная вещь или просто талисман на счастье, спросить нельзя, получится бестактно. Через минуту подошел Артурчик, за сигаретами для дамы ходил, воспитанный малыш, и сегодня кажется особенно хорошеньким – голубая рубашечка в синюю полоску с эмблемой-крокодилчиком, Ритка знает – дорогая фирма, и глаза от этой рубашечки тоже голубые-голубые, хотя на самом деле вроде светло-серые. Подошел, поздоровался:

– Привет, девчата! Вы молодцы – не опаздываете. – И повернулся к Ирочке. – Ну что, может, поедем, раз все в сборе?

– Конечно, зайчик. Ты пойдешь с машиной договорись, а мы пока в холле подождем – здесь прохладнее. – «Черт, как она ему улыбается, прямо как царица Клеопатра, вот бы мне так научиться», – позавидовала втихую Ритка. – А мы пока покурим. Угощайтесь, девочки. – Ирочка протянула им по очереди уже открытую пачку.

С машиной все решилось очень быстро, и через пару минут они всей честной компанией катили по приморской дороге. Вышли где-то в частном секторе, Ритка так и не поняла, куда же в конце концов приехали, Сочи она знала не хорошо. Потом еще немного шли по узкому проселку резко вверх, машина туда проехать не могла. Дом стоял чуть на отшибе, но на вид был ничего и очень даже. Двухэтажный, с красной черепичной крышей, вроде как в швейцарском стиле, или как там называется. И участок вокруг дома был большой – с травкой и цветочками и высокими кипарисами. А вот огорода никакого не было – видать, хозяева богато живут, им без надобности. И забор вокруг участка – даже не забор, а настоящая кирпичная стена выше человеческого роста, чтобы любопытные не заглядывали. Да, что ни говори, дом солидный, прямо-таки знатный дом. Аська, зазнайка, даже стусевалась, в землю глаза опустила, вот глупая! Ты в землю не гляди, ты вокруг гляди, слава Богу, есть на что и на кого.

Гостей во внутреннем, выложенном матовой плиткой, дворике было не то чтобы много, но и не мало. А главное – были среди них гости молодые и, ничего себе, симпатичные и мужского, обратите внимание, пола. Интересно, кто же из них хозяин? Ирочка про гостеприимного хозяина-то говорила, а вот про гостеприимную хозяйку Ритка что-то никаких слов не помнит. Неужели при такой домине и не женат? А что, если он ничего себе и не старый, то такой Сочи и на Москву променять не грех. Да если и старый, то невелика беда, а страшный – так с лица не воду пить.

Потом шумно знакомились, мужчины с интересом разглядывали новеньких. Девчонки тоже не отставали, Ритка с Кэт всю стреляли глазками, попутно стараясь запомнить, кого как зовут. Аська тоже оттаяла, уже стояла с полным до краев бокалом и умничала перед каким-то упакованным бедолагой, на вид молодежь, но с выдающимся брюшком. Приглашенные на новоселье были люди самые разные, некоторые по своему виду походили на ответственных городских и даже, может, краевых чиновников, впоследствии они ими и оказались, были и молодые, и вроде бы тоже новички в компании, как Ритка со своими девчонками. Хотя некоторые из них держались как-то слишком по-свойски, как будто у себя дома, а самое удивительное – у свойских почти у всех были на шее повязаны шарфики и платки, похожие на ковбойские, на вид вроде такие же, как у Ирочки. «Какой-то тайный платочный орден», – подумала про себя Ритка и от этой забавной мысли совсем развеселилась.

– Девочки, можно вас на одну минутку? – тихо, вполголоса, позвала их Ирочка. – Хотите, я вас с хозяином познакомлю?

«А то нет, не хотим! Битых полчаса мы здесь ошиваемся, и без понятия, у кого в гостях!» – Ритку эта мысль отчего-то привела в раздражение. Она нарочито чопорно взяла под руку Кэт и, глупо ухмыляясь, торжественно объявила:

– Мы готовы. Куда прикажете пройти?

Ирочка, конечно, поняла шутку и тоже включилась в игру.

– За мной извольте следовать, – сказала она, смешно переставив слова и поманила за собой, – сюда пожалуйста.

Ритка, все еще с Каткой под ручку, пошла следом за Ирочкой, вышагивая как на параде. Отставленная Аська тащилась сзади. Ее проблемы!

Идти, правда, оказалось недалеко, а точнее, совсем близко. Сбоку, у накрытого во дворе стола, за который еще не сели гости, стояло кресло. Не дачный парусиновый шезлонг и не белый пластик а-ля закусочная, а настоящее изящное, наверное, даже старинное кресло на гнутых, инкрустированных деревом ножках. Оно было повернуто к столу своим правым благородным боком, оттого человек, сидящий в нем, был виден только в профиль. Одет он был в темные хлопковые слаксы и ослепительно белую, без единой надписи или рисунка, футболку, а ноги его были обуты в совершенно неподходящие вечерние глянцевые туфли. Ритка взглядом сначала задержалась на его руках, на удивление незагорелых, гладких и без единого волоска, с очень хорошим маникюром. Сам хозяин замечательных рук, совершенно неподвижно лежа-

щих на мягких подлокотниках, неторопливо беседовал с вихрастым парнишкой, который в почтительной позе сидел напротив него на уже самом обыкновенном стуле. На подошедших девушек ни тот, ни другой не обратили ни малейшего внимания, даже не повернули головы. Ритка вдруг почувствовала себя преглупо, как тот пресловутый гость, который хуже татарина, однако тут Ира, слегка наклонясь из-за спинки кресла, тронула сидевшего в нем человека за плечо и что-то еле слышно сказала ему почти в самое ухо. Сидевший в кресле кивнул ей в ответ и небрежным жестом кисти как будто отослал прочь вихрастого парня, которого тут же словно ветром сдуло. И только после этого незнакомец медленно и как бы лениво поднял голову и наконец посмотрел и на них. В тот миг, да и за все время их разговора Рита так и не сумела разглядеть его лица; спроси ее тогда, она не смогла бы даже его описать, она сделает это только много позже, но это уже не будет иметь для нее значения. А сейчас она видела только два угольно-черных, бездонных глаза, пристально, но без малейшего интереса смотрящих на нее. Как будто бы ее не собирались разглядывать или даже просто видеть ее, просто взгляд этот не мог быть другим. И еще в Ритиной голове будто бы тонко запела некая насмешливая и очень грустная скрипка разочарования, обидный рекем ее смутным надеждам. Потому что человек с такими глазами никогда, ни при каких самых невозможных условиях не мог стать ей ни женихом, ни тем более мужем, он вообще, она узнала это только что наверняка, не мог быть мужем никому, ни одной из них. Это было так же невозможно, как выйти замуж за пушкинского Медного всадника.

* * *

– Ян, познакомься, пожалуйста, с нашими новыми друзьями. Они очень милые девочки, приехали к нам из Москвы. – Это уже Ирочка о них говорит, интересно, сколько времени Ритка стоит возле его кресла? – Море, солнце и все прочее, ты сам понимаешь. Вот эту девушку зовут Катя, такая хорошенькая, правда, Ян?

Ирочка, обняв Катю за плечи, слегка подтолкнула ту вперед. Всегда самоуверенная, Кэт с оторопелым видом сделала шаг, запутавшись в собственных ногах, кивнула головой, будто бы здороваясь, но ни словечка не сказала. А Ирочка уже взяла за руку Аську:

– А это – Ася. У нее очень красивое русское имя.

«Да уж, пожалуй, в нашей Аське ничего больше хорошего и нет», – как-то некстати подумалось Рите, и, не дожидаясь, пока ее саму представят загадочному Яну, она совершила неожиданный для себя самый поступок: протянув руку, шагнула к креслу и нарочно громко сказала:

– Здравствуйте. Я – Лесси. Очень приятно с вами познакомиться!

Она как будто хотела сама для себя сжечь все существующие и несуществующие мосты, дать ему понять – она для него не милая девочка, она – нечто среднего рода, с глупой собачьей кличкой. Однако рука ее повисла в воздухе, и получилась только неловкость.

Этому человеку, похоже, было вообще наплевать и на ее прозвище, и на ее пол. В его глазах не было ни любопытства, ни раздражения ее выходкой. Так, как он смотрел на Лесси, люди вообще не смотрят на людей, так можно разглядывать только неодушевленный предмет либо в лучшем случае собаку или хотя бы кошку. И если бы в его взгляде виделась усталость или признаки какой-то подтачивающей его силы хвори, Лесси бы не было нисколько обидно. Но нет, это было холодное равнодушие большого зверя, который насытился и теперь ленится даже смотреть на добычу. В черной радужке глаза, почти слившейся со зрачком, Лесси увидела и некую враждебную мощь, надежно спрятанную за показной неподвижностью тела.

Не обращая внимания на ее все еще глупо висящую в воздухе руку, которую Рита, засмотревшись, так и не догадалась убрать, Ян, уже ставший ей неприятным, коротко кивнул только одной Ирочке и тут же отвернулся, давая понять, что представление гостей хозяйину окончено. За все это очень короткое время он так и не сказал им ни единого слова. Однако Ирочка ничуть

не была обескуражена нерадушным приемом и, едва они отошли от владетельного кресла, тут же потащила подружек к накрытым под тентом столам.

Там уже шумно, вразнобой, сновали приглашенные на новоселье, брали кому что приглянется с фаянсовых тарелок и мельхиоровых блюд, но никто не садился, ели стоя, даже, скорее, на ходу. Кто-то, будучи уже слегка навеселе, пытался спеть и, судя по невнятным звукам, делал это с набитым ртом. Правда, еда была что надо, не магазинная, а свежайшая крестьянская, с местным колоритом: и нежнейшие шашлыки, и обрызганная водой зелень. Особенно хороша была рыба – запеченная под маринадом, жаренная с луком и обложенная салатом с какими-то незнакомыми травами. Рита съела изрядный кусок речной форели, приготовленный во фритюре, и не удержалась – взяла еще, черт с ней, с диетой, вкусно было так, что пальчики оближешь. Кэт с Аськой тоже не отставали, только Катьку скоро развезло от домашнего вина, и передвигалась она не очень уверенно, держась рукой за край стола. Рита хотела подойти, но Аська сама догадалась: взяла ее за локоть. Ну, теперь ничего, не упадет, и Рита, взяв с собой полный бокал, отправилась на поиски куда-то подевавшейся Ирочки. Вино придало ей смелости, и ей захотелось поговорить об этом нахальном Яне – кто он вообще такой, откуда он взялся и как посмел игнорировать ее, Ритку? Прежняя ее оторопь и подспудный страх отступили под благотворным влиянием спиртного, и разговор казался ей вполне уместным. Ирочку она обнаружила неожиданно в углу веранды. Та перевязывала заново растрепавшийся шарфик и была совершенно одна. Ритка подошла к ней и молча стала рядом, засмотревшись на ее голую, беленькую, чуть коротковатую шею. Ирочка встряхнула в руках легкую шелковую ткань, посмотрела ее на свет – не запачкала ли, и только потом улыбнулась Рите:

– Что это ты так меня разглядываешь? У меня что, волосы не в порядке?

– Да нет, все хорошо. Я просто подумала, раз ты все время носишь на шее этот платок, то у тебя под ним спрятана безобразная родинка, а может, большая бородавка или уродливый шрам... А ничего на самом деле нет. Я, наверное, очень глупая, правда?

– Вовсе ты не глупая! – Ирочка весело и как-то по-хорошему рассмеялась. – Нормальное человеческое любопытство. Представляю, как ты ожидала увидеть что-то страшное и необыкновенное, а увидела самую обыкновенную и не очень красивую шею, а? – Ирочка засмеялась уже громче. – Ты, наверное, даже огорчилась, ну скажи честно?

– Ага, огорчилась. – Ритке тоже стало смешно. – Ну я и дура!

– А меня спросить тебе в голову не пришло? Думала, у меня какой-то секрет за семью печатями?

– Да как-то неудобно было. Вдруг ты бы рассердилась?

– Не рассердилась. – Ирочка перестала смеяться и спокойно сказала: – На самом деле, если ты обратила внимание, здесь половина ребят с такими же платками. Это просто местная мода.

– Очень местная? – все еще веселясь, спросила Ритка.

– В каком смысле?

– Ну, кроме как здесь, в смысле – в этом доме, я ни на ком больше в городе похожих шарфов не видела. Это же непрактично в жару.

– А ты на самом деле глазастая! – В Ирочкином голосе была чуть ли не неприязнь, или Ритке это показалось, но было понятно, что высказанное ею наблюдение отчего-то не понравилось.

– Ты извини меня, если я не так что-то сказала. Я же не в обиду. Ходите как хотите, подумаешь! Я когда-то волосы под еж постригла и в зеленый цвет покрасила, целый месяц так и проходила, представляешь?

– Нет, если честно, не представляю. – Ирочка опять улыбалась, наверное, это Риткино извинение подействовало. – А ты меня искала или так, мимо проходила?

Но Ритин запал давно прошел, и спрашивать о страшноватом хозяине уже не хотелось. Ей подумалось: вдруг этот Ян какой-нибудь криминальный авторитет, а в его мире за ненужные вопросы можно потом дорого заплатить. Хотя если уж он на кого и походил, то меньше всего на бандита. Но береженого, как известно, Бог бережет, и Ритка решила не рисковать и сказать что-нибудь совсем постороннее:

– Там, по-моему, с Катькой плохо. Я боюсь, она пьяная совсем.

– Не волнуйся, сейчас разберемся. Пошли посмотрим, что там у вас делается.

Катька и впрямь была хороша. Пока Риты не было, она успела набраться еще больше и выглядела совсем непрезентабельно: волосы распустились и лезли ей в лицо, мутные глаза смотрели совершенно бессознательно, а нижняя губа оттопырилась, как у обиженного ребенка, того и гляди потекут слюни.

Вдвоем с Ирочкой они кое-как дотащили упирающуюся подругу до туалетной комнаты, хорошо, такая была на первом этаже, и силой промыли ей желудок. Потом Катьку усадили под развесистой грушей на чугунную садовую скамейку подальше от гостей, чтоб не пугала их своим видом. Аська принесла со стола кувшин с квасом и, как настоящая сестра милосердия, села поить ее потихоньку. Ритке больше рядом с ними стоять было незачем – что могла, она и так сделала.

– Ась, я пойду к народу, покручусь там немного, а то неудобно. Ты за Катькой присмотри, если не в напряг, хорошо?

Аська молча кивнула. Рита пошла обратно, под расписной навес: Ирочка уже махала ей из-за стола рукой, подзывая к себе.

– Не переживай, ничего с твоей Катей не случится, не она первая. Через полчаса в себя придет и дальше гулять будет, – успокоила она Риту. – Это все из-за местного вина, с непривычки.

– Нехорошо получилось. Первый раз в чужом доме, и такая срамота. Что теперь о нас подумают?

– А тебе не все равно? Ты их первый и последний раз в жизни видишь. И вообще скоро все важняки разъедутся и останутся только свои, вот тогда по-настоящему и повеселимся.

– Кто разъедется? – не поняла ее Рита.

– Видишь ли, малышка, хозяин этого дома – достаточно большой и уважаемый человек. Поэтому местным власть имущим персонам, иначе – важнякам, вовсе не зазорно принимать его приглашения, скорее наоборот. Только долго они не засиживаются – отметились, выпили и гуд бай. – Ирочка допила залпом вино и, аккуратно поставив темно-синий бокал на краешек стола, наклонилась к Риткиному уху: – Я пойду с Артуром пообщаюсь, что-то он без меня заскучал. А ты пока с нашими ребятами поближе познакомься, они славные, веселые. Эй, Саша, и ты, Максим! – громко позвала Ирочка.

Стоящие рядом двое молодых людей с расписными платками, завязанными на манер пионерских галстуков, прервали разговор и обернулись. У них и правда были хорошие, милые лица, и они совсем не казались пьяными. Услышав, что именно от них требуется, тут же выступили в роли массовиков-затейников, и, честно сказать, Ритке это пришлось по душе.

После еще пары бокалов белого вина, галантно налитого ей ребятами, Ритке и вовсе стало казаться, что она знакома с Максом и Сашком сто лет. Она смеялась их байкам и анекдотам, некоторые из них были с длиннющей бородой, рассказывала сама, может, не совсем к месту и удачно, но алкоголь уже брал свое. Она напрочь забыла про оставленную под деревом Катьку и упустила момент, когда основная масса гостей стала разъезжаться по домам.

На дворик нежно и быстро опускалась плотная южная темнота, и кто-то заботливой рукой зажег стоящие по периметру фонари. Но, как и обещала Ирочка, веселье только-только стало набирать ход. Оставшиеся, исключительно молодежь, словно перестали стесняться строгих учителей и разошлись всюю. Уже заиграла и музыка. Рита, подхватив под руку Сашка, выкри-

кивавшего в задоре «Гей, славяне!», пыталась исполнить что-то похожее на кривой канкан. Танцевала даже Катька, успевшая к этому времени протрезветь и опять основательно нагрузиться. Рите же, напротив, казалось, что чем больше она пьет, тем яснее становится у нее в голове, что, однако, нисколько не мешало ей и дальше получать максимум удовольствия от жизни. Когда же все порядком подустали и на открытом ночном воздухе стало прохладно из-за ветра с гор, Ирочка, держа за руку покачивающегося Артурчика, предложила перейти в дом. Ритке показалось это странным, наверное, такое приглашение было бы более уместно услышать из уст хозяина особняка, но он, похоже, окончательно самоустранился с собственного новоселья, по крайней мере после той неприятной первой и последней с ним встречи Ритка больше его во дворике не видела. Но, как говорится, в чужой монастырь со своим уставом не лезут. Раз Ирочка считает, что все так и должно быть, то пусть так и будет, ей, конечно, виднее.

Дом изнутри тоже производил немалое впечатление. Одни белые кожаные диваны чего стоили. Ритке как-то некстати подумалось: скольких же хлопот стоит содержать их в такой умопомрачительной чистоте. И мозаичный изумрудно-зеленый пол был хорош, только на нем не лежало ни единого коврика или хотя бы крошечного половичка, впрочем, так, наверное, было удобнее его мыть, хоть и в ущерб уюту. А техника! Настоящий огромный домашний кинотеатр с кучей колонок по всей гостиной. Ритка могла только догадываться о богатстве отделки всех остальных комнат, но, судя по увиденному, вряд ли они были хуже. Только вот непохоже что-то, чтобы в этот дом только что переехали: конечно, мебель дорогая и, кажется, почти новая, но уж слишком прочно стоит все на своих местах и поставлено отнюдь не вчера. Так что вряд ли они здесь на новоселье. Впрочем, Риту это мало волновало, была бы охота погулять, а повод для приличия можно найти любой.

Группками и парочками расселись на замечательных диванах, телик ненавязчиво транслировал бог весть какой музыкальный канал. Опять выпивали, но уже не так шумно, больше было разговоров, какие приняты у не совсем трезвых людей. Наливали исключительно иностранное и, видно, недешевое виски, Рита такой марки не знала и тем более не пробовала никогда. Но коктейль из него получился удивительно вкусным: с кока-колой, колотым льдом и тонким ломтиком лимона. Общая беседа как-то сама собой вскоре сошла на нет, наступила задушевная фаза откровений с ближайшим соседом. Рите подумалось, как странно они все распределились. Сама она сидела, откинувшись на жестковатую кожаную подушку, рядом с Ирочкой, та мягко держала Риткину руку в своих ладонях и трагичным голосом рассказывала про свою не так давно покойную маму. Аська и Кэт шептались о чем-то вполголоса с рыженькой девчушкой, чье имя она так и не смогла припомнить, и время от времени смущенно хихикали. Рядом с ними сидел со стаканом Стасик, приятель рыжей девочки, и терпеливо ждал, пока они вдоволь насекретничают и пустят его обратно в свою компанию. Артурчик что-то возбужденно обсуждал с Сашком и Максиком, кажется, речь шла о скандалах в шоу-бизнесе. Максик то и дело, как бы слегка обнимая, клал руку Артуру на плечо. «Неужели же они с Сашком оба голубые? Жалость какая, как хороший парень, так непременно гей», – подумалось Ритке. Но, если честно признаться, Ирочка тоже вела себя не очень убедительно. Сидит возле Ритки, гладит и перебирает ее пальцы, несет какую-то ахинею про умерших родственников, а сама с непонятной жадностью заглядывает ей в глаза. Шла бы лучше к своему Артуру и охмурила бы его, чем на Ритку время тратить. Ритка лесбиянкой никогда не была и становиться ею не собиралась, даже в угоду любой дружбе. Но и затевать ссору из-за Ирочкиного игривого настроения ей тоже было лень: Ритку уже разморило и чуть-чуть стало клонить в сон. Заметив это, Ирочка предложила ей сходить вместе на кухню и принести еще льда, а заодно и немного прогуляться. Рита согласилась, но про себя решила, что если совместный поход только повод для объяснения, то она, Ритка, на любые сексуальные предложения ответит как надо и в выражениях стесняться не будет.

Одновременно поднявшись с уютного дивана, они пошли к двери, видимо, ведущей в кухню, и Ирочка успокаивающе махнула рукой оглянувшемуся на них Стасику: мол, ничего не случилось, все в порядке, они скоро вернутся. Выходя из гостиной, Ирочка как бы невзначай щелкнула выключателем, и комната погрузилась в полумрак, освещаемый только мерцанием громадного телевизора. В коридоре свет тоже не горел, так что добираться им пришлось почти на ощупь, вдоль стен. Прибыв на место, Ирочка не включила освещение, а может, она просто не знала, как это сделать. Так что просторное, поблескивающее никелем и хромом помещение не было погружено в полную темноту только благодаря фонарям, светящим из двора через два распахнутых, правда, забранных решеткой окна.

Риткино разыгравшееся в алкогольных парах воображение вдруг представило ее в скажном, набитом сокровищами гроте, в который сквозь листву пробивается своим сиянием луна, как будто она сама – Белоснежка, а сейчас из-под земли вот-вот должны появиться гномы. На душе у нее стало одновременно торжественно и немного жутко, и легкие колющие мурашки побежали по плечам и по спине. Она оперлась одной рукой на большое деревянное, шершавое на ощупь, сооружение, стоящее посреди комнаты-грота, кажется, просто обеденный стол, заставленный всякой хозяйственной ерундой, но глаза еще не совсем привыкли к полутьме, и толком она ничего разглядеть не могла. Ирочка подошла и встала рядом с ней, взяла ее осторожно и медленно за оба запястья и крепко, с необычной для женщины силой, их сжала. Они так и стояли какое-то время, глядя друг дружке в глаза, потом Ирочка улыбнулась, и Ритке привиделось в ее сверкавших в неверном свете фонарей зрачках что-то неприятно-хищное. «Вот оно! Сейчас она и начнет ко мне приставать», – решила Рита и приготовилась к должному отпору. Но Ирочка ничего не говорила, только продолжала смотреть на Ритку, и взгляд ее делался каким-то все более жадным и отстраненно-ненормальным. Она улыбнулась еще раз, широко оскалив крупные зубы. Ритке этот спектакль уже порядком надоел, ей было неприятно и неудобно. Если у милой Ирочки не все в порядке с очаровательной головкой, то пусть лечится, а не пугает людей по ночам на темных кухнях. Рита набрала в легкие побольше воздуха и, на секунду задержав дыхание, приготовилась высказать в лицо новоявленной подруге все, что она по ее поводу думает. Однако ничего этого Рита сделать не успела.

Толчок был настолько силен, что, отлетев навзничь на твердую столешницу и пренеприятно ударившись о край затылком, Ритка, обалдев от боли и неожиданности, на секунду решила, что началось землетрясение. В самом деле, не могла же тоненькая, изящная Ирочка приподнять ее и отшвырнуть с такой силой, какая найдется не у каждого здорового мужчины? Тут же Ритка задохнулась от оглушающего, нестерпимого удара под ложечку, и мгновением позже Ирочкины пальцы впились ей в волосы и вывернули голову так, что у бедной Ритки затрещали шейные позвонки. Навалившись на нее всем телом, Ирочка, с нелюдским потусторонним рыком, свободной рукой разорвала тоненький синтетический шелк Риткиной маечки, обнажив ей плечо. И Риту как будто ножом полоснуло где-то у самого горла повыше ключицы. Ее возмущенное, покалеченное тело взбунтовалось само, помимо разумной воли и сознания, которое уже ничего не контролировало и, находясь в полной прострации, увы, ничем помочь не могло. Нервы и мышцы напряглись, пытаясь защититься от смертельной угрозы, древний могучий инстинкт самосохранения раньше мозга понял, что сейчас ее будут убивать, совсем страшным и зверским способом. Изогнувшись, изо всех сил она рванулась из держащих ее как клещи рук Ирочки, и что-то очень острое рассекло ей кожу от горла до самой подмышки. Рана тут же налилась огнем, но это только подстегнуло Ритку. Она рванулась еще раз и почти чудом вывернулась из-под намертво вдавливающего ее Ирочкиного тела. И тут в свете луны, падающем из распахнутого окна, Ритка увидела лицо своей недавней подруги. Безумное, с блуждающими глазами, с открытым, ощерившимся ртом, издающим хриплые каркающие звуки, с кровью и слюной, стекавшими с губ, оно было мерзко и ужасно, захватывающе отвратительно. Риткина нога, на миг прижавшаяся коленкой к ее животу, выгнулась, как тугая пружина, и

тонкий, подобный новенькому гвоздю, остроконечный каблучок, весьма и весьма немаленькой длины, со всего маху вонзился в Ирочкин бок, пропоров и материю и плоть, и тут же, с режущим ухо чмоканием, был выдернут обратно. Ирочка отступила на шаг назад, непонимающие зрачки ее глаз заскользили сначала по Ритке, потом перешли на рану в бок, недоумевая, что же теперь в первую очередь надо делать: добить Ритку или заняться сначала собственными физическими повреждениями, но никакого решения им принять не удалось – Ирочка вдруг, коротко перехватив воздух, мешком осела на пол. Ритка не стала проверять, что с ней: инстинкт погнал ее прочь, вон от страшного места, она еще не пришла в себя и даже не была в состоянии закричать. Зарешеченные окна не могли выпустить ее наружу, и она бросилась обратно в темный коридор, ориентируясь на слабую полоску света, видневшуюся из-под двери гостиной. На бегу вломившись в проем, она бомбой ворвалась в зал, еще даже не зная, как она обо всем расскажет и как объяснит случившееся с ней остальным. Но наверняка они все вместе что-нибудь придумают, свяжут спятившую Ирочку и вызовут «скорую», и, главное, включают везде свет, и вместе не будет страшно. Однако, охватив единым взглядом людей вокруг нее, Рита поняла, уже не сумев удивиться, что объяснять никому ничего не надо, а надо бежать и из этой комнаты тоже, и как можно скорее. Ее подруги и Артурчик, растрепанные и окровавленные, лежали на изумрудном мраморном полу, а над ними склонились твари с такими же жуткими, как у дорогой подруги Ирочки, перекошенными и безумными, в красных потеках, лицами. Правда, в данную секунду лица эти, оторвавшись от своих, наверное, уже мертвых жертв, были обращены на Ритку, не понимая, как она могла опять сюда попасть и тем более на своих ногах. Ритка, конечно, не стала дожидаться, пока они сообразят, что к чему, и выскочила из дома на веранду, а дальше во дворик с неубранными, разоренными столами. Из глубокого, с рваными краями, пореза сочилась кровь, и Ритка пыталась ее остановить, на бегу прижимая к ране обрывки кофточки. Из дома уже неслись громкие гневные крики, и Рита заметалась по участку в поисках выхода. Въездные железные ворота оказались запертыми на внушительный амбарный замок, и, не найдя ничего похожего на калитку, Рита побежала вдоль глухого забора, преобольно цепляясь за росшие там кусты декоративной малины. О том, чтобы как-то перелезть на другую сторону, не было и речи, и не только из-за проклятых кустов: кирпичная гладкая стена была вдвое выше ее! В самом углу сада она наконец налетела на неказистое деревянное строение, вроде бы сарай, но в темноте было плохо видно. Неслушающимися руками Рита нащупала задвижку, и, слава Богу, ветхая дверь отворилась. Ритка мышкой скользнула в душную, пыльную темень и, ошупью не найдя изнутри засова, как можно плотнее постаралась прикрыть за собой вход. Стараясь поменьше шуметь, она стала пробираться в глубь сарая, шаря перед собой вслепую руками. У дальней стены споткнулась о груды барахла, прикрытую шершавой, грубой мешковиной. Ни о чем уже не думая, Ритка стащила с кучи вонючую рогожку и, завернувшись в нее с головой, заползла, с трудом протиснувшись, под какие-то занозистые доски. Кровь так оглушающе стучала в ее висках, что Ритка ничего не могла слышать, кроме этих барабанных звуков. Однако ничто не длится вечно, проходит и самый лютый ужас, и Ритка постепенно стала приходить в себя, страх смерти на время отпустил ее, дав хоть какую-то возможность воспринимать реальность и осознать наконец все, что с ней случилось. Визгливые, перекликающиеся между собой голоса, как ей казалось, раздавались уже по всему ночному саду, разыскивая ее, и Ритка разумно решила, что перво-наперво ей надо затаиться и постараться ничем себя не выдать, а тем временем обдумать, что же ей делать дальше. «Самое главное – это не впасть в панику, иначе мне хана, как пить дать», – тихо шептала сама себе Рита, и шелест собственного голоса ее успокаивал. Но мысли в ее голове были совсем нерадостными. Если бы Ритка имела хоть отдаленное понятие о том, за что и почему ее пытались убить, да еще так извращенно и жутко, она, быть может, сумела найти какой-нибудь хоть плохонький вариант и, чем черт не шутит, попыталась бы договориться со своими мучителями. Ритка отдаленно слышала о разных страшных сектах, где приносят кровавые человеческие жертвы, знала она

и массу зловещих баек о темной религии вуду, почерпнутых в большинстве своем из зарубежного кинематографа. В любом случае она могла бы с три короба наврать им, что придерживается той же веры и относится с благоговением к их культуре и ее вообще приняли не за того человека, она с ними одного поля ягода. Что угодно могла бы сказать и сделать, лишь бы только выжить, лишь бы отпустили. А там – до ближайшего отделения милиции, и будь что будет. Худо было, однако, то, что она не имела ни малейшего представления о предмете переговоров, ни о чем похожем на этот загадочный смертельный обряд она в настоящей жизни и ведать не ведала. И тут, вспомнив о погибших Кате и Асе, заново увидев их, лежащих на полу в луже собственной крови, Ритка, не удержавшись, заплакала, закусив костяшки пальцев. Она плакала и одновременно думала о том, как познакомилась с ними, придя на первый курс скромного медучилища в своей родной Москве, как ссорилась с ними по очереди и всегда мирилась, как обижалась и обижала сама, как временами презирала Катку и часто раздражалась на Аскину занудливость, но за два года они все же сумели стать настоящими подругами, и вот теперь она потеряла их обоих, и неизвестно еще, сумеет ли спасти себя. И когда ей стало совсем худо, она, давясь собственными слезами в спазмах сдерживаемых из всех сил всхлипов, подумала и о маме, которая теперь так далеко от нее, и отчего-то верила, что мама ее, тихая, замученная хлопотами и непроходящей усталостью мама, уж конечно, смогла бы ее защитить, окажись она рядом сейчас со своей умирающей от страха дочерью.

Бедная Рита, для нее полной неожиданностью было это дарованное ей время перед неминуемой, как ей самой казалось, смертью и необходимостью заполнения этого времени своими мыслями и чувствами. Ей то хотелось каяться в недостойных поступках, то вопить о несправедливости и незаслуженности наказания. Ибо Рита, затаившаяся мышонком под жесткой рогожкой, не могла уже помыслить о своей участи иначе, как о суровой каре, постигшей ее неизвестно за какие грехи. И мучительна была невозможность сейчас же просить прощения у близких и родных ей людей, перед которыми она в эти тягучие минуты чувствовала особо острую вину. Маленький братик Семка, сводный, не родной, она ревновала к нему мать, отказывалась сидеть с ним и часто грубо отсылала прочь, когда Семка по-детски приставал к ней со своими книжками и машинками. Только бы вернуться живой, и у Семушки, клялась она себе, будет лучшая в мире сестра и нянька. Она и за собаками отчима, дяди Гриши, будет ухаживать, будет ему помогать: ведь он же для них старается, возится с огромными злощими русскими терьерами, он, инженер и кандидат химических наук, вынужден разводить этих сторожевых монстров, чтобы кормить семью. Тихий, непьющий дядя Гриша, он ведь слова не говорит в ответ, когда Рита громко, по-хамски, возмущается на всю их малогабаритную квартиру, что в доме воняет псиной и нечем дышать от шерсти и вообще не повернуться, и грозит подсыпать отравы в собачьи корма, если Гриша от них не избавится. И как должное берет у него деньги, полученные от продажи ненавистных ей животных. А бедная мама ничего не говорит, боится открытого конфликта между ней и дядей Гришей, чувствует себя будто бы в чем-то неправой перед ними обоими и изводится, изводится без конца. Рита же видит непереносимые мамы переживания и терзания, но разве это всерьез трогает ее? «Господи, мамочка, только бы мне вернуться, и ты увидишь, любимая, дорогая моя, какая замечательная теперь у тебя дочь. Уйдешь со своей дурацкой чаеразвесочной фабрики, с жалких бухгалтерских копеек и с постоянных подработок на стороне: заплатят – не заплатят. Я буду кормить тебя, работать как проклятая и кормить тебя, вас всех. Господи, только бы мне выжить, выбраться, помоги мне, Господи...»

Под повторяющиеся, как молитва, мысли разум ее постепенно впадал в полусон-полутранс, реальность расплывалась, и в глаза и сознание сквозь мрак сарая медленно заползали миражи и видения. Ритку тошнило, и, казалось, поднималась температура, но она не беспокоилась об этом – дурманящая слабость накатила на все ее тело, и не оставалось сил пошевелиться или испугаться. Ей было плохо, и ей было все равно. Она не заснула, но и не

воспринимала окружающее по-настоящему. Найдут ее или не найдут – она не станет больше волноваться.

Рита не представляла, сколько прошло времени, когда наконец со скрипом открылась дверь сарая. Ее по-прежнему трясло в лихорадке и мутило еще сильнее, но тело ее оставалось скованным и безразличным, только глаза приоткрылись в безотчетной тревоге. Сквозь разошедшиеся доски пробивался слабый утренний серый лучик. Значит, уже рассвело, и вот за ней пришли. Послышались легкие шаги сразу нескольких человек и неторопливые, приглушенные туманной дымкой голоса. Потом Ритка увидела над собой чье-то лицо, озабоченное и, кажется, раздосадованное, но на удивление незлое. Лицо присевшего над ней вдруг отвернулось, и невидимые ей губы резко выкрикнули что-то, но Ритка уже могла услышать и воспринять, что именно.

– Быстрее бегите за Яном. Скажите – непредвиденные обстоятельства! Без него ничего поделать нельзя. – И уже тише голос добавил: – Впрочем, этого и следовало ожидать. Уже целых шесть часов прошло, не шутка.

Рита не видела, к кому обращался этот человек, судя по голосу, молодой мужчина, но услышала стремительно удаляющийся топот ног. Она попыталась рассмотреть и, возможно, узнать склонившегося к ней, но безуспешно, было еще недостаточно светло. Тут неожиданно его прохладная рука легла Ритке на лоб, откинув не без нежности назад ее волосы; она дернулась, но незнакомец успокоил ее, слегка погладив по голове. Тогда Ритка непроизвольно прижалась щекой к его руке, на большую благодарность у нее просто не было сил.

– Вот и умница, вот и молодец. Все будет хорошо. Сейчас придет Ян, и все будет совсем хорошо. Ты уж немножко потерпи. – Он, казалось, обращался не к Рите, а говорил куда-то в пустоту, и эта отстраненность его речи успокоила ее совершенно.

Ритка почувствовала, что вот теперь она по-настоящему засыпает, страха больше не осталось в ней, была только усталая опустошенность. Из дверей снова донесся шум и голоса, взволнованные, но тихие. Кто-то подошел к ней крупным, тяжелым шагом, шаги остальных словно рассеялись вокруг мелкой дробью. На секунду в сарае наступило полное молчание.

– Оставьте ее, слишком поздно. – Огромная темная фигура нависла над Риткой, и твердые холодные пальцы попробовали пульс на ее израненной, измазанной засохшей кровью шее. – Ее надо перенести в дом, и побыстрее, – категорически жестко приказал незнакомый голос.

– Но, Ян, мы же никого из них не собирались оставлять, – прозвучал чей-то агрессивно-опасливый ответ.

– Мы не убиваем своих, ты знаешь правило не хуже меня. Делайте, что я сказал. – Потом, более не добавив ни слова, темная фигура – Ян отвернулся и, не глядя уже на Риту, вышел из сарая прочь.

И тотчас ее подхватили, понесли прочь, достаточно бережно и осторожно, чтобы она поняла – жертвоприношение откладывается или вовсе отменяется по неясной пока причине, что никто не собирается в настоящий момент лишать ее жизни, а, наоборот, ее уносят, чтобы помочь. Прохладный и свежий воздух сада взбодрил и освежил ее, и Ритка наконец смогла прочувствовать то, насколько ей на самом деле плохо. Тело ее ныло и болело, горячка выламывала суставы, невыносимо тошнило и мучительно хотелось пить, страшно саднили десны, и язык, казалось, распух до невообразимых размеров. Ритку внесли в тот самый холл с изумрудно-зеленым полом и аккуратно и молча положили на один из диванов. «На пол не кладут ковров, чтобы легче было смыть кровь», – нехстати подумалось Рите, но ее вялый мозг уже никак не отреагировал на страшную догадку.

Человек, утешавший ее в сарае, присел возле нее, остальные куда-то разбежались. Он улыбнулся Рите и сказал, что надо еще совсем чуть-чуть потерпеть, что сейчас ей принесут лекарство и она спокойно заснет, а когда проснется, боли уже не будет и она поправится. И Рита

поверила ему и вдруг узнала его. Это был водитель машины, который вез их от гостиницы до самого этого дома. Но она уже ничему не удивлялась, ей даже показалось, что все в этом городе связаны с ней и с ее судьбой, и случайностей здесь просто не бывает. И тогда она спросила:

– Как вас зовут?

– Михаил... Миша, – ответил он и вроде бы обрадовался, что девушка наконец заговорила. – Как вы себя чувствуете?

– Спасибо, плохо, – честно призналась Рита. – Вы мне поможете?

– Конечно, помогу, ведь вы теперь с нами.

– В каком смысле – я с вами? – удивилась Ритка и попыталась слегка подняться.

– Лежите, лежите, вам сейчас нельзя двигаться, – забеспокоился Миша, – и разговаривать тоже не надо. Вам потом все объяснят. И не бойтесь, никто вас не обидит, даю слово!

Миша протянул руку над Ритиной головой, и кто-то подошедший сзади дивана сунул ему чуть дымящуюся кружку. Потом Миша приподнял Рите голову и поднес неприятно и душно пахнущее питье к самым ее губам.

– Это нужно непременно выпить. Все до дна. Если вы хотите побыстрее выздороветь. – Сказав так, он начал потихоньку, помалу поить ее из кружки.

К тому времени, когда Рита выпила все до последней капли, ее уже неудержимо тянуло в сон. Боль как будто понемногу отступила, оставив место томной расслабленности. И перед тем как окончательно и блаженно отключиться, она через силу растянула рот в некое подобие улыбки – в благодарность Мише за его хлопоты. Он понял это и кивнул в ответ. И последнее, что она услышала сквозь пеленавшую ее темноту, было:

– С днем рождения тебя, сестра!

Глава 2 УЧЕНИК

И настал день. Солнце упрямо пробивалось сквозь единственную узкую щель плотно задернутых, вытканых замысловатым узором занавесок. Снаружи доносились разбудившие ее звуки популярной молодежной песни, смешивавшиеся с голосом диктора, читавшего новости. Рита Астахова открыла глаза и, увидев себя в незнакомой комнате, рывком села в кровати. На ней была чужая, не по росту, летняя пижама, рука ее на сгибе локтя заклеена пластырем, от которого тянулась тонкая пластиковая трубочка капельницы. Кроме Риты, в комнате никого не было. Она посидела немного, бессмысленно глядя перед собой, но внезапно накотившая дурнота вынудила ее снова лечь. Сколько времени она уже лежит больная в этой чужой постели, Рита точно не знала, вернее, не помнила. В комнате то было совершенно темно, то изредка ей казался вокруг полусумеречный свет. Рита была больна, она совершенно в этом уверена, и она помнит, хотя и очень смутно, возле себя дружеские лица и руки, помогавшие ей. Рите и сейчас еще было нехорошо, зато, слава Богу, она полностью пришла в себя. Полежав еще немного, она ощутила естественную потребность организма в совершении кое-каких своих нужд, но встать сама не решилась. Тогда Рита позвала наудачу: «Эй!» – ни к кому конкретно не обращаясь. Крик ее получился тихим и жалким, в горле от усилия неприятно запершило. Однако, как ни странно, она была услышана. Где-то за дверью засеменяли торопливые шажки, и через пару мгновений в комнату едва слышно проскользнула длинноволосая девушка. Ритка уже видела ее раньше: она была в ту роковую ночь со своим парнем Стасиком в этом доме, и, кажется, именно ее лицо Рита видела склоненным в кровавом оскале над несчастной Катькой. Но сейчас девушка выглядела абсолютно нормальной, только сильно обеспокоенной. Однако, увидев лежащую с открытыми глазами Риту, она вроде бы обрадовалась, по крайней мере заулыбалась, но тут же замахала на нее руками:

– Лежи, лежи! И не думай даже вставать! А то мне за тебя попадет!

– А ты кто? – слабым голосом, но достаточно дружелюбно спросила ее Рита.

– Я – Тата. Это имя для своих, – сказала та со значением, словно причисляя Ритку к некоему избранному кругу. – Если тебе что-то нужно, ты сразу зови меня. Тебе уже лучше?

– Да, вроде ничего. Вот только встать не получается, а мне надо... – И Рита без смущения объяснила внимательно слушавшей ее Тате, что именно ей надо.

Вопрос был тут же решен с удобствами и без проблем. «Как, однако, у них все оборудовано! Наверное, как в самых дорогих больницах», – делая свое дело, думала Рита. Но заботу о себе принимала с удовольствием, несмотря на неясное свое положение в этом доме. Оказав Рите необходимую помощь, Тата собралась уходить, сказав, что скоро вернется с завтраком, а потом поможет Рите умыться, потому что кое-кто, добавила она игриво, очень хочет ее навещать.

Когда с едой и гигиеническими процедурами было покончено и Тата, собрав пустую посуду на поднос, ушла, тут же в дверь легко, но уверенно постучали, и, не дожидаясь Ритино позволения, к ней в комнату почти бесшумно зашел Миша. И Рите стало вдруг как-то особенно приятно оттого, что именно Миша захотел увидеть ее, и вот он пришел и теперь берет стул и садится рядом с ее кроватью. Он был так добр к ней, когда ее принесли совсем плохую из того ужасного сарая, и Рита была уверена тогда, что умирает, а Миша утешал ее и уговаривал не бояться. Она запомнила его как единственное светлое пятно среди кошмара и боли последних дней, бог знает сколько их прошло, она не может вспомнить. А Миша сидел и молча и серьезно смотрел на нее. Рита подумала, что он очень симпатичный и, наверное, сильный и умный, несмотря на несколько угрюмый вид. И серый плотный костюм, и отглаженная рубашка, и идеально повязанный тугой галстук выглядели на нем совершенно естественно,

хоть бы и в такую несусветную июльскую жару. И еще Рита поняла: он ждет, что она первая с ним заговорит, и, наверное, боится, что она может этого не захотеть и ему придется уйти. Тогда Рита просто кивнула ему, как бы показывая, что все в порядке, но в разговор вступать не спешила. Миша показался ей тем самым человеком, от которого она может узнать многое и выяснить наконец, что же с ней произошло и продолжает до сих пор происходить. Следовало лишь правильно задать вопрос. Да вот беда, у Риты не получалось собраться с мыслями, когда рядом с ней молодой, красивый парень и смотрит на нее в упор, стараясь заглянуть в глаза. Но молчать и дальше было бы просто глупо, и Рита, была не была, все же решила расспросить его наобум, а там, глядишь, что-нибудь обязательно прояснится. Однако первая же фраза, непроизвольно слетевшая с ее уст, прозвучала неумышленно глупо:

– Вы – Миша? – Смешной вопрос, она же прекрасно помнит и его самого, и его имя!

Но молодой человек, напротив, обрадовался ее словам:

– Так вы меня не забыли?

– Не забыла. Здорово, что вы пришли! – И чтобы перейти к волновавшей ее теме, Рита осторожно спросила: – А я давно здесь лежу?

– Относительно. Вторую неделю, точнее, девять дней, – почти сочувственно ответил ей Миша.

– Долго... Я очень больна?

– Теперь уже нет. Но в некотором смысле... – Миша замолчал и отчего-то напрягся, словно хотел сообщить Рите нечто весьма огорчительное, но не решался.

Ритка, почувствовав нехорошее для себя в его молчании, жалобно попросила:

– Миша, если у меня есть какие-то заморочки, лучше скажите мне сейчас, а то я измучаюсь без толку. Все равно рано или поздно я же узнаю.

– Не то чтобы у вас неприятности... – «Это он меня интеллигентно поправляет», – не к месту подумалось обеспокоенной Ритке, но Миша уже продолжал: – Просто вы попали в несколько необычную для человека ситуацию. А плоха она или хороша – решать только вам.

– Ну говорите, не томите! Вы же хороший, вы же мне помогли уже один раз... пожалуйста! – Голос Ритки прозвучал как жалобный просящий плач и, пожалуй, привел интеллигентного Мишу в некоторое смущение.

– Вы только не волнуйтесь. Вас никто здесь не обидит, скорее наоборот. И извините меня, что я хожу вокруг да около и только терзаю вас недомолвками... – Тут Миша запнулся и как-то обреченно отвел глаза в сторону. – Видите ли, я не знаю, как и с чего начать, – тихо признался он.

– Да вы начните, как получится, а что неясно, я спрошу, хорошо? – приободрила его немного успокоенная Рита.

– Я попробую, но все не так просто... – И Миша в очередной раз замолчал. Потом, словно решившись на что-то, сел торжественно прямо, сцепил перед собой в замок руки и, глубоко вдохнув воздух, спросил: – Скажите мне, Рита, вы верите в сказки?

Ритка пришла в легкое недоумение от его вопроса, но тут же подумала, что это, очевидно, какая-то игра, и посчитала за лучшее в ней поучаствовать.

– Нет, в сказки я не верю. Только в сны, – ответила она и попыталась благожелательно улыбнуться.

– Жаль. Тогда нам непросто будет понять друг друга. Однако я все же попытаюсь вам объяснить... – Миша перевел дыхание и продолжил: – Понимаете, то, что с вами произошло тогда, – Миша особенно, с нажимом, выделил последнее слово, – имеет самое непосредственное отношение к некоему сказочному, можно сказать, фольклору.

– Вы знаете, я об этом уже догадалась. Вы и ваши знакомые, верно, вообразили себя ведьмами и вурдалаками, которые пьют кровь и питаются человеческим мясом. Как там у Бабы-

яги: «Чую, что русским духом пахнет... Конь на обед, молодец на ужин». Только зачем же людей по-настоящему мочить?

– Вы как раз ухватили основную мысль. Но есть одна неточность – мы не вообразили, мы такие и есть на самом деле!

– Вы хотите, чтобы я, как последняя дура, поверила, что вы настоящие вампиры – вурдалаки из книжек и ужастиков? – Вот тут Ритке в самом деле стало смешно: «Да он просто чокнутый какой-то, а на вид вроде нормальный парень». Она слабо помотала головой: – Нет, это бред полный!

– Вы не правы. Как раз не бред, как раз наоборот. Вы только выслушайте меня до конца.

– Да не хочу я ничего слушать! Играйте в ваши игры, мне-то что, только не надо лапшу на уши вешать. – Веселость у Ритки уже прошла, и на ее место явилась холодная злость. – А если хотите знать правду, то вот что я вам скажу: вам и вашим друзьям лечиться надо, и не где-нибудь, а в психушке для особо опасных, буйных шизофреников.

– Спасибо за откровенность. – Миша, казалось, нисколько не обиделся на оскорбления, только лицо его приняло грустное и безнадежное выражение, какое скорее всего бывает у здорового человека, пытающегося что-то растолковать глухонемому. – Но вы все же обдумайте трезво мои слова, если получится, то без лишней предвзятости. Все же на свете много необычных вещей. А я к вам попозже еще наведаюсь, и мы поговорим.

Ритка не нашлась сразу что ему ответить, а Миша уже выходил из ее комнаты, не попрощавшись с ней и даже не обернувшись напоследок. И Ритка осталась в одиночестве, она ослабела от усилий физических и эмоциональных, которых потребовал от нее этот необычный и странный разговор, и в голове ее навязчиво крутилась только одна мысль: почему понравившийся ей парень непременно оказывается сдвинутым по фазе психопатом? И этот случай, к сожалению, не исключение. И, думая об этом, она как-то незаметно для себя уснула.

Мише же было далеко не до сна. Выйдя из импровизированной больничной палаты, он постоял с минуту в маленьком уютном холле второго этажа, досадливо теребя листочек высокой драцены, растущей в кадке у окна, и, делать нечего, отправился на доклад к хозяину. Впрочем, особого результата от беседы с пострадавшей девушкой он и не ожидал. Однако ее агрессивность, вместо обычного в ее обстоятельствах неверия и испуганного недоумения, озадачила его. Дело могло осложниться, а этого Миша никак допустить не мог.

Хозяин, как обычно в это время, пребывал в своем затемненном наглухо кабинете. Днем он никуда выходить не любил без крайней необходимости, дневной свет в его неприкрытости раздражал подозрительного хозяина. Хотя в современном мире бояться дня и обычного общения с людьми ему было нечего. Но Миша догадывался, что это всего лишь давняя привычка, а не излишняя осторожность. Постучав в тяжелую, темного дерева дверь и услышав изнутри краткое и резкое: «Можно!», Миша поспешил войти. Его господин, как это часто бывало, полулежал на мягком, обитом темно-коричневым велюром, изящном тонконогом диванчике и потягивал кофе из хрупкой фарфоровой чашечки. Кофе хозяин всегда варил сам, прямо в кабинете, на портативной электрической плите, так что вся комната насквозь пропахла неистребимым резким запахом свежесмолотых кофейных зерен. Миша, подчиняясь раз и навсегда заведенному порядку, взял старинное полукресло и сел напротив так, чтобы хозяин мог видеть его, не меняя при этом положения тела. После, налив себе с молчаливого позволения горячего кофе из громоздкой медной турки, Миша приступил к делу:

– Должен вам сказать, что разговор, к моему прискорбию, не получился. Впрочем, ожидать обратного было бы самонадеянно и глупо. Если бы не крайние обстоятельства, я бы посоветовал подождать, пока вопрос не разрешится сам по себе.

– Невозможно, – как обычно кратко и односложно ответил хозяин.

– Да, я знаю. Я постараюсь еще раз. Позже. – В подражание господину Миша тоже перешел на категоричный тон.

– Михаил, у тебя нет времени. Это ты, надеюсь, понимаешь? – Хозяин повысил голос и даже приподнялся с подушек, что случалось редко. «Значит, дело совсем нешуточное», – решил про себя Миша, вслух же сказал:

– Понимаю, Ян Владиславович.

– В крайнем случае – завтрашний день. Больше ждать нельзя. Очень... очень рискованно.

– Она будет готова, я обещаю. Кто должен приехать?

– Думаю, сам Воеводин.

– А если нет? Если он возьмет и пришлет вместо себя простого опера? – забеспокоился Миша.

– Не придет. – Ян на секунду задумался. – Вот что... С утра возьмешь машину и будешь ждать его у здания прокуратуры. Воеводину наш знак внимания будет приятен. К тому же он господин воспитанный, ему неудобно будет отказать.

– Хорошо, я буду там к десяти ноль-ноль.

– Значит, вопрос решен. А сейчас иди к девочке и хоть душу наизнанку выверни, но сделай так, чтобы она поняла. А главное, вызубрила свою роль, как «Отче наш»!

– Вряд ли она знает «Отче наш», – позволил себе пошутить Миша.

– Не важно, ты меня понял. – Ян нетерпеливо хлопнул ладонью по мягкой велюровой спинке диванчика и резко оборвал разговор: – Все, иди. Некогда.

Поднимаясь вверх по деревянной винтовой лесенке, Миша в уме перебирал возможные аргументы убеждения и наилучшие с точки зрения доходчивости примеры своей правоты, могущие подействовать на строптивицу – их новоявленную сестру. Обычно внутренне равнодушный к невзгодам своих собратьев, выполняющий всю требуемую от него работу лишь из чувства долга, кодекс коего был выработан им самолично раз и навсегда, он был холоден и уравновешен перед лицом любых проблем и любых посторонних ему страданий. Религию и чувство прекрасного вполне заменял ему окончательно сложившийся в Мишиной голове образ всемогущего хозяина, которого Миша отнюдь не низводил в равный хоть одному живому существу ранг, а поместил где-то между сверхчеловеком и неким Высшим Разумом, создавшим мироздание. В Бога Миша не верил и потому считал хозяина новым высшим созданием разумной эволюционирующей природы, своего рода посредником между небом и землей, в переносном, конечно, смысле. Но сопереживать или сострадать хозяину ему бы и в мысли не пришло, ведь никто же не станет сочувствовать ангелу или Господу Богу. Однако девушка в верхней спальне, с приятным именем Рита, вызвала у него давно и нарочно забытые и отвергнутые им ощущения. И дело было не в красоте, к тому же далекой от совершенства, на собственный Мишин вкус, и не в ее полной сейчас беспомощности и болезни – он знал, что это всего лишь плата за будущее могущество. Просто за всю Мишину не очень долгую жизнь ни один живой человек, да что там человек, ни один его сородич-вампи никогда не просил его о помощи и тем более не был благодарен за нее. Его обычную вежливо-успокаивающую скороговорку эта несчастная дурочка приняла за чистую монету и невольно возложила на Мишу неясную ответственность, которая требовала опеки и заботы с его стороны, так что Мише пришлось освободить для девушки уголок в своей замороженной душе, чему Миша был совсем не рад, но ничего поделать с собой уже не мог. Поэтому на второй этаж он поднимался в некотором раздражении и в то же время с твердым намерением выполнить задание хозяина.

В коридорчике перед нужной ему дверью Миша столкнулся с мадам Иреной, правой рукой хозяина, которая была рядом с ним задолго до появления самого Миши и, как утверждали злые языки, ранее звалась просто Ирочкой Синицыной. Миша был уверен, что мадам Ирена не столько проходила мимо по своим делам, сколько поджидала его, Мишу. В чем и не ошибся.

– Что-то, Мишаня, вид у тебя невеселый! Девочка оказалась не подарок, или на здоровье жалуешься? Если проблемы с девчонкой, могу помочь, – первой заговорила с ним Ирена.

– Нет, мадам, никаких проблем. Я вполне справлюсь сам! – отрезал Миша, возможно, что и несколько резко. Но мадам в ответ только нарочито расхохоталась.

– Ну-ну, Мишенька, смотри, если что, я буду неподалеку, – сквозь смешки ответила мадам, пропуская Мишу к заветной двери.

«Наверняка будет подслушивать в коридоре. Тотальный шпионаж – любимое развлечение нашей уважаемой патронессы», – подумал про себя Миша, но предполагаемое занятие мадам Ирены его ничуть не беспокоило. Он прекрасно знал, что Ирена будет стоять под дверью исключительно ради собственного удовольствия, а отнюдь не по поручению хозяина, который безоговорочно полагал в основе прочности их общины полное доверие между всеми ее членами.

Но, тихонько заглянув после обязательного учтвого стука в комнату девушки, он увидел, что Рита мирно спит, откинувшись навзничь на подушки. Миша тут же решил ее не будить, тем более что какие-нибудь полчаса или час ничего не меняли, а с другой стороны, мадам могло надоесть караулить его в коридоре, что само по себе было бы неплохо.

* * *

Когда Рита открыла глаза, было уже время обеда. И потому вскоре в ее комнате снова возникла все та же Тата, на этот раз катящая впереди себя тележку на колесиках. Но на этот раз кормить Риту ей не пришлось. Почти сразу вслед за Татой в спальню вошел сумасшедший Миша. Отпустив Тату кивком головы, он подкатил сервированный столик к Ритиной кровати и сам сел рядом. Суетливо и неумело перебирая обеденные приборы, он налил Рите вкусно дымящегося супа в фарфоровую плошку и, закрепив плошку на специальной подставке, убедившись, что та не опрокинется, Миша заговорил. Говорил он долго, не забывая при этом подавать и менять Рите тарелки, и она ела и слушала его не перебивая. Сначала из некоей боязни перед явно ненормальным человеком, потом уже из нездорового интереса, и, наконец, из нехорошего, возникшего у нее ощущения, что все, о чем ей рассказывает Миша, – чистая правда. Уже сытая, Рита откинулась на подушки, но расслабиться не смогла, ее всю било, точно в лихорадке, но на этот раз не от болезни – от страха. От страха перед правдой, пока не очень убедительной, но, по внутренним ощущениям, с не заставляющими себя ждать доказательствами. Поэтому надо было наступать и таким образом защищаться:

– Откуда ты знаешь, что этому вашему Яну на самом деле шестьсот лет? Только потому, что он сам вам сказал? Ты же, Миша, здесь всего три года, а говоришь так уверенно, будто у его матери роды собственноручно принимал! – Ритка перешла с Мишей на ты и даже не заметила. Настолько были пусты и не нужны церемонии, когда, она знала это и чувствовала каждым нервом, решалась вся ее будущая жизнь и судьба. И Миша тоже стал говорить ей «ты», даже с нескрываемым облегчением, хотя речь его и осталась безукоризненно правильной и без малейшего оттенка наглости и фамильярности.

– Видишь ли, Рита, я не могу заставить тебя поверить мне и Яну и всем остальным из нас. Пока не могу. Но эта вера придет со временем, и основана она будет не на пустом месте. А пока я, чтобы убедить тебя хоть в чем-нибудь, представлю первое доказательство того, что я не сумасшедший и не лгун. Будь добра, открой, пожалуйста, рот и пошире. Не бойся, больно не будет.

Рита, скорее из любопытства, чем от доверия к нему, запрокинула голову, и Мишины пальцы плотными и ощупывающими движениями стали массировать ее десны одновременно справа и слева. Потом он слегка надавил и сразу же убрал руки, и рот наполнился теплой солоноватой жидкостью. Рита справедливо решила, что это кровь. Но боли, как и обещал Миша, не было никакой.

– Теперь прополощи и выплюнь. – Миша протянул ей стакан со слегка розовой водой. Потом поднес раскрытую ладонь к самым ее глазам. – Посмотри сюда.

– Мамочки, что это такое? Что это значит? – шептала в ужасе Ритка, пытаясь по подушкам отползти подальше, но и не имея сил отвести взгляд от его ладони. Миша держал перед ней на весу два довольно крупных человеческих зуба, два клыка с полным набором корней, слегка замазанных кровавой жижей. Ритка провела языком по верхней десне – так и есть: два пустых страшных гнезда. Господи, да что же это?!

– Не пугайся ты так, ничего страшного, послезавтра уже вылезут новые, лучше прежних! – Миша загадочно, но успокаивающе усмехнулся. – А эти клыки все равно бы к утру выпали, так что я лишь немного помог.

– Почему? – только и смогла выдавить из себя Рита.

– Все просто. Ты меняешь зубы, потому что больше ты не обычный человек и, следовательно, зубки тебе тоже нужны особые, необычные.

– Какие же?

– По устройству они будут представлять собой нечто вроде шприцев. Но подробности и инструкции к пользованию получишь позднее. – Миша постарался сгладить ее нервно-напряженное состояние шуткой, хоть и не вполне удачной. – Сейчас это не главное.

– А что сейчас главное? – Первый шок у Риты прошел, и на зубы, все еще лежащие в Мишиной руке, она могла уже смотреть без страха и особого отвращения.

– Главное, поверила ты мне наконец? Хотя бы немного?

– Ну, допустим, что поверила. Дальше-то что?

– Дальше будешь жить с нами. Мы теперь одна семья. Ты пока это не в состоянии принять и понять, но тем не менее все так. Мы будем тебя учить, лечить, будем заботиться о тебе. А ты, когда придет время, определишь свое положение в нашей общине и тоже внесешь свой вклад в нашу семью.

– А если я не захочу? Если я сметаюсь отсюда? Если пошлю вас всех к такой-то матери?! – Ритка сорвалась чуть ли не на визг, протест и злость затопили ее сознание помимо живой человеческой воли, она кричала и в то же время представляла себя со стороны и знала, что выглядит отвратительно-базарно, и что Миша смотрит на нее, извергающую бранные, уличные слова, и назло стала выкликать нечто совсем нецензурное.

Миша, однако, невозмутимо выждал, пока она закончит свою матерную тираду, и ответил ей рассудительно и спокойно:

– Насильно никто не станет тебя удерживать, не беспокойся. Но уходить не советую. Хотя бы первое время, пока ты не освоишься со своим новым положением. Неконтролируемая самостоятельность может стать смертельно опасной для новичка, который еще даже не испытал свою первую жажду и не знает, что это такое. И тем более не умеет в одиночку охотиться и даже правильно обращаться со своим телом.

– Ты же говорил, что я теперь чуть ли не бессмертная? Или ты мне лапшу вешал? – уже миролюбиво осведомилась Ритка.

– Да, сама по себе ты не можешь умереть. Но есть вещи, которые могут тебя убить, и их надо знать. И уметь от них защищаться. – Миша перешел на почти учительский тон, и голос его от фразы к фразе становился все более строгим. – И научиться жить так, чтобы ни в коем случае не привлекать к себе излишнего внимания. Ничего из вышеизложенного ты еще не умеешь, ты пока наш иждивенец и ученик. Ты даже не прошла до конца стадию перерождения, она закончится полностью не раньше чем через неделю.

– Ну а когда я всему научусь, я смогу сама решить, что мне делать дальше?

– Безусловно. Но имеется еще одна проблема... – Миша на минуту замолк, тут уж была не была. – В общем, завтра с утра тебя навестит следователь.

– Это с какой же стати? Что он, мне родственник, чтобы меня навещать?

– Это по поводу твоих подруг: Кати и Аси. И вот что ты должна будешь сказать ему... – Тут Миша сделал паузу, многозначительную и увесистую, как занесенная дубина, чтобы значения будущих слов дошли абсолютно и грозно до его собеседницы. – В ту ночь, ты понимаешь в какую, вы втроем, поругавшись с нами и обидевшись на... Впрочем, причину ты сможешь додумать сама. Далее, вы вышли отсюда и на проселке остановили машину. В ней уже сидели двое парней-кавказцев. Вы были пьяны и рассержены, вам было все равно, и вы сели к ним в машину. По дороге парни вас связали и завезли в лес. Там вас стали бить и насиловать. Но так как их было только двое и они не могли уследить сразу за всеми вами, тебе удалось развязаться и убежать. Как ты добралась обратно к нашему дому, ты уже не помнишь. Утром тебя, избитую и покалеченную, нашли без сознания у ворот. Что стало с твоими подругами, ты не знаешь. По версии милиции, они обе пропали без вести. Номера машины ты не помнишь. Марку можешь назвать любую. Это все. – Миша замолчал и в упор тяжелым взглядом смотрел на Ритку, словно пытался подсмотреть в ее зрачках, как в замочную скважину, что же происходит у нее внутри. Ритка, словно набрав в рот воды, не издавала ни звука. Тогда Миша снова заговорил: – Если все понятно, давай вместе повторим с тобой твою роль, чтобы в ответственный момент не было осечки.

Мишино лицо приобрело чуть ли не ласковое, материнское выражение, фальшивое насквозь зияющими дырами напряжения и подспудной боязни ее ответа. И Ритка поняла, что можно еще поторговаться, а не сдаваться так бездарно и сразу.

– А ты и твой шеф не бойтесь, что я расскажу ментам всю правду? А если даже они мне не поверят, все равно неприятности вам обеспечат, а, как? Убить-то вы меня не можете! Это против правил – ты сам сказал. Что тогда? – издевательски и немного шутовски наигранно спросила Ритка. Впрочем, вопросы, заданные ею Мише, были нешуточные.

– Тогда нам просто придется исчезнуть из города. Мы лишимся более-менее уютного и надежного пристанища. На новом месте у нас опять будут трудности и неустроенность, придется все налаживать заново. И насколько удачно мы сможем осесть и закрепиться, сказать заранее нельзя. Тебе же придется терпеть неудобства вместе с нами. Почему? Я уже раньше объяснял.

– А вы совсем не бойтесь, что когда-нибудь вас просто посадят?

– Вот это просто невозможно! – Миша первый раз искренне и от души рассмеялся перед Риткой. – По крайней мере в ближайшие лет сто. Ведь для начала нас надо хотя бы поймать: я имею в виду чисто механический процесс. Ты еще только-только вступаешь в новую жизнь, а потому не можешь знать и оценивать нынешние возможности своего тела и его физиологии, вот и несешь чушь.

– Ладно, я знаю, что ни фигя про себя, какая я есть теперь, не знаю. Но я знаю, что мои подруги лежат где-то мертвые, а не пропали без вести. И еще я знаю, что убили их вы-ы! – Тут Ритка не выдержала и тихо и отчаянно зарыдала.

Но Миша не дал ей наплакаться как следует, в силу обстоятельств он должен был проявить жестокость, хотя на какой-то миг и почувствовал несвойственное ему искушение облегчить ее ношу и даже протянул руку, чтобы погладить по спутанным волосам и приласкать и немного успокоить. Однако Миша понимал, что его жестокость – это жестокость мира вокруг, и чем раньше девушка осознает ее и научится преодолевать, тем лучше будет для всех.

– Кто бы ни убил твоих подруг, это уже не имеет значения. Важно только будущее живых. Так что перестань плакать и соберись, чтобы я смог как следует подготовить тебя. Нет и не может быть другого выхода, понимаешь?

Опустошенная и запутавшаяся, она только кивала головой, повторяла сквозь хлюпанье носом за Мишей нужные слова, уже не заботясь, насколько пристойно она выглядит, и отчего-то называла себя «Лесси» и в третьем лице, и как автомат бормотала один и тот же текст, пока наконец Миша не сказал ей, что все, хватит, и что она молодец. Потом он стал говорить что-

то о том, как они оба устали и нужно отдохнуть, и, уходя, пообещал Рите, что ее сегодня еще кое-кто навестит. С тем и оставил измученную девушку одну.

Ритка не знала, да и не хотела знать, куда именно отправился от нее Миша. Возможно, побежал с докладом к хозяину, возможно, просто отправился пообедать. Собственно, она и не была в состоянии думать о чем-то, кроме завтрашнего визита к ней следователя. Несмотря на Мишины резоны и завуалированные угрозы, Рита все же не приняла окончательного решения. Мысли ее хаотично металась между безумными, гибельными вариантами и здравыми, практичными решениями, наиболее сейчас благо приятными и благоразумными, но сильно пахнувшими предательством, правда, чьим и по отношению к кому – Рита даже про себя боялась признать и произнести. То ей в порыве протеста против логики обстоятельств виделось чисто-сердечное, возвышенное произнесение истины перед лицом сурового, непременно в форме, милицейского служаки и немедленное затем принятие смерти от неизвестно чьей руки, и прочие высокие материи в духе Жанны д'Арк... Но тело и разум очень хотели жить и потому инстинктивно отметали представленные им беспокойной совестью сюжеты. И на Ритку накатывал противоположный страх, полный сомнений, – справится ли она завтра как надо, устоит ли перед лицом закона со своим обманом, и не падут ли на нее в случае неудачи тюремно-следственные кары? Роящиеся, противоречивые, сбивчивые и неопределенные измышления заставляли Риту метаться, перекатываясь из стороны в сторону по просторной кровати, и только тоненькая трубочка капельницы накладывала некоторые ограничения на ее безумные рыскания среди сбившихся простыней. Она была вся целиком внутри собственных терзаний и не замечала, что так промаялась до самого вечера, и не помнила ни услуг заходившей к ней, но ни словом не обмолвившейся Таты, ни молчаливо, кое-как проглоченного ужина. Пожелав спокойной ночи, Тата оставила ее в одиночестве при свете ночника, но Ритка никак не могла уснуть, так она боялась неотвратимо подкрадывающегося к ней завтра, в котором, в сущности, должна была сделать выбор между живой собой и покойными уже, но не отомщенными подругами. Закуклившись в своей боязни, Рита даже не сразу осознала тот факт, что возле ее постели стоит кто-то чужой. Рита не слышала ни шагов, ни дыхания подошедшей к ее больничному ложу фигуры, только тень, вдруг упавшая на ее исплаканное лицо, заставила Риту вернуться в реальность. От нее не потребовалось узнавания. Еще до того как подняла истосковавшиеся в муке глаза, она уже знала и сама, кто перед ней.

Факт, что хозяин пришел ради нее, ибо ради кого еще он мог прийти, ведь, кроме Риты, в спальне не было никого, произвел неожиданный эффект, словно нажав на невидимые рычаги в ее душе и вызвав к жизни чувства некоего тщеславия от собственной значимости и удовлетворения от внимания к ее персоне. Страх и метания были преодолены чистым любопытством и на время отставлены. На этот раз хозяин не был равнодушно-отстраненным, и можно было догадаться, что Ритка более не маленький ненужный камушек на его неведомом пути, но живое существо, обретшее наконец форму, сущность и определенную значимость. Набравшись храбрости, что было не так просто пред человеком, возможно, уже решившим ее судьбу, Рита попыталась прощупать взглядом его лицо, узнать, чего же, добра или еще большего зла, ей ожидать, и, обнаружив лишь грустное, но доброжелательное спокойствие, расслабилась и успокоилась сама.

– Что же вы стоите? Я лежу, а вы стоите, неудобно даже. Вы садитесь, пожалуйста, а то я не посмотрю на эти трубки и иголки и тоже встану, – озаботилась вдруг Рита.

– Не стоит. Я сейчас присяду. Я опасался напугать тебя и выжидал, когда же ты наконец меня заметишь. – Ян неторопливо даже не сел, а как бы опустился мягко всем телом на маленькую трехногую табуретку, отчего стал почти ровень с лежащей девочкой. – Сколько тебе сейчас лет?

– Недавно девятнадцать исполнилось.

– Это хорошо. Чем моложе человек, тем проще ему даются перемены. – Ян дал девушке время осознать и впитать в себя последние слова, являвшиеся преддверием их дальнейшего общения, потом тихо и проникновенно сказал, слегка склонясь к Ритиному сосредоточенному личику: – Ты ни о чем не хотела бы меня спросить?

– Хотела бы, конечно. Но я не знаю даже, с чего начать, – ответила Рита и, не уловив и тени недовольства со стороны хозяина, добавила чуть ли не кокетливо: – А вы помогите мне, ведь вы взрослый и умный и много чего знаете, раз целых шестьсот лет живете, если Мишка, конечно, не наврал...

– Не наврал. Даже слегка приуменьшил. Мне шестьсот восемьдесят два года, если тебе это интересно. – И, не обращая внимания на Ритины невольные «Ух ты! Не может быть!», Ян продолжил: – Я помогу тебе, но для этого мы немного поменяемся ролями. Скажи, ты бы хотела узнать, что случилось с твоими подругами, вернее, с их телами, после того как их убили, или, – последние слова Ян прошептал проникновенно и задушевно, как змея, почти в самые ее губы, – как у нас говорят: выпили?

– Не-е-ет! Нет! Не хочу, не говорите мне! Это страшно, я не хочу знать! – Она содрогнулась и отшатнулась – не ожидала жутких, похожих на внезапный тихий выстрел слов, не ожидала от по-хорошему ласкового голоса, их произнесшего. Страхи вернулись, ворвались вихрем, и Рита не смогла нести на себе взгляд хозяина, заслонилась свободной от капельницы правой рукой, безвольной ладошкой. Но Ян отвел ее руку в сторону, и Рите пришлось все же посмотреть на него.

– Не кричи. Не хочешь – не надо. Иногда нежелание знать притупляет в нас чувство гнева и жажду мести, а в твоём случае – это хорошо. – Ян сжал дрожащую ручку девушки своими ладонями и так оставил, не отпустил, словно хотел подобным образом передать ей часть своей силы и спокойной уверенности. – Но кое-что я все же хочу рассказать, чтобы избавить тебя от ненужных иллюзий. Ты готова слушать?

– Я готова слушать, – ответила еле слышно Рита, не зная, что хуже – знать или не знать до конца всю правду.

– Как ты уже, наверное, догадываешься, ты не должна была остаться в живых, как и никто из приглашенных в мой дом вместе с тобой. Ни твои подруги, ни мальчик по имени Артур, ни ты сама не были нам нужны иначе, как, скажем, некие сосуды, содержащие необходимый продукт питания, другими словами, как животные, добытые охотником для поддержания его жизни. И тем более нам не нужны были свидетели.

– Я не дура, понимаю это и без вас! – попробовала огрызнуться Ритка. Сравнение с животными было унижительным и пробудило в ней утихшую до недавних пор агрессивность.

– Я еще не закончил. Имей терпение выслушать собеседника до конца, в будущем это умение может пригодиться. – Ян ничуть не рассердился, напротив, был благожелателен и рассудителен, насколько возможно, чтобы не раздражать девушку еще больше. – Итак, я продолжаю... В тот день охотником была Ирена, твоя знакомая Ирочка, именно она собрала вас всех и привезла в мой дом. И по праву добытчика имела возможность сама выбирать себе... жертву.

– Вы хотели сказать что-то другое, что-то неприятное. Говорите, не стесняйтесь, я ведь понимаю – мне придется ко многому привыкать. – Рита тоже постаралась держать себя в руках и к тому же решила, что если уж хлебать дерьмо, так полной ложкой.

– Как пожелаешь. Мои родичи сказали бы не жертву, а корову. Они сами придумали это обозначение, я здесь ни при чем. Виновато, очевидно, время, в котором они выросли и живут. Оно располагает молодых к словотворчеству, к изобретению своего собственного языка. Но вернемся к нашим баранам... – Увидев недоуменное выражение Ритино лица, Ян сразу поправил себя: – Это просто образное выражение. Я хотел сказать: вернемся к моему рассказу. Так вот, Ирена выбрала тебя, Рита. Остальных должны были поделить те, кто нуждался в тот

момент в пище. Но Ирена слишком усложнила и затянула свою охоту, была слишком слабой и голодной, потому ей и не удалось справиться с тобой. Иначе бы у тебя, Рита, не было бы ни единого шанса уцелеть.

– И что же, бедная Ирена-Ирочка так и осталась голодной, бедняжка? – Чтобы придать себе мужества, Ритка отважилась на неприкрытый сарказм. Но ее издевка не была замечена и поддержана. Ответом ей были печальные, строгие слова, от которых мороз продрал по коже:

– С ней поделились.

– Кем? Кем поделились? Аськой или Катькой? – окончательно оледенев внутри, не то спросила, не то простонала Рита.

– А кого бы ты предпочла? – спросил ее Ян и тут же будто наотмашь хлестнул ее резким внезапным окриком: – Отвечай мне быстро, не задумывайся!

– Наверное, Аську, – торопливо пробормотала ошалевшая от неожиданности Рита и только мгновение спустя сообразила, что же она, в сущности, выбрала, и к горлу ее подступила тошнота.

– Почему? Она тебе меньше нравилась? – не отставал Ян, не замечая вроде бы Риткиного состояния и словно умышленно продолжая мучить ее.

Но Рита не могла уже говорить и только машинально кивнула в ответ и отвернулась. Ян еле заметно усмехнулся – улыбнулся и фамильярно, по-хозяйски, однако не без нежности погладил ее ставшую вялой и безучастной руку, которую все еще сжимал в своих ладонях.

– Все правильно. Ты ведь умница. И я думаю, у нас тебе будет хорошо, особенно когда в твоей милой головке все вещи станут на свои места. А теперь спи и ни о чем не думай. На все твои вопросы в свое время будут и ответы. Обещаю тебе.

Утро следующего дня Рита встретила с куда большей долей уверенности в себе и с просто превосходным самочувствием. Она ощущала такой необычный, такой мощный прилив физических сил, что подумала, будто она ошиблась и со вчерашнего дня прошла не одна освежающая сном ночь, а по меньшей мере неделя. Ритка хотела встать и побежать в сад, во двор, хоть куда-нибудь, но из постели ее не выпустила Тата, велевшая ей дожидаться визита следователя Воеводина, впрочем, пообещала, что после его ухода Ритка сможет выйти, так как лежать ей дольше не будет никакого смысла. Ритка и сама догадалась, что ее выдают за лежащую больную исключительно по сценарию пьесы, надлежащей быть в розыгрыше перед невысоким прокурорским чином, и потому не протестовала. Роль свою она собиралась отыграть на совесть, ее будоражили нетерпение и егозливое беспокойство, как начинающего актера перед первым учебным выходом на сцену. Ей представлялось, какой жалкой и слабой, но очень убедительной предстанет она, Рита, пред суровыми очами блюстителя и обманет его милицейскую подозрительность, вечную профессиональную настороженность, по причине намеренного и умышленного введения в заблуждение, и бдительный аргус закроет горящие глаза и уснет, убаюканный и успокоенный ее безобидной правдивостью.

Но блюститель оказался вовсе не суров, и комедия не понадобилась. Ритка даже была разочарована, что ее актерские старания не нашли применения. Воеводин оказался довольно молодым, хоть и полноватым, но живым и суетливым, сильно страдающим от жары человеком. По крайней мере он беспрестанно тер свое рыхлое невыразительное лицо клетчатым старомодным платком внушительных размеров и даже не присел для проведения допроса, а и допроса никакого не было. Воеводин семенил, переваливаясь, вокруг Риткиной кровати, разговаривая по большей части с Мишей о каких-то далеких и непонятных делах, сильно жестикулируя и изредка кидая Ритке на ходу незначительные вопросы и не очень вслушиваясь в ответы, и только невпопад несколько раз бросил в ее сторону: «Ну да, да, конечно, будем искать!» Хотя кого Воеводин собирался искать, Ритке было совершенно непонятно, да уже и не важно. А непоседливый следователь, потихоньку увлекаемый Мишей вон из комнаты, хитро и приторно жаловался на непонятный Рите, но злокозненный карбюратор: машина ведь своя, не казенная,

казенная не по чину, не положено, так что ножками, если что, товарищ следователь, ножками, а это маета и упущенное государственное время. Миша сочувственно кивал и убеждал в полной поправимости беды и в личном и бескорыстном своем участии в борьбе с аморальным карбюратором и, уходя, подмигнул Ритке, мол, не скучай, все в ажуре. А потом ее переодели в клевую, модную одежду, не поскупились, что приятно, и разрешили наконец встать и идти, и заново познакомилась, и приняли в семью.

И Ритка стала постепенно обживаться, не ужасаясь и смиряясь помалу, как любой человек, живущий в реальном кошмаре, постепенно перестает видеть и замечать этот кошмар вокруг себя, особенно когда наблюдает его постоянно изнутри, и кошмар только со стороны кошмар, а так в нем есть и весьма приятные, выгодные стороны, и надо учиться ими пользоваться себе на благо, а не разводить никому не нужные, а главное, бесполезные сопли. Любопытная и любопытная от природы, Ритка быстро ознакомились, вошла в узкий круг и составила о нем представление, не очень ясное и полное, но достаточное для понимания. Да ее и предупреждали, что не все сразу и не за так просто дается. Кроме Ритки, в общине вампов было в общей сложности девять человек, но не все они жили постоянно в большом доме, за исключением, конечно, самого хозяина. Миша, например, вообще жил отдельно на территории, в уютной, но пустоватой квартирке над гаражом. Гараж и вторые ворота выходили на другую улицу с великолепной бетонной подъездной дорогой, которой в первый Риткин приезд сюда не воспользовались из соображений конспирации. Мадам Ирена в основном обреталась по дорогим гостиницам и пансионатам, но в доме ночевала часто, для чего имела на первом этаже две великолепно обставленные комнаты с отдельным душем и туалетом, лучшие в доме, после, разумеется, хозяйских. Максик и Сашок и впрямь оказались парочкой геев, они имели свою квартирку в городе на улице Орджоникидзе, в самом центре, небольшую, но, по слухам, весьма комфортабельную, однако в большом доме отирались с утра до вечера каждый день по делу и без дела. Как утверждала Лера, они оба были тайно и страстно влюблены в хозяина, который этого в упор не желал замечать, но тем не менее ловко использовал на всеобщее благо. Лера, в частности, нравилась Ритке больше других в общине, за исключением разве слегка отчужденного Миши. Она была простая девчонка, как и сама Ритка, только постарше, в общину же попала вслед за другом, наобещавшим ей неземные чудеса, но не жалела, а, напротив, была довольна, что так неплохо устроилась в жизни, имея в прошлом большую бедную семью и не имея образования. Друг ее Фома свое настоящее имя Ритке так и не открыл, утверждая, что, переродившись, принял его в память о библейском Фоме неверующем, чьим путем и он якобы прошел, а еще в честь голливудского героя Тома – «то бишь Фомы» – Круза, на которого он, по его мнению, был похож. Вообще же был этот Фома попросту безобидный болтун, но с хорошей долей трусости, чтобы не болтать о чем не надо там, где не надо. Сам он практически никогда не охотился, а довольствовался тем, что добывали остальные, или, иначе говоря, «допивал». Однако ему никто не ставил на хлебничество на вид, а, наоборот, делились и считали умным лентяем, и вообще в общине никто никого не обижал, по крайней мере Рита ни разу пока этого не наблюдала в открытую, и ей это нравилось и давало дополнительное чувство огороженности и защищенности. Тата и Стасик, так же как Лера со своим Фомой, постоянно жили в доме; девушки официально считались замужними племянницами хозяина, а что – дом огромный, а дядя богатый и гостеприимный, живи – не хочу, согласно южнокавказским законам гостеприимства. Тата и Лера, собственно, и вели все немалое домашнее хозяйство, особенно Тата, хлопотунья и умница, и делали свое незатейливое дело с удовольствием, видимо, не желая чего-то большего. Ребята же частенько довольно надолго пропадали днем в городе с разными важными делами, как-то связанными с поручениями хозяина, и больше всех Миша, но Риту в суть их дел пока не посвящали. Ирена если и присутствовала, то не бралась ни за холодную воду, но никого из прислуги не унижала и госпожу из себя не корчила, так что девушки не обижались: ну не любит человек домашнюю работу, что тут поделаешь, и делали все за нее.

На второй день активной жизни у Ритки стали прорезываться новые клыки, или, как их любовно именовали в общине, «комарики». И были «комарики» с секретом. При определенных мимических сокращениях мышц лица, которые Ритка сначала совершала произвольно, еще не владея ими, как частью тела, зубки эти удлинялись подобно складной антенне, становились острыми и полыми внутри. И если с силой втягивать в себя воздух, неприятно чмокали где-то под десной. Потеря их, даже при несчастном случае, не грозила ничем катастрофическим, через пару дней, как объяснили Рите, «комарики» отрастали снова. Да и все ее ткани теперь, как выяснилось, обладали просто фантастически сверхъестественными способностями к быстрой регенерации.

Но многому пришлось и поучиться. Удесятеренная тайными процессами сила мышц была непривычна и приводила на первых порах к многочисленным бытовым авариям в виде разбитой посуды и покалеченной мебели. И подумать только, откуда этакая мощь бралась, превращая худенькую обыкновенную девушку в настоящего Рэмбо, а ведь Ритка даже пищу потребляла в прежних, если не в меньших, количествах. Фома пытался ей объяснить, сам путаясь в словах и изобретенных наспех понятиях, что-то про внутренний энергетический обмен, превращавший все структуры ее тела в маленький, но емкий реактор, сырьем для которого и служила живая человеческая кровь. Тогда, еще в самые первые дни, Рита поинтересовалась у него, общинного всезнайки, почему бы просто не покупать потихоньку законсервированную кровь у медиков, сама была медсестрой и представляла механизм, тем более так показывали и в западном кино. Но нет, не годится, плохо и никакого эффекта, а в кино все сказки и врачи, кипятился Фома, хотя и сам не знал ответа, почему так, а не иначе, почему нельзя брать кровь животных и замороженную кровь людей. Хорошо хоть было то, что вампу свежее питье требовалось не так уж и часто – кому раз, а кому много два раза в месяц. И одной «коровы» за глаза хватило бы на всех братьев, если бы кровь не так быстро вытекала из артерий, а при неумелом вскрытии она порой хлестала как из брандспойта, и если бы все члены их маленького сообщества были голодны одновременно. Но даже и при таком расходе людского материала пропажа нескольких человек за месяц, да к тому же в курортном городе, не вызывала дополнительных подозрений, кроме обычных, поисково-милицейских, связанных с уголовно-криминальными делами. Тем более что сценарий охоты каждый раз менялся, иногда являя собой чудеса изобретательности и виртуозности исполнения. Хотя до первой своей жажды Рита была уверена, что никогда и ни за что не сможет убить никакое, пусть самое бесполезное на свете, человеческое существо, даже если она больше к этим существам и не относится, и сама она уже другой биологический вид, как разъяснял ей вездесущий Фома, пусть так, но они тоже мыслящие и чувствующие, и убийство – грех. Но это было до...

Ее время пришло раньше чем через неделю, после посещения суетливого следователя. Все эти несколько дней Ритка будто кожей ощущала пристальное, но дружелюбное внимание к себе со стороны всех обитателей дома. И даже сам хозяин, по вечерам покидавший свой любимый кабинет, участливо спрашивал ее о здоровье и самочувствии, словно ожидая чего-то. И вот однажды утром, выйдя на прохладную еще веранду, Ритка ощутила легкое головокружение и за ним следом неприятную вялость в ногах. Она не придала этому значения и не стала жаловаться на недомогание, отнеся его на счет недавней болезни и последующих изменений в своем организме. За завтраком Риту, словно неистовый бес, обуял зверский аппетит. Ела, ела много – и за обедом, и после него. К ужину ее уже стало тошнить, но голод стал только острее. Тата и Миша и все остальные молча наблюдали за ее подвигами Гаргантюа, но никак не комментировали. Только Ян, посмотрев и оценив ситуацию, попросил Стаса все приготовить. Но что все, не объяснил. Хотя Ритка и так поняла, что последнее распоряжение касается непосредственно ее. На следующий день было еще хуже. Ритку качало, как пьяного матроса на берегу, голод жег все сильнее, горло горело огнем, и никакая вода не могла этот огонь потушить. Ритка мучилась, но терпела, так как беспокойства за жизнь не испытывала, знала, что

пропасть ей не дадут. И если ничего не предпринимают, значит, так надо и ничего страшного с ней не происходит. Но на третий день Ритке уже хотелось выть от ненасытного, терзающего жара, и она бы завывала, будь у нее на это силы. Едва передвигая ноги, Рита до полудня бесцельно шаталась по саду, ни на кого уже не обращая внимания, желая только одного – утолить невыносимое голодное жжение и упасть, забыться. Внезапно из-за забора, возле которого она, будто в лихорадке, бродила, раздался детский, а может, женский голос, визгливо требовавший помыться как следует груши, и Ритка поняла, что нашла наконец то, что неосознанно искала, тот источник, которому суждено исцелить ее жажду.

Когда Риту снимали с кирпичной ограды, она визжала и отбивалась, не помня себя. Она до крови обломала ногти о стену, рассадил локти и колени и готова была разорвать и убить не задумываясь каждого, кто пытался ей помешать добраться до вожаемой цели. Не различая лиц и держащих ее рук, кусалась и царапалась, вырывалась и лягалась, но все же ее скрутили и потащили, и Ритка в безумном ослеплении заплакала от неистовой злобы и ненависти. А потом где-то в доме, в одной из комнат, она не помнила, в какой именно, да и не имело значения, перед ней на пол швырнули связанного, давящегося кляпом паренька, с глазами, какие, наверное, бывают у бычков на бойне. И Ритка рванулась что было сил, но не пустили, а Стасик уже припал к незащитному горлу мальчишки, и тонкой стружкой побежала кровь, и Ритка, забыв все на свете и себя саму, заверещала в отчаянии и вожаемой: «Дай! Дай, убью! Да-а-а-й!» Она не знала, кто и как сунул ей к лицу фаянсовую миску, из которой тянуло самым желанным ароматом, тяжелым и горячим, но нетерпеливо опустила туда лицом, жадно открыла и оскалила рот, и зубки заработали сами собой и потянули внутрь сосудов и артерий спасение и утоление и вечное блаженство.

И стало хорошо, прекрасно и удивительно. Тело вернуло всю свою силу, мышцы – упругость, а разум – ясность. Посидев немного, успокоившись и придя в себя, Ритка огляделась вокруг. Паренька куда-то унесли, и только Тата подтирала пол, как оказалось, в кухне, и ворчала на Стаса, который мог бы и поаккуратнее. Миша стоял рядом и держал ласковую руку на Ритином плече. Увидев осмысленность в ее взгляде, спросил:

– Как ты, ничего?

– Ничего? Просто здорово! – Ритка вздохнула сладко. – Как в нирване!

– Ты и такие слова знаешь? Молодец! – Миша действительно был за нее рад, и рука его легонько погладила Риткино плечо. – Сегодня, можно сказать, знаменательный день. Ты узнала немного новую себя, узнала, кто ты и какой дальше будет твоя жизнь. И надеюсь, избавилась от ненужных глупостей и представлений. Ведь так?

– Наверное, так. Только я сейчас не хочу об этом думать. Мне легко и хорошо и хочется что-то делать, мне все по плечу, и я горы могу свернуть!

– Ну, дело найдется. А в следующий раз, милая, попробуешь поохотиться сама.

– Как сама? – Ритка от неожиданности даже подскочила. – Я не умею, я боюсь!

– Нечего бояться. И потом, на первой самостоятельной охоте ты будешь не одна, с подстраховкой. – Миша наклонился к Ритиному лицу, поправил ее растрепавшиеся волосы. – Ну хочешь, я тебя сам буду учить?

И Ритка коротко вздохнула:

– Хочу!

Глава 3 ОХОТА

Миша свое слово сдержал. Немало времени посвящал он ежедневно беседам и упражнениям. Ритка схватывала быстро, особенно все то, что касалось физических навыков, в действительности – приемов боевых искусств, и сама удивлялась, как многое ей легко дается, ведь сколько лет своей жизни не блистала ни сообразительностью, ни силой, ни ловкостью. Было приятно, что Миша доволен ею, значит, не в обременительную обязанность их занятия, а Ритке так хотелось понравиться, словно чувствовала в нем потенциальную опору, боялась оступиться и оттолкнуть, а потому старалась не только чему-то научиться, но и по возможности Мише угодить. И было бы для Риты большим разочарованием узнать, что не главным стало Мишино желание учить, а проявилась здесь и воля хозяина, вменившая Мише в обязанность эти уроки, которые, правда, не были помощнику в тягость, в чем хозяйский, зоркий и многомудрый взгляд, конечно же, оказался прозорливым. Но Рита не догадывалась о сговоре за ее спиной и для ее же пользы и старалась и получала удовольствие от новых, неограниченных возможностей своего тела, от всевидящих даже в кромешной темноте глаз, от тонких, но легко гнущих стальные пруты рук, от тоненького, востренького, но так безошибочно определяющего самые слабые запахи носика. По ночам она вдвоем с Мишей тихонько кралась по саду, и ни единая травинка не шевелилась под их осторожными ногами. Они пробирались на участки соседей, в одном мягком движении перелетая высоченный кирпичный забор, забирались в их спящие дома, не разбудив и охранную, дремлющую собаку, бродили по комнатам и заходили прямо в спальни, даже к чутким детям и старикам, и с рассветом исчезали, не оставив и следа. За пару недель Миша выучил ее драться, обороняться и нападать, контролируя при этом каждую мышцу и нерв, так что Ритка без труда могла теперь в считанные секунды растерзать самого лютого десантника. Но Миша постоянно твердил ей, что до совершенства еще ого-го как далеко и даже у мягкотелого Фомы опыта и умения куда больше, что для Риты, несомненно, планка должна быть выше, если она хочет чего-то более серьезного, чем, подобно Тате и Лере, торчать в саду и на кухне. Ритка хотела. Правда, сама еще не знала чего, но очень боялась разочаровать своего убедительного наставника, и принимала важный вид, и хотела многого.

Было бы неправдой утверждать, что один лишь Миша заботился о Ритином благополучии и воспитании. Помогали и Макс, и Стасик, и все, кто был в данный момент свободен от дел, не говоря уже о пристальном, но не явном внимании хозяина, не выпускавшего из виду малейших нюансов Риткиных успехов. А однажды мадам Ирена посадила Риту в машину и повезла в город. И там, в немногочисленных, но дорогих магазинах одела ее заново с головы до ног, придав ей слегка мальчишеский, но шикарный вид. В парикмахерском салоне «Лазурной», где мадам знала всех и каждого, Рите обновили стрижку, а мадам Ирена заявила, что стиль унисекс как нельзя более Ритке идет. Рита и не думала с этим спорить, ей все нравилось, и все было для нее, нищей московской девчонки, удивительно хорошо. Она получала запросто то, о чем не смела и мечтать, и никто не требовал благодарности и платы в возмещение, и Ритка радовалась, что в ее новой семье денег куры не клюют и есть во всех благах и ее законная доля. О родных, оставшихся в Москве, последнее время Ритка и не вспоминала, находясь под впечатлениями и суетой новой жизни, отбив им лишь длинную телеграмму, что после несчастного случая встретила в Сочи свою любовь и нашла хорошую работу, подробности письмом, на том и успокоилась. Да и телеграмму составила и отправила мадам, не сообщив обратного адреса, Ритка сама бы лучше не придумала, так что мадам Ирине от души спасибо. И не задумалась она ни разу о том, откуда, собственно, взялось, из каких средств возникло ее благополучие, все те несчитанные деньги, которыми дышали каждый камешек ее нового дома и каждый предмет,

к которому прикасались ее исполненные непривычной силой руки. Рита не задавала никому и самой себе подобного вопроса, а ее новоявленная семья и не думала лезть вперед с ответами. Не торопился Миша, не подгонял его и хозяин. Оба они знали, какая великая сила – время. А пока что Миша показывал новоявленной ученице хитрые премудрости вамповского бытия, вероятных опасностей и необходимых осторожностей, особенно уделяя внимание освоению техники разнообразных единоборств, так нравившихся Рите и превращавшихся при ее новых возможностях в жуткое, разрушительное, почти всемогущее орудие Ритино самоутверждения и торжества в новой жизни. По сути же Миша учил ее убивать – быстро, бесшумно, безжалостно и без малейшего риска. И это знали и понимали все, кроме, конечно, самой Риты.

А Ритка ничегошеньки не боялась. Знала уже, что до конца уничтожить вампа не легко. Наслаждалась этим знанием, освобождалась от страхов, обыденных для людей и несущественных для нее нынешней. Новые угрозы ее земному бытию казались Рите смешными и легко обходимыми. Чеснок вызывает у вампа аллергию, в больших дозах – удушье, что же, не будем есть чеснок. Оксид серебра – яд, если попадает в кровь; долой украшения и посуду из серебра! И как здорово у нее получалось, после немногих тренировок, искусственно замедлять процессы своего организма, почти останавливая сердцебиения, сводя их к нереальному минимуму, будто бы впадая в анабиозный сон, но сохраняя полную ясность ума и абсолютность чувственных ощущений. Миша разъяснял ей выгоду подобного состояния для вампа в минуты опасности и утверждал, что опытный вамп может таким образом поддерживать свою жизнь многие века, не умирая и не нанося себе особого вреда. В качестве убедительного примера он приводил Рите случай с самим хозяином, который, по Мишиным рассказам, вынужденно провел подобным способом более двухсот лет, и ничего ему не сделалось. Правда, в подробности хозяйских обстоятельств Миша особо не вдавался, хотя Рита из любопытства и пыталась его на эту тему разговорить.

Однако неотвратимо приближался и день ее первой самостоятельной охоты, давно обещанной и пугающей. Скоро, очень скоро наступит время следующей жажды, и Рита должна будет сама добыть себе «свежевыжатый сок» – так на своем жаргоне ребята в доме называли питающую их кровь. Уже были получены и первые инструкции, касающиеся захвата жертвы и последующего ее «вскрытия». На тонких пластиковых трубках капельниц, имитирующих артерии, Рита научилась безошибочно точно прокалывать «комариками» отверстия для всасывания «сока», который потом побежит по всем сосудам ее тела через мощные зубки-шприцы.

Хозяина Рита видела очень редко и всегда мельком. В кабинет к нему Риту ни разу за все время ее пребывания в доме не позвали, а по своему почину беспокоить Яна она не осмеливалась. Да и, по правде говоря, Ритка его побаивалась, хотя причиной ее страха были не конкретные обстоятельства (хозяин не обидел ее даже словом), а скорее внутренние причины Ритино состояния. Ритка уже не могла преодолеть той зависимости от чужой более сильной воли, что возникла у нее в ночь их единственного и переломного разговора, и потому боялась почувствовать на себе новые проявления этой воли. Пока что, встречаясь с хозяином, Рита здоровалась первая, взамен достаиваясь ласкового взгляда и не больше того. Видимо, хозяйское внимание нужно было заслужить, хотя Лера и Тата общались с Яном не многим чаще, чем Рита, а на Риткин взгляд, пользы от них обеих было в доме уж побольше, чем от всех остальных, исключая разве что Мишу.

Миша, напротив, уже почувствовал, куда именно дует ветер, чье направление, несомненно, уловила и мадам Ирена. Хотя хозяин еще ни словом не обмолвился относительно своих намерений. Но, будучи в курсе всех хозяйских дел, фактически являясь правой и левой руками при голове, и Миша, и мадам лучше других знали состояние их «семейного» бизнеса. При внешнем благополучии и видимом богатстве и изобилии в общине имелись серьезные проблемы. Ибо благосостояние сородичей определялось отнюдь не порядком в доме и в саду и числом трудолюбивых женских рук на кухне. И уж конечно, оно складывалось не из

умственных разглагольствований Фомы, хотя роль идеологии в воспитании никто отрицать не собирался. Для процветания семье нужны были не только старания кухарок и свежая кровь, добытая охотниками за «соком». Ей также очень нужны были деньги и защита, которую эти деньги с собой несли. А для успешного продвижения бизнеса, держащего общину вампов на плаву, в структуре не хватало исполнителей. Или, попросту говоря, убийц-боевиков. Потому как «семейный» бизнес имел слегка специфический характер, предоставляя клиентам, к счастью немногочисленным и узкого круга доступа, услуги киллеров-профессионалов, безотказных, как машина, и неуловимых, как тень. Надежность фирмы была стопроцентной, конфиденциальность – нерушимой, цены – заоблачно умеренными. Гениальность же проекта состояла именно в том, что физическое отличие и превосходство вампов над людьми можно было с успехом продавать последним. И не приведи Господь в чью-нибудь голову мысль устранить самого исполнителя, что было бы невозможно в силу естественных причин, а также и потому, что приходилось иметь дело не с убийцей-одиночкой, а с мощной организацией, горой стоящей за всех своих членов. В курортном и криминальном Сочи в заказах не было недостатка. Сами заказчики, представляющие ограниченное меньшинство влиятельных и богатых монополистов побережья, давным-давно купили всех, кого можно было купить, а несговорчивых и вместе с ними заезжих мечтателей о куске местного пирога передавали в контору своего драгоценного друга Яна Владиславовича. Там разбирались с вверенными в их надежные руки быстро и без лишнего шума, так что потом и слуху не было о человеке: ищи-свищи – нет его. И главное, к радости заказчиков, фирма Яна Владиславовича не совалась более ни в какие другие дела и не интересовалась ничем выходящим за круг ее интересов, а следовательно, не возникало ненужных вопросов. Правда, и сами достопочтенные заказчики пребывали в заблуждении относительно истинной сути конторы, так облегчающей им жизнь. Будучи трезвыми материалистами, умеренно верующими в Бога в виде публичных жертвований на храм, они полагали общину за сборище религиозных фанатиков, приверженцев восточных культов, могущих плюнуть на денежный интерес и запросто перегрызть за собрата горло. А с такими людьми лучше играть по их правилам.

Но в организации не хватало рабочих рук, так что приходилось, кроме Макса и Сашка, привлекать и охотника Стаса, а иногда за выполнение бралась даже сама мадам Ирена – непревзойденный и изощренный тактик и разработчик тонкостей любых операций. Самые сложные заказы Миша исполнял собственноручно, как старший боевой группы, не передоверяя никому. Миша мечтал о достойном и послушном напарнике, но найти подходящего человека для привлечения его в общину было не так просто. Число же вампов в семье было вынужденно ограничено, в первую очередь для того, чтобы не привлекать к себе излишнего внимания, да и трудности с охотой, конечно, сказывались. Так что Ритино появление не было желанным, и семья поначалу отнеслась к ней без энтузиазма. Но хозяин, по всей видимости, разглядел в новенькой девчужке нечто такое, что послужило поводом отдать Мише приказ попробовать. Миша взялся за обучение сначала с неохотой, но вскоре приободрился, по мере того как Рита делала все новые успехи.

Теперь Мишина подопечная должна была сдать первый экзамен – выйти на настоящую охоту, а не просто заманить в укромное место или даже в дом очередную жертву, где ее вскрыет Стас, к взаимной радости голодных братьев, как поступили в свое время Лера и Тата. А Фома, тот даже такое простое девчоночье дело в свой дебютный выход умудрился запороть. Нет, Ритку ждало действительно боевое испытание, где выбрать и вскрыть жертву она должна была сама и в одиночку. Охотники, которые пойдут вместе с ней, представляли скорее моральную поддержку и ни в коем случае не могли вмешиваться, а тем более помогать.

Пока что в преддверии «дня икс» Миша и мадам Ирена держали совет, какое место выбрать как наиболее подходящее для предстоящего Ритке испытания. Итог их совещания следовало еще представить на апробацию хозяину, так что приходилось поторапливаться и

соображать живее. Наконец оба они сошлись на варианте с местным кладбищем, отнюдь не из-за канонически зловещей репутации данного места в ночное время, а из-за его удобного расположения для их мероприятия. Кладбище и впрямь отвечало поставленной цели. Раскинувшаяся памятниками территория находилась на краю города в завокзальном районе рядом с городской больницей и прилежащим пролетарским поселком, изобиловала бомжами и подвыпившей местной молодежью, забредавшей к гробницам порезвиться парочками и поодиночке протрезвиться и поспать в тишине на природе.

– Не боишься, Мишенька, что протезе твоя опозориться может на смотринах? – спросила не без доли ехидства мадам, закончив совещание по тактико-стратегическим планам предстоящей «операции».

– Нет, не боюсь. Ты, Ирена, зря бесишься – наша девочка тебе в подружки не годится, характер не тот. Да и хозяин поручил Риту мне, а не тебе, – ровным, лишенным эмоций голосом отпарировал выпад Миша.

– Ох, я не могу! Хозяин ему поручил! То-то ты смотришь на девчонку, как кот на сало! – расхохоталась нарочито мадам. – А между прочим, Мишенька, я ее сюда привела, через меня твоя Ритка сопливая вампом сделалась. А теперь почему-то ты, Мишаня, а не я, готовишь из этой малявки себе шестерку в подручные.

– Странная ты, Ирена. Хочешь, чтобы тебя именовали «мадам», а сама употребляешь уличные и блатные выражения. Впрочем, это твое дело.

– Вот именно. Учить он меня вздумал! – Ирена обозлилась. – Лучше расскажи-ка, Мишаня, про свои достижения в роли педагога. А то, глядишь, со временем ты целую гвардию, нам в утешение – себе на радость, выдрессируешь. Что скажешь, генерал хренов?

– Я скажу, что ты боишься как огня моего усиления в общине за счет появления преданных мне людей из боевиков, которых я сам же выпестовал, – спокойно и как ни в чем не бывало, умышленно не замечая оскорблений, отвечал Миша. – Ты боишься за свое место подле хозяина и за свое положение первой среди нас, грешных. Но ты забыла главное правило общины: никто не тянет одеяло только на себя. Если нужно будет для дела и для выживания семьи, чтобы твой номер стал шестнадцатым, ты вытатуируешь его на своем лбу и смиришься!

– Ах ты, подонок! Выдавить меня в поломойки хочешь? Руки коротки! – по-бабьи, будто на базаре, завизжала мадам. – Сейчас же пойду к Яну и потребую, чтобы девчонку отдали целиком мне на воспитание. Имею полное право – она моя добыча!

– Которую ты, между прочим, позорно упустила. – Миша решил ударить мадам не в бровь, а в глаз. – А хозяин Риту тебе уже не отдаст, на нее другие планы, ты и сама это понимаешь. Да и не пойдет Ритка к тебе в конфидентки.

– Почем ты знаешь? Я ведь ее как родную дочь обхаживаю. Одеда, причесала, человека из нее, дурочки, сделала.

– Да не сделала ты из нее человека, разве что вампа, и то в чисто техническом смысле. Но, насколько мне известно, Рита тебя об этой услуге не просила. А тряпки она скоро и сама себе купит.

– Все равно я не отступлюсь! – Мадам немного уgomонилась и слова чеканила уже жестко и звонко.

– Как знаешь, Ирена, как знаешь, – покачал головой Миша и тихо, почти шепотом добавил: – Лучше ты возьмишь за ум, а то доложу о твоих настроениях хозяину. Ты Яна знаешь: дурную траву выдирает с корнем.

– Да что ты, Мишенька, ну поцапались, с кем не бывает. Чего сгоряча не наговоришь? – Ирена не на шутку испугалась доноса, могущего иметь самые неприятные последствия. – Ты забудь, и я забуду.

– Я не забуду. Хозяину пока ничего не скажу, но глаз с тебя не спущу. И говорила ты не сгоряча.

– Господь с тобой, Миша! Наболтала я глупостей, чтобы тебя позлить, а зачем – сама не знаю. – Сказано было плаксиво и жалобно, но глаза мадам на собеседника поднять побоялась, так и чувствовала, как сочится из них ядовитое бешенство. – Пойдем лучше к хозяину с докладом. Время поджимает уже.

Ян Владиславович план кладбищенских испытаний одобрил, но пожелал наблюдать процесс на месте, чем несказанно удивил своих помощников. Но Миша в отличие от мадам Ирены быстро сообразил, что дело тут не в недоверии к нему как к организатору, а видимо, хозяин придавал слишком большое значение именно этой учебной охоте и сам захотел посмотреть на новенькую в действии.

Ритка уже была в курсе, что ее выход в свет назначен на сегодняшний вечер, и заметно волновалась. К тому же она чувствовала, что за последние несколько дней ее тело утратило прежнюю силу и в желудке поселилось легкое ощущение непроходящего голода. Это означало скорое наступление следующей жажды, и организм сам напоминал ей о своих будущих насущных нуждах. Ритка беспокоилась, что из-за физического упадка может опростоволоситься на охоте и подвести Мишу, но по условиям ее сольного выступления Ритка должна была взять свою первую в жизни самостоятельную добычу именно в том состоянии, в котором обычно нуждающийся в подкреплении «соком» вамп и выходит на тропу войны. То есть, как не раз внушал ей Миша, условия на испытании будут по максимуму приближены к боевым. Но Ритку смущал еще один немаловажный для нее нюанс, и с вопросом «по поводу» она, не решаясь беспокоить Мишу, занятого у хозяина, подошла к многоумному Фома. Фома пребывал в разваленно-отдыхающем состоянии с небрежно вскинутой в руках книгой в разложенном под палящим августовским солнышком шезлонге. Он то ли действительно читал, то ли дремал, прикрывая глаза тощим фолиантом от прямых слепящих лучей. Но это ровным счетом ничего не значило, Ритка уже выяснила, что Фома готов чесать языком в любое время дня и ночи и даже сидя по нужде верхом на унитазе, были бы слушатели. Поэтому, подойдя к его ленивому ложу, Ритка постучала пальчиком по цветастой книжной картонке и негромко окликнула:

– Эй!

– А? Кто? Чего? – встрепенулся Фома. Все-таки он кемарил под тенью бумажных страничек, и Ритка оказалась вроде неожиданного будильника.

– Извини, не знала, что ты спишь. Я только кое-что спросить хотела, но раз так, я лучше пойду, чтоб не мешать, – схитрила Ритка, – прости, что разбудила.

– Нет-нет, погоди, – оживился Фома и привстал с шезлонга, – я не спал вовсе, а так, задумался. Что ты хотела узнать?

– Да в общем-то, наверное, глупость, – на всякий случай потупилась Ритка: Фома больше всего на свете обожал тонкую лесть в адрес своих неординарных умственных способностей, – ты надо мной смеяться станешь.

– Любая глупость имеет место проистекать от людской необразованности. А над необразованностью умные люди не смеются, они ее, в смысле необразованность, устраняют, – возвестил с долей снисходительности Фома и пригласил Ритку: – Ты присаживайся там, в ногах. Поговорим, разберемся. Я сейчас Тате покричу, чтоб она нам кваску холодненького принесла. Так в чем дело?

– Понимаешь, я вот тут подумала, а что, если человек, которого я поймаю, ну, «корова» по-вашему... Что, если он потом не умрет?

– Что ты имеешь в виду? Я что-то не вполне понимаю, – ответил Фома, почти как строгий профессор.

– Ну я напысь, ну разве еще Стас, больше голодных у нас и нету. А «корова» возьмет и не умрет, и что будет – еще один вамп? Так мне ведь попадет!

– Ну ты даешь! Неужели Мишка, чудак, ничего тебе не объяснил? – закудаhtал мелким смехом премудрый Фома. – Умрет, никуда не денется, а тело наши братцы тихо приберут. Или

ты думаешь, что каждый, кого укусили, вампом становится? Ожившие мертвецы, зомби из гробниц? Бабы сказки! Переродиться в вампа не так просто, это смертельно опасный процесс.

– Ну у меня же получилось! – не поверила Ритка, решив, что Фома просто набивает себе цену как знатоку.

– Получилось. Получилось потому, что вовремя добить не успели, а потом было уже поздно, и хозяин трогать тебя, дуреху, запретил. – Фома, кажется, говорил серьезно. – А сколько после с тобой провозились, чтоб ты не окочурилась, с того света вытаскивали...

– Я не думала, что все так плохо было. Я ж быстро поправилась! – возразила Ритка, все еще не доверяя.

– Это ты при знающем уходе поправилась. А без нашей медпомощи ты бы коньки к вечеру отбросила. Ты хоть знаешь, что в старину из укушенных выживал в лучшем случае один из десяти, и то если тогдашние вампы ходили за ним, как за младенцем?

– Не знаю я, мне не говорили. А почему?

– А потому! Слушай, что дяденька Фома тебе расскажет, пока добрый!

И Фома рассказал. Всю правду, лишь слегка приукрашенную цветистыми метафорическими параллелями. Во-первых, при вскрытии шейной артерии кровопотеря у «коровы» была столь велика, что сердце останавливалось и смерть наступала гораздо раньше, чем процесс превращения начинал становиться необратимым. Если же вамп промахивался и просто кусал и рвал зубами жертву, как произошло в случае с самой Риткой, то укус должен был быть достаточно глубоким и в кровь должно было попасть большое количество слюны вампа из «комариков», чтобы произошло заражение. Так что не каждый укушенный непременно становился вампиром. А во-вторых, самое страшное испытание ждало «удачливого» претендента на статус вампа именно после заражения. Это было все равно что подцепить бубонную чуму во время эпидемии в средневековом Стамбуле. Перерождение протекало при свирепой лихорадке и зашкаливающей градусник температуре, тело ломало в страшных судорогах боли, кровь могла свернуться в жилах в любую минуту. И длилась эта пытка не один день. Кто-то погибал уже в первые сутки, кто-то лишь часы не выдерживал мучений до конца, выживали лишь единицы. И не всегда самые сильные и здоровые, тут уж как повезет. Ритке вот, например, повезло. Повезло, что родилась в наши дни, повезло, что не осталась помирать в чистом поле, а попала в благоустроенный по-больничному дом, что есть современные жаропонижающие и обезболивающие средства, что вампы вводили ей сыворотку из собственной крови, секрет изготовления которой, между прочим, известен одному только хозяину. И все равно она легко могла отдать концы, были и раньше в общине случаи, никакие капельницы не спасали. И сейчас выживает, может быть, один из трех, так пусть живет и радуется и помнит, что почем.

– А хозяин? Как он выжил-то шестьсот лет назад? – спросила, потрясенная обрушившейся на нее суровой правдой, Ритка.

– А он и не выживал, он уже родился таким, насколько я знаю. – Увидев Риткино изумленное непонимание, Фома поспешил объяснить: – Да-да, у вампов тоже бывают дети. Правда, редко.

– Значит, родители нашего хозяина были вампами... Как любопытно... – Ритка задумалась на какое-то время, а потом заискивающе попросила: – Фомочка, дорогой, расскажи что-нибудь еще про хозяина. Так интересно!

– Обязательно расскажу, но в другой раз. – И, заметив в Риткиных глазах явное разочарование, поспешил ее успокоить: – Сразу после охоты и расскажу.

– Честно?

– Зуб даю кормящий! – заулыбался в ответ Фома, постучав большим пальцем во рту по белоснежному «комарику». – А теперь беги по своим делам. И слышишь... удачи тебе сегодня вечером.

В гостиной Риту уже поджидал Миша для последнего контрольного инструктажа. Впрочем, ничего нового он Рите не открыл. Выезд на место назначался, как и было обговорено, на половину первого ночи, сопровождать Риту будут Миша со Стасом и, конечно, хозяин, не изменивший своему намерению поприсутствовать. Засада предполагалась на боковой, но не очень отдаленной дорожке. И Миша еще раз напомнил, что ни в коем случае нельзя предпринимать нападение без разрешающего сигнала одного из подстраховщиков.

Рита в тревожном возбуждении бестолково тыкалась до позднего вечера по всему дому, берясь то за одно, то за другое дело, явно мешая Тате. Но Тата, видно, понимая Риткино состояние, ее не прогоняла и не делала никаких замечаний, даже когда Ритка, пересыпая соль из бумажного пакетика в хрустальную солонку, опрокинула последнюю. После ужина расходиться не стали, и община в полном составе сидела на веранде, выражая поддержку уходящим на охоту братьям. В воздухе висел возбужденный треп, каждый наперебой вносил в него свою заветную байку, непременно начинавшуюся словами: «А вот со мной было...» Ритку на нервной почве тоже подхватил приступ болтливости, и она, как школьница перед первым в жизни экзаменом, пыталась нахватать побольше советов и рекомендаций, задавая подчас и вовсе невероятные вопросы о совершенно фантастических и потому невозможных осложнениях. Но вот на веранду наконец вышел хозяин, и пересуды прекратились, все поняли – пришла пора ехать. Миша подогнал серую «Волгу» к задним воротам. Хозяин сел впереди, Рита со Стасом – на заднее сиденье. Провожающие разошлись.

На кладбище прибыли без происшествий. Да и какие могут быть происшествия на пустой окраинной дороге! Миша на всякий случай поставил «Волгу» на сигнализацию, хотя к ней, как и к любой машине, принадлежавшей семье, никто бы и под страхом смерти не подошел. Но Миша любил порядок и придавал значение каждой мелочи. В полном молчании двинулись к намеченной аллейке, но не по дорожкам, а прямо по могилам. Хотя точнее было бы сказать – над. Три непроницаемые тени будто бы парили в воздухе рядом с Риткой, неслышно и легко преодолевая препятствия, не шелохнув и веточку. И Ритка скользила в их окружении, и у нее получалось ничуть не хуже, и это добавляло ей храбрости и уверенности в себе. Дойдя до выбранного места, импровизированного Марсова поля, тени рассеялись. Ритка, как учили, скользнула за невысокий, но достаточно широкий памятник у самого края дорожки и прильнула к нему от старательности всем телом. Миша и Стас скрылись за плитами в отдалении от нее справа и слева, заняв позиции для наблюдения, став совершенно невидимыми для постороннего глаза. Хозяин прятаться никуда не стал, просто отошел к деревцу, росшему недалеко за Риткиной спиной, и совершенно растворился в его негустой черной тени. Луна уже вошла, и на кладбище было светло, как в парке на гулянье. Ритка чутким вамповским ухом ловила сонмы звуков, от невразумительного пьяного пения до собачьего лая вдалеке. Но к засаде пока никто не приблизился.

Минут через двадцать Ритка, окаменевшая от напряжения ожидания, уловила протяжное «о-ох», похожее на вздох из-под подушки, откуда-то справа. Там, кажется, засел Стас, но она не была уверена. Сигнал означал, что есть движение в их сторону. Если жертва забредет на аллейку одна, то Стас подаст команду к нападению, шепотом прошелестев ее имя. Ритка еще усерднее стала прислушиваться. Шаги действительно были, какие-то неуверенные и шаркающие, сопровождаемые не распадающимся на слова бормотанием. Ритка огорченно подумала, что клиент скорее всего в стельку пьян, и с отвращением представила себе его небритую, щетинистую шею, соленую от пота и отвратительную на вкус. Чувство гадливости пробудило и чувство злости к шаркающей «корове», заглушив последние остатки естественного страха перед неудачей. Шаги свернули на их проселок и бесповоротно тащили «корову» прямо на Ритку. Выброс адреналина и ни с чем не сравнимый азарт охотника были так велики, что Ритка с трудом дождалась своей «зеленой ракеты», чуть было не выскочив из-за памятника без предупреждения. И только боязнь Мишиных дисциплинарных репрессий удержала ее в рамках

благоразумия. Тем более что несколько секунд спустя воздушная волна колыхнулась ветром ее имени: «Ри-и-та-а» – и ничто уже не могло остановить ее тело в гигантском прыжке.

Ритка взлетела из-за памятника, как сокол, метра на три, осознавая свою жертву всего лишь точкой в пространстве, и ринулась вниз, ошеломляюще рухнув на добычу и сбив ее с ног. Немного не рассчитав силу удара, Рита довольно сильно ударилась и сама, но все это были пустяки в ее главном моменте Дианы-охотницы.левой рукой она тут же намертво прихватила голову жертвы и с первого раза точно прошла артерию, погрузив «комарики» в пульсирующую кровь, и начала с наслаждением пить. Почувствовав, что сыта под завязку, Рита с хлюпаньем втянула внутрь зубы и отпустила «корову», из артерии ей в лицо ударил фонтанчик крови, но добычу перехватил уже стоявший рядом на коленях Стас. Рита отошла и стала неподалеку, утирая тыльной стороной ладошки перемазанные губы и отплеываясь: солоноватая кровь все же довольно противна на вкус. Стасик тоже закончил насыщение «соком» и теперь собирал остатки в ловко подставленный специальный пластиковый мешок, чтобы на дорожке не было подозрительной лужи. Наблюдая за его четкими и выверенными на долгой практике действиями, Ритка понемногу остыла и могла уже уравновешенно воспринимать окружающую действительность. И тогда в лунном свете она увидела... И ей стало худо. Воображая свою первую охоту, Ритка рисовала в своем воображении все, что угодно, только не это. И здорового амбала, оказывающего бурное, но бесполезное сопротивление, и наглую, визжащую, размалеванную заблудшую потаскушку, и прыщавого озабоченного подростка – тип, ненавидимый ею с детства.

На кладбищенском гравии, беспомощно откинув дряблую ручонку с зажатой в ней авоськой, заполненной пустыми бутылками, лежал древний старичок, очень бедно, но аккуратно одетый и, даже сквозь пыль и кровь, чистенький и интеллигентного вида. Глаза его, белесоголубые и мутные от старости и смерти, широко открытые, жалобно и жалко смотрели на сияющую луну. Бесцветная, застиранная штанина старательно заштопанных брюк задралась, обнажив цыплячью ножку с трогательными старческими венами. Рита смотрела на эту мертвецки синюю ногу и хотела плакать, но не смогла, а только похоронила еще одну часть себя. И не видела, как подошел и стал рядом с ней хозяин. Каким мрачным и озабоченным было его лицо, каким тяжелым, каменным взглядом он смотрел на копошащихся над трупом братьев, уже заворачивающих тело в полиэтиленовый мешок. Потом он положил теплую руку Ритке на спину, будто приобнял. Без слов. И Рита не выдержала, повернулась рывком, уткнулась Яну в грудь и затряслась, зарыдала без слез. А после с удивлением обнаружила, что хозяин не такой уж и высокий, ростом ненамного выше ее самой, и вовсе не такой уж грозный и загадочный. А даже какой-то родной, и все-все понимает, что сейчас с ней происходит, и говорит с ней, даже когда молчит, а она его слышит и утешается. И так и не поняла ее окончательно заблудшая душа, что куплена на корню, в очередной раз и теперь уже окончательно. Что нет ей исхода и никуда не деться от змеиной мудрости этого человека, даже в самых безнадежных ситуациях умеющего обращать ее слабости и разочарования себе на пользу.

Она не видела и старалась не смотреть, как Миша засовывал тело несчастного старичка в багажник «Волги», не помнила, как Ян усадил ее в машину и сел рядом, и они поехали. Чувствовала только руку хозяина, всю дорогу обнимавшую и гладившую ее плечи, без плотского умысла, а словно они были отец и заплутавшая по жизни дочь. И рука говорила ей, что все забудется и пройдет, может быть, даже завтра.

А на следующий день отмечали первый Ритин выход в свет. И до вечера Рита провела его в хлопотах, целебных и радостных, приказав себе не думать о старичке, давшем ей свою кровь. В суете и застольных приготовлениях это было не так уж трудно. Миша к ней не подходил, не заговаривал и не поздравлял, видимо, чувствовал свою неуместность до поры до времени. Впрочем, Ритино отношение к нему не то чтобы поменялось в худшую сторону. Только Миша из помощников и наставников отошел как бы на второй план, и мысли Риты теперь всецело

занимал хозяин. Она очень надеялась, что Ян тоже выйдет к праздничному столу, и про себя, не смея попросить вслух, твердила: «Приди, ну пожалуйста!» И он будто бы услышал, и покинул свои запретные пока для Риты комнаты, и пришел, хоть и ненадолго. Поздравил Риту, как полноправного отныне члена семьи, и дальше беседовал вполголоса только с мадам Иреной, которая, судя по выражению лица, на что-то жаловалась хозяину. А уходя, посмотрел на Риту со значением, чтобы она поняла: с этих пор он все время помнит о ней, он рядом и готов понять и поддержать ее.

Когда была уже глубокая ночь, стали понемногу расходиться. Макс и Сашок уехали на квартиру в город, Ирена отправилась спать. Миша последовал ее примеру и пошел в свой заповедный гараж. Лера и Тата еще уносили со стола последние тарелки, Стасик взялся им помогать. Тогда Рита, которой лечиться совершенно не хотелось, под села к кутившему на веранде Фоме.

– Помнишь, после охоты ты обещал рассказать про хозяина? – с наигранным безразличием спросила Рита.

– Помню, конечно. Могу хоть сейчас начать, вечер чудесный – сидел бы себе и сидел. Да ты, наверное, спать хочешь? – с ленцой ответил сказочник.

– Я? Вовсе нет. Мне после вчерашней дозы «сока» силы девать некуда, – сказала правду Рита.

– Это хорошо. Тогда слушай и не перебивай, а то я собьюсь или забуду что-нибудь. Это ведь длинная история, за один раз и не осилить.

Фома выкинул окурок и, положив коротенькие ножки на фигурные перила веранды, начал свою повесть.

Глава 4 АГАСФЕР

Восточные Карпаты весной – это рай на земле, по крайней мере если верить тому, как описывает райский Эдем священник Домокош Бач, человек без возраста и без боли мысли в заиндевелых глазах. Правда, Янош не может судить о других местах, он еще нигде толком не бывал, хотя уже совсем большой и родился целых девять зим назад, вот только мама запамтовала, в какой именно день. Лишь прошлой осенью после громких споров и немых мольб отец позволил Яношу удалиться с родного подворья ровно на то расстояние, которое отделяет их дом от местечка Секейудвархей, куда суровый и тугодумный дядя Андраш погнал быков на продажу. Путешествие было захватывающим и длилось целых четыре дня, самое яркое море впечатлений и событий, несмотря на то что Андраш не отпускал мальчика от себя ни на шаг, так и не позволив Яношу подойти и поиграть с другими детьми. И свою крытую небеленым холстом кибитку они поставили в стороне от других, но, кажется, это никого не обидело и не удивило. Наверное, дядин нелюдимый и угрюмый нрав был хорошо известен в местечке. Янош действительно был достаточно взрослым и догадывался, что дело не только в характере дяди Андраша, но и в «тайне» их семьи. Семейный секрет был сокровенным и нерушимым, и маленький Янош скорее дал бы посадить себя на кол, чем выдал бы «тайну» хоть единым словом. Тут Янош, конечно, немного лукавил сам перед собой, потому что подобная казнь не доставила бы ему особых неудобств и, уж конечно же, не убила бы.

Отец Яноша Уласло Балашши жил в здешних краях так давно, что секеи принимали его за своего, вернее, за внука того Уласло, который поселился в долине полвека назад. Ведь не может же человек прожить такой срок на земле и ни капельки не измениться и не постареть. Мать Яноша Юлию отец привез из соседнего молдавского княжества, взял из родственного гнезда, где красивой и не блекнувшей с годами девушке было бы уже опасно оставаться. Янош был единственным ребенком у родителей, хотя старший Балашши помнил еще нашествие Аттилы и императора Константина. Но дети в гнездах редкость и надо хорошенько подумывать, прежде чем решиться их завести. Яношу повезло – его хотели и любили, а отец не жалел средств на его воспитание и даже пригласил священника, чтобы учил греческому и латыни, хотя никто из секеев не мог написать и собственного имени и в лучшем случае умел считать до десяти. Мать учила сына венгерскому и немецкому письму, дядя Андраш – искусству боя с оружием и без него. Но больше всего Янош полюбил упражняться в стрельбе из отцовского тяжелого арбалета, который сам натягивал с недетской силой. Время для забавы удавалось выкроить не всегда – надо было помогать отцу и дяде Андрашу в поле, ибо настоящий секей не только защищает, но и кормит себя сам. Поэтому в их краю мужчины с равной охотой берутся и за плуг, и за оружие. И если хочешь, чтобы уважали соседи и голос твой был не последний на общинном собрании, то знай поворачивайся – не ленись.

Семья Балашши считалась в округе зажиточной, если не богатой, а отец, пожелай он только, мог бы даже стать общинным старшиной. Но Уласло Балашши на виду быть не любил и потому оставался лишь всадником ополчения. Звание это было чисто номинальным, поскольку секеи никаких войн не вели, а с захожими разбойниками и конокрадами каждый двор мог сладить и в одиночку, благо в оружии недостатка не было. Королевский ишпан тоже больше сидел в своем замке для виду и престижа и во внутренние дела и распри предпочитал не ввязываться. Человек он был с понятием и знал, что секейская вольница суть те же мадьяры, и потому нет для них иной власти, кроме короля венгерского. А что свободны и горды сверх меры, так на то и граница, и ее нужно охранять.

Восточная же граница Трансильвании никогда не была спокойным местом, и шлялась вдоль нее пропасть разного люда. Из Валахии тянулись сербы и валахи, со стороны Молдавии

забрели словаки и даже германцы, последние были особенно воинственны. Но и секеи, не будь дураками, открыли для себя выгодный промысел, обогащаясь за счет захожих путников, по сути, занимаясь тихим дорожным и преимущественно ночным грабежом. Братья Уласло и Андраш сочли такое положение дел очень удобным для сохранения семейной «тайны». От соседей оба Балашши старались не отставать и по нескольку раз за одну темную луну выходили на большую дорогу, то есть в засаду на горной тропе, и приносили под утро добытое оружие и одежду и, если везло, медные и серебряные деньги, золото попадалось редко. Иногда приводили в дом пленника, чтобы напоить мать и Яноша. Сами же братья пили кровь на месте охоты, без страха разоблачения, так как трупы с растерзанным горлом долго в лесу не залеживались. Начатое дело быстро доканчивали лисицы, дикие кабаны и лесные птицы, оставляя от незадачливых прохожих одни только кости.

Когда Янош немного подрос, отец и дядя стали брать его с собой на разбой, и Янош поочередно ходил с ними как взрослый в ночь и убивал легко, гордясь сноровкой и ловкостью. Иногда он уходил в горы в одиночестве, но отец не ругался и не запрещал походы, считая, что мальчику полезно проверить свою храбрость. Янош все добро, добытое им самостоятельно, отдавал матери, не оставляя себе даже мелкой монетки, впрочем, благодаря отцу он ни в чем не знал нужды. Вот только рассказывал он семье далеко не все о своих ночных прогулках и забавах, особенно смущаясь при мысли, что о его проделках узнает мама Юлия. Порой случалось так, что Янош, повинувшись внутреннему желанию и томлению тела, затаскивал в лес подальше от дороги приглянувшуюся ему девушку или молоденькую женщину, предварительно убив и ограбив ее спутников. Там, в тиши деревьев, он с неистовством молодости овладевал своей жертвой, которая часто сама изо всех сил старалась доставить ему удовольствие, в надежде, что юный и горячий Соловей-разбойник оставит ее в живых. Но Янош всякий раз после утех, в которых пока не знал меры, бывал настолько голоден, что нежные шейки не имели ни малейшей возможности ускользнуть от его зубов.

Однажды, когда Янош в одиночестве сторожил шаги на тропе, его привлек резкий травянистый запах, от которого нестерпимо хотелось чихать. Обнюхивая растения, он нашел нужное и, выдернув один корешок, попробовал его на вкус. Домой Янош смог, задыхаясь, приползти только к утру, и мать почти неделю лечила и отпаивала травами неразумного естествоиспытателя. Так Янош впервые попробовал дикий чеснок и убедился, что слушать взрослых иногда полезно и семейные правила придуманы не от нечего делать. Припомнив и продумав на досуге наставления дяди и отца, Янош постепенно пришел к мысли, что многое из того, что ему вбивали в голову с детства, мудро и необходимо для его же, Яноша, безопасности. Что оба старших Балашши и Юлия стараются по возможности избегать общения с другими секеями не из-за чувства собственного превосходства или нелюбимости, Янош понял только после случая с окаянными чесноком. Нельзя привлекать внимание людей излишней, нечеловеческой силой и сноровкой, нельзя есть с ними за одним столом, чтобы не отведать чесночной отравы, нельзя, наконец, близко подходить к посторонним, чтобы тебя не выдал твой собственный запах, вернее, почти полное отсутствие такового. В грязную, невытую эпоху Яношева детства крестьяне и воины пахли одинаково отвратительно и достаточно сильно, чтобы вонь от них разносилась на немалое расстояние. Нельзя сказать, что Янош и его близкие злоупотребляли гигиеной и частотой омовений, но даже после тяжелых трудов в поле тела их издавали лишь легкий запах, схожий с тем, какой идет от сильно нагретого солнцем железа.

Когда Янош вошел в зрелый возраст и давно уже принимал участие в делах семьи наравне с отцом, дядя Андраш решил отделиться и постранствовать немного, чтобы после опять осесть в другом родственном гнезде, поселившемся в давние времена под Кошицей. Кошицкие родичи имели немало собственной земли и проживали в достатке и относительном спокойствии, к тому же имели королевскую грамоту на «право меча» и могли предоставить безопасный приют еще одному брату по «тайне». Если бы кто из соседей поинтересовался

судьбой Андраша Балашши, то получил бы ответ, что храбрый и неутомимый охотник был, к несчастью, задран лесной медведицей. Янош, однако, понимал, что и остальной его семье рано или поздно придется сняться с насиженного места и искать новое пристанище, но пока в местечке было спокойно и ничто не предвещало переезд. А вскоре в доме появился Михай.

Однажды летней ночью Янош, спавший в охапке сена на телеге, чутким ухом уловил посторонний шум, доносящийся из-за земляной насыпи, окружающей двор и постройки. Как будто кто-то тяжелый тащился ползком по траве, издавая стоны и гремя чем-то железным. Янош одним рывком перелетел ограду в месте, откуда слышал звуки, и, отлично видя в темноте, сразу же обнаружил нарушителя спокойствия. Михай очнулся только в доме на покрытой бараньей шкурой лавке, куда его положили Янош с отцом, но говорить он не мог, а только показывал рукой на грудь, вернее, на закрывавшую ее старую, проржавевшую местами кольчужку. Отец легко, одними пальцами, разодрал хлипкий металл, под которым обнаружилась ужасная открытая рана, зловонная, с черными мертвыми краями. Юлия принесла больному воды, но перевязывать его не стала, в лечении уже не было никакой пользы. Михай до утра метался в горячечном бреду, то приходя в себя, то впадая в беспамятство, а к восходу отцом было принято решение. Юлия и Янош его одобрили. Михай был все равно не жилец, так что попробовать стоило. Человек он крепкий и, судя по всему, оружие в руках держал не раз и, может, будет благодарен за спасение своей единственной жизни, пусть и столь нехристианским способом. Более того, с отъездом дяди Андраша лишний брат в их маленькой общине отнюдь не помешал бы. К тому же провидение привело умирающего именно к их порогу и, возможно, явило этим свою волю. А суеверная Юлия увидела в появлении Михая и некий знак свыше.

Михая все-таки удалось выходить, хоть и не без труда. Одно время отец даже поставил на Михая крест, не надеясь более, что больной выживет. Но Михай, переборов и жестокую лихорадку, и сатанинскую боль, остался жить. Отцовский укус спас его, вернул с того света, хоть и в другом, нечеловеческом качестве. Сам Михай был бесконечно благодарен всем Балашши, особенно старшему Уласло, считал, что ему несказанно повезло, и только просил не снимать с него нательный крест, разрешить носить его и далее. Уласло втолковывал темному Михая, что тот может повесить на себя все, что угодно, что они не антихристы, а такие же Божьи твари, как все живое на грешной земле. Его собственные сын и жена крещены в католическую веру, а он, Уласло, за свою незапамятную жизнь познал столько богов, что ему безразлично, какому из них служить. Уласло и сам носил на шее крестик, исправно стоял службы в сельской часовне по церковным праздникам, но лишь для того, чтобы не вызывать ненужных разговоров и пересудов.

Добродушный, но тупоумный Михай стал для Яноша лучшим другом, верным оруженосцем и добросовестным помощником в делах. Смотрел на Яноша снизу вверх, подчиняясь с радостью живому и яркому характеру, беспокойному, но трезвому и хитрому уму нового своего брата, пошел бы за ним в огонь и в воду и даже в преисподнюю, только кликни. Но Янош берег Михая, уже зная хорошо цену настоящей преданности. А на границе с каждым годом становилось все беспокойнее. Порог Счастья подступал все ближе к рубежам Трансильвании, в Валахии уже шла самая настоящая война, турок пока удавалось сдерживать, но Янош знал, что это ненадолго. Преодолев свой первый столетний юбилей, он обрел за прожитый век бесценный опыт, позволявший ему с большой долей вероятности предсказывать события и анализировать обстоятельства, составляя из отрывочных сведений, доходивших до их местечка, достоверную картину стремительно меняющегося мира. Михай таким даром не обладал, несмотря на свой собственный немалый возраст, а потому полностью доверял суждениям своего друга и готовился к неприятностям.

В секейских общинах напряжение росло с каждым годом. Королю Жигмонду было не до отдаленных трансильванских восточных границ, и, почувствовав это, секеи принялись делить власть, собирая своих представителей в Адягфальве. Секейские старшины сплывали вокруг

себя в поддержку приближенных всадников и простых пехотинцев, как на дрожжах росли взаимное недоверие и подозрительность, каждый видел в малейшем отступничестве от своих интересов предательство и злоумышление. Необычная и замкнутая семья всадника Балашши оказалась в сложном положении. Слишком много пополнилось лишних слухов, доходивших порой до обвинений в колдовстве и чернокнижии. Тогда Уласло, как глава семьи, заговорил о переезде. На домашнем совете после долгих споров и раздоров, в основном между отцом и матерью, не желавшей покидать Венгрию, было решено отправиться к старому Рудольфу, тоже принявшему фамилию Балашши и приходившемуся Уласло двоюродным дядей. Старик Рудольф уже некоторое время жил совершенно один и обрадовался бы родственникам. Дядя Рудольф был довольно воинственен и крут нравом, полон сил и запасов задиристости, стариком же его прозвали из-за того, что дядя был самый старший из известных отцу родичей. Жил Рудольф недалеко от Бухареста, не более дня пути от столицы, и, по слухам, имел землю и свой собственный, хоть и невеликий, каменный замок. Янош считал выбор отца правильным, так как в смутное время лучше всего затеряться в гуще событий, ведь когда идет война, некогда думать о том, что творится на огороде у соседей.

Старый Рудольф неожиданным гостям был рад, к тому же сам собирался списаться, случись удобная оказия, с ближайшими гнездами и пригласить к себе на проживание братьев, нуждающихся в укромном приюте. А тут целая семья, да еще родственники и близкие! Михая решили объявить хозяйским племянником, благо лицом он несильно отличался от наследственных Балашши, и Михай принял оказанную честь с благоговением, пустив сентиментальную слезу. Открыто теперь мог назваться братом Яношу, которого чтил как своего святого покровителя. И внешне были похожи названные братья. Оба белокожие, черноволосые и черноглазые, роста не великанского, но и не низкого. Черты лица у Яноша потоньше, у брата Михая – поглубже. Янош в кости тонок, ловок и быстр, как хищный барс, Михай же тяжеловесен и кряжист, как медведь. Будто две стороны одной монеты, которую разменять не под силу никому. Один, быстрый и пытливый взором, с нескованным и изошренным умом, был создан повелевать, другой, простодушный, но с хитринкой во взгляде, верный в своих привязанностях и не привыкший рассуждать, призван был подчиняться.

Выходить на большую дорогу в дядином имении не было более нужды – земли богатые и крестьян дядюшка имел не один десяток душ. К тому же промыслять охотой на одиноких путников дядя не позволял, покупал у добычливых конников пленных турок и прочих басурман, от них, безвестных и никому не нужных, и велел набираться крови. В бытность свою странником в византийских пределах, старый Рудольф, нахватавшись от тамошних монахов и начетчиков богословской премудрости, пусть и поверхностной, заделался, к недоумению спокойных ко всякой религии родственников, ревностным христианином. Дядя истово соблюдал посты и ежевечерне бил на молитве поклоны, почитал Иисусовы заветы, оттого и пользоваться христианскую кровь почитал за великий грех. Магометанских иноверцев старик за людей не держал, обзывал грязными собаками и призывал всех, кто носит на груди священный крест, истреблять нечестивцев без пощады.

Названные братья, разъезжая по дядюшкиным полям и селениям, чувствовали себя настоящими благородными магнатами, радовались своему новому положению и вели себя соответственно. Скакали опроретью, где им вздумается, не отказывая себе в удовольствии вытянуть кнутом по спине согнувшуюся в поклоне крестьянскую душу, у которой копыта их резвых лошадок только что смяли половину урожая. И стоит ли говорить о смазливых молоденьких пейзажах, которым только моргни, побегут наперегонки к ближайшему стогу сена, да еще передерутся между собой за право принадлежать молодым господам. Так бы жить им да поживать в свое удовольствие, не зная горя и козней судьбы, пока не настанет время для нового переезда. Но беда пришла с неожиданной стороны.

Всю нынешнюю весну валахи судачили о возвращении законного господаря Влада в столицу, о счастливом избавлении его из венгерского плена и о неожиданном для православного подданного народа переходе господаря в католическую папскую веру. Многие осуждали валашского властелина и плевали под ноги при упоминании имени его, но находились и здравомыслящие, понимавшие и принимавшие политическую необходимость монаршего отступничества. А спустя еще некоторое время, ближе к Иванову дню, в замок прибыл таинственный посланец, потребовавший немедленно отвести себя к хозяину здешних мест, высокородному Рудольфу, и отказавшийся отвечать на расспросы удивленных и обеспокоенных домочадцев. Гонец просидел с дядюшкой взаперти до позднего вечера, а после убыл, отказавшись от ночлега и, что необычно, от обильного ужина.

А по окончании вечерней трапезы старый Рудольф собрал всю семью в зал на совет, удалив слуг и затворив наглухо тяжелые, окованные железом двери. То, что поведал им старик о загадочном визите, повергло в замешательство всех без исключения. Отец даже заставил дядюшку пересказать беседу с таинственным гостем еще раз, переспрашивая на каждом слове, верно ли он понял смысл сказанного. Янош же ухватил суть дядиного повествования сразу, а природная чуткость к опасностям и сообразительность позволили ему догадаться о том, о чем умолчал гонец. Предложение же посланца, как оказалось, от самого господаря Влада, сводилось к следующему. Валашский правитель предлагал дяде Рудольфу явиться на тайную встречу в указанное гонцом место, где господарь предполагал переговорить с ним с глазу на глаз о некоем необычном, но взаимовыгодном договоре, условия и цель которого гонец обсуждать уполномочен не был. Дядя прибыть на подневольное свидание согласился, так как посланник господаря исподволь намекнул ему на возможные неприятности, вплоть до монаршего гнева, обычно сопровождаемого чрезмерными по жестокости репрессиями. Выбор у семьи в действительности был лишь один – либо срочно сниматься с места и бежать из валашских земель, либо подчиниться господарю Владу. Дядя Рудольф, посоветовавшись с племянником и Юлией, решил остановиться на второй возможности и посмотреть, что из этого выйдет. Янош и так знал, что ничего хорошего от свидания с правителем не будет, и мог даже заранее предсказать, что предложит старику взбалмошный и немного сумасшедший господарь. Но промолчал, не сказал на совете ни слова, чуял сердцем, что в его чудовищное предположение не поверит не то что отец, но и Юлия, его родная мать. Впрочем, тихо убраться подальше семья всегда успеет, нет у господаря такой силы на земле, которая смогла бы их остановить.

И Янош как в воду глядел. Полоумный Влад Тепеш, правитель Валахии, потребовал от старого Рудольфа продать за многие блага и привилегии, за место вблизи его персоны и положение первого советника и дворянские, а также охранные грамоты всем членам его семьи мужского пола – великую «тайну» их племени. Хотел стать ровень с ними, поставить их кровь на службу себе. Мечтал господарь о войске могучем, непобедимом, о бессмертии для себя и своих воинов, о господстве над миром христианским и уничтожении и полном истреблении тех, кто шел против него с зеленым знаменем пророка, развернутым над головой. Как узнал Влад о «тайне», того дядя Рудольф ведать не ведал, а господарь ему правды не открыл.

Тут бы взять старому Рудольфу и согласиться для отвода господаревых глаз, а темной ночью сняться с места всей семьей и прочь, прочь с насиженной земли, куда глаза глядят, подальше за границу, за высокие горы, хотя бы в Моравию. Но демон безумия будто обуял родных, только так мог объяснить их бредовые речи встревоженный не на шутку Янош. Чему они радовались, наивные? Власти, славе, возможности жить открыто, выйти наконец на дневной свет? Неужели не понимали умом, что одолели их химеры и напрасный, тщетный соблазн? Он, Янош, понимал! Тщетно пытался переубедить, перекричать, переспорить. На его, Яноша, стороне был только верный Михай. Да и тот не постигал своим неповоротливым разумом всего происходящего, а поддакивал Яношу скорее по привычке и из почтения. И семья, перешагнув через протест и здравый смысл, предложение господаря Влада решила принять, а дядя

Рудольф с отцом уже и делили на словах выгоды, ожидаемые ими от шкуры большого валашского медведя.

На деле же все получилось так, как и предсказывал Янош. Никакого великого карающего похода не вышло, и уж тем более не было речи о господстве совместно с полоумным господарем валашским над всем христианским миром. А были лишь крошечный ужас и страшное несчастье, полный крах и проклятие от собратьев по «тайне».

Дядя Рудольф, как было уговорено, прибыл в господарев столичный замок вместе с племянником и его женой, оставив в имении Яноша и его названного брата присмотреть за хозяйством, в чем, собственно, и состояло великое везение последних. В замке старый Рудольф наедине даровал алчущему Владу Тепешу так страстно желаемый им укус и из благодарности к господарю не проглотил и капли крови нового брата, а сплюнул ее в специально подставленную золотую чашу. И целый лунный месяц еще выхаживала, не покладая рук и не зная покоя, мама Юлия больного Влада. Уласло и дядя помогали ей, чем могли, ибо кохали, как нежного младенца, не человека, но свою безумную надежду. И Влад Тепеш выжил и почувствовал в себе недюжинную силу и решил: пришла пора его великой мечте. И стал посылать к Уласло и Рудольфу своих рыцарей и солдат подряд, не брезговал сам приобщать к «тайне» ближайших своих приспешников, переморил таким образом почти все свое войско и двор.

Тогда оставшиеся в живых, догадавшиеся, что к чему, и не желавшие брать на душу богомерзкий грех осквернения, составили заговор. Верные люди подали к господаревой трапезе сонное вино, сами же не приобщенные к «тайне» пили в тот вечер лишь воду. Вскоре пирующие, меченные сатаной, совершенно осоловели и, ослабевшие, повалились под лавки и столы. Их для верности связали железными цепями и, покидав беспамятных на телеги, вывезли за городской вал и там, в заранее приготовленном месте, истребили. Жестокосердного и сумасшедшего господаря, растянув в цепях, по разу каждый, пронзили мечами, а после снесли голову долой. Остальных же заперли спящих в деревянной стодоле и подожгли с четырех сторон. Влада закопали тут же у леса, в безымянной могиле, без поминальной молитвы и обряда, как последнюю собаку. На пожаре же, потухшем лишь с рассветом, разворошили пепел и посекали поганые кости, перекрестились и вон обратно в столицу, делить пустующий трон. Небольшой отряд для верности отправили в имение старого Рудольфа добить оставшихся вурдалачьих выродков.

По сей день благодарит Янош всех богов подряд, что не оказалось их с братом Михаем в замке в ту окаянную, роковую ночь, когда явились за ними посланцы людского гнева и возмездия. Пребывавший в неизъяснимой тоске Янош, взяв с собой брата, а заодно прихватив молодого вина из дядюшкиных погребов, отправился к вдовой молодке, жившей на окраине ближайшей к имению деревеньки. Петра, вдова шорника Имре Скароти, скорехонько собрала на стол для молодых господ и, с милым подхалимством кланяясь, приняла из руки Яноша золотую монетку, от хозяйской щедрости за угощение и утехи. Гости Петры, насытившись и изрядно хлебнув виноградного нектара, только было принялись щипать притворно повизгивавшую хозяйку за бока, как издали, со стороны замка, в распахнутые по-летнему ставни, ворвался в душную горницу зловещий лязг и шум. Не успели Янош с Михаем выскочить на шаткое крыльцо вдовушкиного домика, как в замке что-то громыкнуло с оглушительной силой, и через мгновение над его железной остроконечной крышей взвился сноп ослепляющего пламени. Это рванули дядины пороховые погреба, догадались разом братья. Стена огня поднялась над ночным горизонтом, и на фоне кровавых всполохов металась, явственно видимые даже издали, фигуры вооруженных всадников. И было их великое множество. Даже вдвоем с Михаем не смог бы совладать Янош с такой ратью. Михай рванулся было к горящему замку, но Янош силой удержал его. Бежать, скорее, следовало в противоположную сторону и побыстрее. Янош понял все правильно: не найдя никого в самом замке и от бессильной злобы разрушив его, люди, пришедшие на их землю как враги, примутся вскоре обыскивать окрестности, и если,

не дай Бог, обнаружат обоих братьев, то трудно сказать, к чему такая встреча может привести. Вряд ли им удастся справиться с многочисленным отрядом хорошо вооруженных конников, полных отчаянной ненависти, ибо Янош уже сообразил, с какой стороны пришла беда и кто прибыл по их души.

Наскоро оседлав коней, братья поскакали в сторону столицы, и Янош разумно полагал, что в городе искать их будут меньше всего, к тому же надеялся разузнать хоть что-нибудь о причине происходящих событий и, главное, разъяснить судьбу своих родных. Надежда его оправдалась полностью, но услышанные на бухарестской базарной площади новости были убийственными. Слухи ползли один страшнее другого, но Янош сердцем чувствовал, что большинство из них правдивы. Так он узнал о казни господаря, продавшего душу дьяволу, и о том, что родителей его, Уласло и Юлии, равно как и окаянного дяди Рудольфа, скорее всего больше нет среди живых. Спустя несколько дней, после изнурительных разъездов по окрестным местечкам, после осторожных расспросов, они с Михаем наконец отыскали зловещее пепелище. По оставшейся груде не захороненных никем костей уже невозможно было разобрать, кто есть кто. Однако на куске безымянного посеченного скелета Михай углядел блеснувшее сквозь маслянистую сажу золото. Это был золотой с рубинами крест старого Рудольфа, зацепившийся колечком за обломок ребра. Янош не стал поднимать оставшуюся от дяди реликвию, а только вдавил крест в обугленный прах кованым гвоздями сапогом и смачно, от души, плюнул на дядюшкины останки.

Так началась пора скитаний. Янош и верный его Михай, неразлучный с братом и в горе, и в радости, убравшись поскорее из охваченной мятежами Валахии, попытались для начала найти безопасное убежище в одном из известных им родственных гнезд. Это намерение чуть не стоило обоим головы. Яношу и его названому брату пришлось сполна испытать на своей шкуре все ужасы предательства старого Рудольфа. Противоречивые слухи о несправедливой кончине господаря валахов расползлись подобно ядовитой жиге по всей Восточной Европе. Поднялась новая страшная волна охоты на ведьм, в каждой деревушке, в каждом местечке суеверные, напуганные монахи и попы изыскивали своих Рудольфов и Владов, тащили во множестве на костер безвинных отшельников, подозрительных путников и просто не угодивших им прихожан. Целые гнезда снимались с насиженных мест и разбредались подальше в разные стороны кто куда. В тех же местах, где братьям удавалось еще застать семью родичей, соплеменники гнали их прочь, как нечистых и гнусных отступников, проклиная и грозя смертью. В гнезде же, жившем под Кутно, куда братья опрометчиво сунулись, все же надеясь на некоторую помощь, зловещая угроза чуть было не осуществилась, так что Янош и следовавший за ним неотступно Михай еле-еле унесли ноги. Семейю Балашши объявили навеки проклятой и, стало быть, стоящей вне законов общин, несущих бремя «тайны». Более того, всех Балашши считали повинными в постыдном и корыстном разглашении этой «тайны», в том, что люди вообще наконец узнали достоверно о самом факте существования гнезд, а значит, подлые Балашши подставили под удар всех своих собратьев и родственников. Братья оказались в положении изгнанников, постоянно опасаящихся за свою жизнь.

Тогда-то Янош и перестал искать поддержку у своих собратьев и принял решение отправиться вместе с Михаем на войну, записавшись под вымышленными именами в войско к трансильванскому воеводе, который как раз в это время собирал в Дева армию и намеревался идти с ней на осаду Темешвара. Двое крепких, обученных владеть оружием воинов на превосходных лошадях пришлось как нельзя кстати ко двору наместника Яноша Запольяи и проявили себя во время подавления мятежа храбрыми и не страшась смерти солдатами. Уже в сражении под Коловжаром Янош получил под свое начало отряд, Михай же оставался его правой рукой и самой надежной опорой. Добывать свежую кровь на войне и вовсе не составляло никакого труда, не привлекая при этом ненужного внимания. Впрочем, братья действовали осторожно, старались ничем не отличаться от других лихих и бесшабашных вояк, соразмеряли

свою необыкновенную силу с людской, не позволяя ей проявляться в своем устрашающем и разрушительном действии. Даже отсутствие запаха не наводило на подозрения, так как военный лагерь был наполнен таким устойчивым смрадом, что казалось, зловонием пропитывалась не только одежда, но и оружие и доспехи.

Бесстрашный и опытный воин, Янош был отмечен наместником и взят в охранную свиту воеводы Запольяи. При нем в качестве оруженосца попал ко двору и Михай. Остались оба брата при наместнике и тогда, когда был посажен Запольяи магнатами на венгерский престол в Буде. Славные настали для них времена, сытые и покойные, ибо кто ж заподозрит в чем худом рыцарей, посвященных и опоясанных за верную службу королем, да еще несущих почетную тягость охраны монаршей персоны на своих могучих плечах. Но благоденствие продлилось недолго, так как вскоре король Янош был разбит в сражениях своим соперником в борьбе за трон королем Фердинандом. Пришлось Запольяи бежать со всех ног в польские владения, а с ним и его верным рыцарям. В изгнании пришлось несладко, и Янош подумывал уже о том, чтобы в очередной раз вместе с братом Михаем оборотиться кем-нибудь другим и покинуть опального короля, найти получше местечко под солнцем. Но тут король, уговорившись с султаном Блистательной Порты Сулейманом Великим, получил от него деньги и заручился поддержкой в своих планах вернуть венгерский престол. Колесо фортуны совершило очередной поворот, и теперь уже Фердинанду пришлось кисло.

Вместе с Запольяи к воротам Буды в боевом охранении монаршей особы подъехали и братья, теперь уже носящие имя Ковачоци и рыцарские пояса, и присутствовали в свите короля, когда султан Сулейман провозглашал того единственным государем Венгерского царства. И опять началась для Яноша и Михая сладкая жизнь. Посыпались на них золото и богатые уделы – награда за преданность; сильные и богатые придворные вмиг стали завидными женихами. Однако достигшие успеха братья ожениться на знатных девицах не спешили, предаваясь любовным утехам с женщинами попроще. Но в то же время приходилось постоянно быть начеку, стараться и в мелочах не выдать себя, своей сущности, скрупулезно следить за каждым шагом. В сердце Яноша же все больше росло беспокойство – они с Михаем оказались у всех на виду и на слуху. Слишком хорошо помнил он родительскую судьбу и дорогой ценой заплатил за урок. Им, носителям «тайны», лишние шум и внимание ни к чему и до добра не доведут, правда рано или поздно выйдет наружу. Таков Божий суд за их долгую жизнь, за кровь и грехи.

Потому, когда советник Гритти искал надежных людей послать с поручением и письмом в родную Венецию, Янош испросил королевского дозволения сопровождать послов вооруженным эскортом. Так, вдвоем с братом Михаем, прихватив с собой все золото, какое можно было увезти, отправились к Средиземному морю, с посольством в Великую Торговую республику. Венеция, огромный караван-сарай, где никому ни до кого нет дела, водились бы только денежки в избытке, прилась обоим по вкусу. Янош, жадный до всего нового, впервые общился к подлинной западной культуре, с наслаждением учил итальянский певучий язык, и помогало ему в том знание латыни. Братья избавились наконец от ратных доспехов, тяжелых сабель и шлемов, переделались в бархатные и шелковые одежды и отправились на поиски галантных приключений: Янош – дорогих и изысканных, Михай – тех, что попроще и подступнее.

Спустя несколько месяцев порученцы Гритти отправились обратно в Венгрию, Янош же с братом под благовидным предлогом задержались в вольном городе. В Торговой республике всегда ошивалось много народу, знатного и худородного, богатого и бедного, прибывшего по делу или развлекающегося путешествиями. Добыть свежую кровь и вовсе не составляло никакого труда, достаточно было поймать любого нищего в порту, а затем, насытившись, пустить его с камнем на шее ко дну на прокорм рыбам. Трижды зимовали братья в славной Венеции, затем Янош, верный решению не оседать подолгу на одном месте, решил, что пора им покинуть веселый и гостеприимный город. Знакомый купец и поставщик венгерских рыцарей Карло

Анунцио согласился на предложение Яноша взять его и брата с собой в плавание до самого Стамбула, где имел большие знакомства и связи. Корабль у Карло был, как и у большинства местных купцов, полувоенный-полуторговый, хорошо вооруженный, удобный и вместительный. О цене быстро сговорились. Братья по прибытии к Порогу Счастья должны были также получить от Анунцио рекомендательные письма к влиятельным друзьям Карло, которые обеспечили бы за щедрые дары безопасность и приятное времяпрепровождение двум христианским рыцарям дружественного венгерского двора.

Не прошло и нескольких недель, как корабль Карло «Святая Изабелла» уже бороздил воды Адриатики, увозя в неизвестность грозной исламской Порты обоих братьев – Михая и Яноша, рыцарей Ковачоци. Янош за всю свою долгую жизнь никогда еще не путешествовал по морю и первые несколько дней ожидал от плавания чего-то необычного и захватывающего. Корабельная качка нисколько на него не действовала, и Янош разгуливал по всему судну, вступал в беседы с капитаном, расспрашивал об искусстве морской навигации, интересовался устройством компаса и секстанта, разглядывал в капитанской каюте карты. Михай больше отирался возле матросов, учился у них вязать узлы и ставить паруса, иногда бахвалился своей недюжинной силой и разрывал руками на спор канатные веревки. Матросы с уважением и восхищением относились к Михая-силачу, но Михая-рыцаря считали простаком.

«Святая Изабелла» находилась в море уже пятнадцать дней, погода стояла ясная, ветер был благоприятный, и однообразные занятия экипажа повторялись изо дня в день. Морской пейзаж вокруг тоже не претерпевал больших изменений, и Янош начал ощущать легкую скуку. Путешествие выходило не таким уж занятным. Янош начал уже потихоньку мечтать о том, чтобы «Святая Изабелла» ввязалась в бой с каким-нибудь пиратским кораблем. Но турки не трогали суда, идущие под союзным венецианским флагом, и других морских разбойников, о которых так много слышал Янош, тоже было не видать. Однако уже на следующий день Янош получил на свою голову приключений куда больше, чем просил.

Уже под вечер море покрылось нехорошими барашками, и капитан «Святой Изабеллы» не на шутку встревожился, забеспокоился и Карло. А вскоре крепкий порыв ветра безжалостно рванул паруса. К ночи разыгрался самый настоящий шторм. Тогда и Янош осознал наконец ту истину, что с морем шутки плохи. Корабль бросало на волне как беспомощную скорлупку, вода переливалась через борт, и «Святая Изабелла» опасно кренилась набок. Янош с братом бросились на помощь команде, любая пара сильных рук была теперь ценнее золота. Привязав себя за пояса к мачтам, рыцари Ковачоци помогали управляться с парусами. На мостике и у штурвала от них было бы мало проку, и они взялись за простую матросскую работу, смертельно опасную и такую важную для общего спасения во время грозной бури. С небес хлестал колючий холодный ливень, ветер ревел, переходя временами в волчий вой, и рвал из рук снасти, сдиравшие с ладоней кожу. Боцман, отдавая команды, пытался перекричать рев бури, но моряки и без него знали, что от них требуется. Ураганный шторм длился, казалось, уже целую вечность, небо было беспросветно темным, и никто не знал, наступило ли уже утро или все еще продолжалась ночь. Люди выбивались из сил, только Янош и Михай не чувствовали усталости. «Святая Изабелла» трещала по швам и готова была рассыпаться на куски. Но буря вскоре все же, казалось, стала стихать. И уже будучи на излете, выбросила перед потрепанным суденышком гигантскую волну. Привязанный рядом с Яношем матрос крикнул ему, что это последняя. Янош на всякий случай обхватил мачту руками, став спиной к волне. И тут гора воды обрушилась на них. Почти захлебнувшийся в потоке Янош сквозь залепленные солью ресницы с ужасом наблюдал, как волна вырвала фок вместе с намертво привязанным к нему корабельным канатом Михаем и с треском, снося все на своем пути, протащила его по палубе и, выломав часть борта, вышвырнула в кипящее море. Так на его глазах сгинул его дорогой названный брат, преданное сердце, единственный, кто любил Яноша со всем пылом души, единственный, к кому и сам Янош не был равнодушен. И, продолжая обнимать просмоленную мокрую мачту,

Янош, нарочно с размаху, ударился об нее изо всех сил лбом и, скрежеща зубами от отчаяния, в первый раз в жизни заплакал.

Глава 5 УЧИТЕЛЬ

– И что же было дальше? Доплыла его «Изабелла» до Стамбула или нет? – спросила Ритка, когда Фома вдруг прервал свой рассказ.

– Доплыла, конечно, куда бы она делась! – ответил ей Фома и зевнул, прикрыв ладонью рот.

– Михая жалко. Наверное, неплохой был мужик... – Ритка затеребила Фому за рукав рубашки: – Эй! Не спи, замерзнешь! Давай дальше!

– Нет уж, на сегодня хватит. У меня уже башка не варит, так спать хочу. В другой раз доскажу. – Фома поднялся со стула и потянул за собой Ритку: – Пошли-ка баиньки, а то у тебя уже глаза как у совы.

– Ладно, пошли, – согласилась с ним Ритка, чувствуя, что ее и в самом деле тянет прилечь. Они вошли в дом.

В последующие дни Ритка в душе еще не раз пережила подробности жизнеописания хозяина, и сам он, его образ, застывший занозой в сердце еще со времени ночи ее первой охоты, не давал ей покоя, наполняя Ритку сладким и романтически возвышенным ароматом. Она начала намеренно искать встреч с хозяином, мысленно уже не пугаясь и не стесняясь его общества. Ей стало просто необходимо видеть его и говорить с ним, хотя бы изредка. Рита не могла, конечно, навязывать хозяину свое общество и долго, мучительно ждала, когда Ян сам найдет время и повод для встречи и беседы. С ее стороны это не была любовь в традиционном и естественном понимании этого слова. Ритины чувства скорее были сродни исступленному обожанию первыми христианками магической фигуры Христа, чей путь страдальца, пророка и учителя недостижим и желанен.

Хозяин распознал изменения в настроениях девушки, быть может, раньше, чем об этом догадалась она сама, и счел, что этот факт ему на руку. Осторожный и дальновидный Ян Владиславович отмерял ей внимание аптекарски рассчитанными дозами, чтобы не спугнуть и не переборщить с доступностью, но в то же время окончательно завладеть ее мыслями и переживаниями. А Рита не просто хотела мыслить и переживать, она чувствовала еще и безотлагательную потребность поделиться с кем-нибудь посторонним подспудно зреющими в ней новыми ощущениями, щекочущими, захватывающими и беспокойно радостными. Единственным, и она хорошо это осознала, было то справедливое соображение, что для задушевных бесед в этот раз ни в коем случае не стоит выбирать Мишу. И Рита остановилась на двух милых рабочих лошадаках, разговорчивых домохозяйках, на Таточке и Лере. В последние дни Риту никто не доставал занятиями или нравоучениями, ее, казалось, на время предоставили самой себе, отпустили попасться на волю или просто отдохнуть. Только хозяин ежедневно, словно следуя ритуалу, подзывал Риту к себе, ласково улыбался и задавал ей несколько непонятных вопросов, на которые она отвечала, что придет в голову, лишь бы подольше побыть рядом с Яном Владиславовичем.

Так, Рита стала частым гостем на кухне, забегала по несколько раз на дню, иногда помогала, в чем просили, и, главное, вволю болтала с девчонками о хозяине. Исподволь, через дальние огороды, подбиралась к волновавшему ее воображение и томящему сердце вопросу. Пока однажды вопрос не был наконец озвучен. Лето было уже на исходе, и в этот день Тата как раз затеяла возню с вареньем, сливовым и абрикосовым. Выдавливая очередную непослушную косточку из тугого фиолетового плода, Ритка, переводя дыхание, спросила:

– Девочки, как вы думаете, Ян Владиславович интересуется женщинами, ну, не конкретно, а вообще, в принципе?

Ответом ей был дружный хохот, перемежающийся возгласами «Ну ты даешь!» и «Ну спросила!».

– Конечно, интересуется, он же не монах, – отсмеявшись, уверенно ответила Лера.

– А ты откуда знаешь, к нему что, кто-то приходит или ребята специально доставляют? – возразила Рита, не зная сама, чего хочет больше – задеть ли Леру или подосадовать на хозяина.

– Ну зачем ты так? Он в этом смысле с людьми дела не имеет, по крайней мере на моей памяти. – И Лера лукаво и с усмешкой отвела глаза.

– То есть как это? Хочешь сказать, что кто-то из наших, кто-то из домашних?.. – Ритка прикрыла рот ладонью, но тут же отдернула руку от лица, злого и расстроенного. – Это Ирена, да? Точно, она, больше ведь некому. Ой, девочки, неужели правда?

– Ну и дура же ты, Ритка! – резко оборвала ее Тата, красная, распаренная, с запачканными абрикосовым соком руками. Она пыталась сдуть набок лезшую в глаза прядь волос, у нее не получалось – волосы липли к мокрому лицу, и Тата все больше раздражалась. – Смотрите, как взъелась. Что, побежишь и мадам в морду вцепишься? Я не могу, тоже мне выискалась леди Макбет Мценского уезда!

– При чем здесь эта леди? – растерялась от неожиданного напора Рита. Лескова она не читала, впрочем, Шекспира тоже не удосужилась и потому уловила на слух только слово «леди», опустив ее титулование.

– А при том! При том, что если хочешь знать, то мы все здесь леди – и я, и Лерка, и, уж конечно, Ирена. – Тата помолчала с секунду и добавила: – И ты будешь, если захочешь, так что не о чем здесь говорить.

– Кем буду? – совершенно уже обалдело спросила Рита.

– Ты совсем отупела или голову морочишь? – надвинулась на нее Тата.

Возможно, мир в кухонных границах был бы нарушен, если бы не выступившая под белым флагом Лера:

– погоди, Татка, дай я объясню толком. Ты сейчас можешь сказать лишнее и ненужное. А ты, девочка, послушай меня. – Лера подвинулась вместе со стулом поближе к Ритке и одними строгими глазами, казалось, развернула девушку к себе лицом.

– Я слушаю, – пролепетала Рита и замерла в морозном ожидании.

– Ты запомни накрепко главное – у нас в общине по личным и интимным вопросам полная свобода. Никто никого не заставляет и не принуждает, но и не навязывается... – Лера выдержала многозначительную паузу, чтобы придать вес последним своим словам. – И у нас не принято лезть в чужой огород и делать братьям, а особенно сестрам, гадости.

– А как же хозяин? – попыталась вернуться к главной волновавшей ее теме Ритка.

– Об этом я с тобой и говорю. Если тебя угораздило влюбиться в Яна, а ты ему тоже симпатична, я же вижу, то вряд ли будут какие-нибудь препятствия, если вы вдруг захотите заняться друг с другом любовью. Тебе достаточно только намекнуть, что ты не против.

– Что, так просто?

– Лечь к нему в постель? Да, просто. Совсем не просто задержаться в ней надолго.

– Откуда ты знаешь? – Рита не ждала откровенного ответа, она и так уже все поняла, но Лера и не подумала уклоняться.

– Пока что это никому не удалось. Ни мне, ни Тате, ни даже, представь, Ирине. Хотя нашу мадам попутным ветром иногда и теперь заносит в хозяйские объятия, но это уже чистая физиология. – Лера усмехнулась, но не то чтобы весело. – Да-да, не одна ты, все мы сохли по хозяину. В свое время. Пока не поняли, глупые, что Ян никому из нас не по зубам.

– Может, мои зубы крепче ваших будут! – с вызовом бросила ей Ритка, которую как кнут ожгла неведомо откуда взявшаяся ревность.

– Давай, мотылек, дерзай. Смотри не опали крылышки, – только и ответила ей Лера, беззлобно и немножко печально.

И Рита решила непременно дерзнуть. Начать сегодня же, сейчас же. Она бросилась вон из кухни, подальше от варений и кулинарных ароматов, оставив подруг в недоумении от своего стремительного порыва. Рита выскочила в пустой холл, оттуда в сад, быстрым шагом, бормоча себе под нос, дошла до кирпичного забора, дальше идти было некуда, и ей пришлось остановиться и оглядеться. Мысли ее потихоньку возвращались из сумбура бессвязного потока, приступ возбужденной, ни на что не направленной активности стал иссякать. Рита присела возле ограды на сухую, колкую травку и глубоко задумалась.

Очаровать, привлечь хозяина, влюбить его в себя – все эти желания не потеряли силу, а только видоизменились, превратившись из недостижимой сладкой мечты в осуществимую, возможную реальность. Риту несколько не смущали пророчества и печальный опыт ее общинных сестер. Считая их откровенно мокрыми курицами, даже подколодную мадам Ирену, Рита уверяла себя, что вот у нее-то все получится, что она добьется любви хозяина и уж постарается ее не потерять, а как она это сделает, совсем не важно. Главное – не отступать и не теряться. И заблуждалась, как многие ее товарки по несчастью, в том, что любовь будто бы можно удержать настойчивостью и интригами и что для счастья достаточно желания и решительности только одной стороны. Зная, что в дневное время Ян Владиславович обычно никогда не покидает кабинета на первом этаже, где спущены наглухо тяжелые плюшевые шторы, от коих, по мнению Таты, одна пыль, и что именно в это время он совещается по деловым вопросам с мадам и Стасиком, а чаще всего с Мишей, Рита собралась выбрать удобный момент и тоже постучать в заветную дверь. Но для этого требовалось прежде всего подняться наверх, в свою комнатку, и привести лицо и волосы в надлежащий порядок, а попросту говоря – постараться навести неотразимую и смертельно неземную красоту. Ибо чем крупнее добыча, тем и мощнее должно быть оружие.

Капище бога в это время отнюдь не пустовало. Иначе говоря, в святилище, то бишь в хозяйском кабинете, находился посетитель. И у посетителя с Яном Владиславовичем происходил важный и небезынтересный разговор. Миша, хоть и пришедший, как обычно, за указаниями и с отчетом, имел на этот раз и собственный интерес.

– Ян Владиславович, а что дальше будем делать с Ритой? Девочка вполне готова и выдержала испытание. Я думаю, ее можно привлекать к работе... – Миша вопросительно посмотрел на хозяина.

– Нужно обождать, – как всегда коротко, ответил тот.

Но Миша впервые не собирался отступать и захотел услышать разъяснения.

– Почему же? Разве ей пойдет на пользу болтаться без дела? И потом, ее физическая подготовка...

– Ее физическая подготовка ничто по сравнению с духовной готовностью, – перебил Мишу хозяин, – а в этом плане нам еще работать и работать.

– Вы полагаете, что могут возникнуть проблемы морального порядка? Вряд ли, ведь девочка почти не имеет представления об этических нормах. – Миша позволил себе улыбнуться, но хозяин пропустил его иронию мимо ушей.

– Я полагаю, что у нее голова занята совсем другими вещами. – И хозяин замолчал, обдумывая, стоит ли продолжать или он сказал уже достаточно. Но, повнимательнее взглядевшись в Мишино лицо, склонился к первому варианту. – Впрочем, я ожидал чего-нибудь в этом роде.

– Будь я проклят, если понимаю, что вы имеете в виду! – Миша в недоумении всплеснул руками.

– Скажи, эта девушка, Рита, она нравится тебе? – Видя, что привел Мишу в замешательство, Ян Владиславович строго добавил: – Помни, раньше ты никогда не лгал мне.

– Я и в этот раз не собирался. Дело в том, что я и сам не знаю, вернее, я не уверен. Но то, что я невольно выделяю ее, отношусь, быть может, немного по-другому, чем к остальным нашим сестрам... – Тут Миша опустил голову и закончил тяжело и тихо: – Это сушая правда.

– Это сущее безобразие. Потому что если твои чувства пока и не любовь, то, во всяком случае, явное преддверие ее. – Хозяин развеселился, и слова его прозвучали не как выговор, а скорее как приглашение к дальнейшим откровениям, которые делать будет легко и приятно. – А два вздыхающих страдальца в одной маленькой общине будет чересчур.

– Я так понимаю, вы намекаете на меня и на мои возможные разочарования. Но кто же будет вздыхать еще? Рита в последнее время отдалилась от меня, и я подозреваю даже, что мое общество и я сам ей отчего-то неприятны.

– Об этом я и хотел говорить с тобой. – Голос хозяина зазвучал сочувственно и вкрадчиво. – Видишь ли, современные девушки, по моим наблюдениям, в большинстве своем желают луну с неба, но это еще полбеды, они к тому же упорно стараются ее достать. А это до невозможности обременительно, по крайней мере для меня.

– Вы хотите сказать, что осведомлены о причинах такой резкой перемены отношения Риты ко мне? – Миша почувствовал на уровне инстинкта, что услышит сейчас от хозяина нечто неприятное. – Если возможно, объясните, в чем же дело?

– Изволь выслушать меня до конца, и тебе не понадобится строить предположения, – хозяин заговорил медленно и как бы лениво, – только перед этим, будь любезен, спрячь подальше и чувства свои, и свои настроения и оставь лишь голый рассудок, как если бы речь шла о посторонней проблеме.

– Ну что ж, это нетрудно исполнить. – Миша на секунду прикрыл глаза, потом подобрался, сел ровнее и стал как-то собраннее, сосредоточеннее. – Я готов вас слушать, Ян Владиславович.

– Молодец! – коротко и одним словом оценил хозяин Мишины незаурядные способности к самоконтролю. – Итак, что мы имеем на сегодняшний день в отношении девушки Риты? А имеем мы следующее. Первое: обучение ее закончено. Второе: к полезному использованию девушка, однако, не готова. И тому есть причина.

– Я весь внимание, – вставил несколько слов Миша в неожиданно возникшую паузу.

– Так вот, как я сказал, на это есть причина, – как ни в чем не бывало продолжил хозяин, – и суть проблемы состоит в том, что бедняжку угораздило влюбиться, и в самый неподходящий момент. Впрочем, я уже говорил ранее, этого вполне следовало ожидать. Возможно, я сам переборщил в сочувствии к ней в ночь охоты на кладбище. Но душа вампа, так же как и душа человека, очень тонкая материя, тут легко ошибиться. Даже такому искушенному должителю, как я.

Теперь, когда Мишины интуитивные подозрения были наконец озвучены самим Яном Владиславовичем, облечены им в слова, они становились сами по себе реальностью, действительностью, которая будет жить отныне отдельно от него, Миши, и требовать не переживаний и измышленных предположений, а конкретных действий. Впрочем, и уколов ревности Миша не ощутил – он полностью доверял своему хозяину и был уверен, что тот найдет выход из возникшего осложнения, не причинив ему, Мише, вреда. К тому же у него никогда не возникало и тени дерзновенной мысли равнять себя с Яном Владиславовичем, и выбор девушки казался Мише совершенно естественным, ведь в сиянии солнца ясным днем не видно звезд. Другое дело, что обычная, ничем замечательным не выделяющаяся девочка, пусть и настырная и преданная, не могла всерьез заинтересовать хозяина, а значит, Ян Владиславович не мог быть в будущем опасным конкурентом. Хозяин же тем временем продолжал:

– Поэтому, я думаю, было бы глупо с моей стороны оттолкнуть малышку и тем самым, возможно, нажить потенциального врага, вместо того чтобы постараться приобрести безупречного исполнителя и преданного слугу. Здесь надо действовать осторожно и осмотрительно.

– Какова будет моя роль в настоящий момент и на будущее? – Для Миши их беседа приобрела деловой оборот, а значит, требовалось обсудить и запомнить детали и обговорить их на случай возможных недоразумений.

– Для начала – полное невмешательство. Полное! Что бы я ни делал! Что бы при этом ни чувствовал ты сам! – Хозяин отрезал фразы жестко и чуть повысив голос, словно вдалбливая их в Мишино сознание. – Если тебе будет больно – что ж, перетерпи. Помни, я сделаю все, чтобы твои мучения, если таковые вдруг возникнут, долго не продлились. Но это будет зависеть от того, чего ты хочешь.

– Я хочу эту девушку, Риту, – признался Миша не столько хозяину, сколько себе самому. – Вы знаете, Ян Владиславович, что я никогда не испытывал серьезных симпатий и никого никогда не хотел видеть рядом с собой. И я также никогда и никого ни о чем не просил. Но Рита нужна мне, хотя я и сам не пойму зачем.

– Тогда от тебя потребуется объявиться в ее жизни в нужный момент, когда – я скажу. И если ты все сделаешь правильно, то получишь верную подругу, а я – преданного мне до мозга костей вампа.

– То есть вы мне обещаете... я хотел сказать, находите нужным уважить мою просьбу? – поправился с заминкой Миша.

– Будь спокоен! – Хозяин усмехнулся, и на гладком, холеном его лице вдруг зыбью пробежала тень плохо скрываемого пренебрежения. – Экзальтированные и неопытные девочки – не моя стихия. А сейчас можешь идти. И помни – ни во что не вмешиваться, пока я сам не позову тебя.

Тем временем Рита спускалась вниз во всем блеске неповторимой боевой раскраски. Ее макияж, годный для светского раута на районной дискотеке, несколько нелепо выглядел при свете дня и переливался всеми цветами радуги. Тоненькое и худенькое ее личико совершенно утратило всякую индивидуальность под изрядным слоем штукатурки. Наскоро начесанные короткие волосы придавали ей гротескно взрослый вид. Но Рита не могла видеть себя со стороны и оценить непредвзято плоды своих получасовых усилий, сделавших ее похожей на молоденькую начинающую путану вокзального разряда. Слегка прищуренные зеленоватые, неяркие глаза, совершенно потерявшиеся в колючем частоколе торчащих противотанковых «ежей», бывших до нанесения на них синей туши вполне приемлемыми ресницами, видели в зеркале лишь отражение непобедимо прекрасной, только что вышедшей из кокона бабочки, расправляющей крылья перед первым полетом. Уверенность и непогрешимость юности компенсировали ей изысканный стиль, смелость заменяла собой меру и хороший вкус. Незнакомое прежде чувство большой и жаждущей ответа любви придавало решимости идти до конца, невзирая на лица и препятствия. На свое самозванное свидание с хозяином Рита шла не как на праздник, но как на штурм. И краска на ее нежной полудетской мордашке скорее служила ей одновременно оружием и броней, нежели дополнением к собственным достоинствам ее личика, вселяя оптимистичную веру в свою неотразимость. Оттого и шаг, коим она подошла к заветной двери, отчасти напоминал солдатский – печатный и казенный.

Возле заветных райских ворот из мореного дорогого дуба Рита остановилась и, не давая себе времени на опасное расхолаживающее раздумье, тут же и постучала, не нагло, но твердо и с достоинством. Услышала приглушенное и короткое: «Войдите!», и нежданно вспотевшей ладошкой повернула блестящую псевдобронзовую ручку двери. Остановившись на пороге, Рита, несколько оробев, пролепетала необязательные и бессвязные слова приветствия, одновременно пытаясь оглядеться и ничего не видя из-за пульсирующей пелены на глазах.

Ее появление пришлось как нельзя более кстати. Яну Владиславовичу более не нужно было обдумывать деликатные, иезуитские подходы, проигрывать в голове возможные варианты тонкого оболъщения, требующие выверенной взвешенности каждого слова. Своим приходом Рита разрешила его от лишних забот, сняла запреты и отменила условности, превратив тернистый путь ее приручения в легкую и приятную дорогу. Благодарный за избавление от хлопот, хозяин поднялся с дивана и, нарушив свою монументальность, пошел навстречу девушке.

Когда хозяин, взяв ее тоненькую влажную ручку в свою, увлек Риту за собой, серьезный и нежный одновременно, она лепетала, семена за ним к дивану, ненужные и смешные слова, не веря простоте своего счастья. Оружие было отложено, ни за чем не надобное и бесполезное. Ее любимый понял ее без объяснений и лишних разговоров, понял с одного взгляда и принял все, что девушка принесла ему, – и душу, и тело, и простодушную надежду. И в полусумеречной комнате с восточными запахами и мягкими, тягучими тенями по углам парила пурпурная, переливающаяся оранжевым теплым плеском безудержная радость, не верящая до конца в свое воплощение, и холодная голубая пелена, неявная и спокойная, но всевластная и грозная, уверенная в своей победе над ликующим огнем осуществленной мечты.

Никогда еще за всю свою умеренно бурную, но достаточно примитивную любовную жизнь Рита не отдавалась с таким упоением и чувством, никогда не тратила столько пыла, не ощущала такого лихорадочного бреда страсти. Но страсти не дикой и животной, а благодарной и жаждущей преклоняться и боготворить, сжигающей более сердце, чем непостоянную плоть. Не имея еще достаточно опыта, чтобы в полной мере оценить мужские достоинства обожаемого хозяина, девушка все же краем затуманенного сознания уловила, что получает много больше, чем стоит сама. Трогательным, сдавленным шепотом, когда позволяло ее судорожное дыхание, она пыталась донести своему кумиру всю безмерность восторга, выплескивающегося из переполненной чаши ее любви, готовность быть вечной его рабой и наложницей, кем угодно, только бы навсегда быть рядом с ним.

Сколько бы ни было в ее нынешнем могучем теле сил, Рита, однако, насытилась и утомила в трудах любви куда раньше своего хозяина, но находила неизъяснимое удовольствие в том, что еще нужна ему, что желанна, и старалась уже лишь для того, чтобы доставить своему избраннику всю полноту удовлетворения. Старания ее продлились довольно долго, совершенно измотав девушку и душевно, и физически. Груз ее эмоций сделался совершенно неподъемным, но Рита не решилась пожаловаться на усталость, боясь разочаровать или оттолкнуть от себя того, без кого уже не представляла дальнейшей своей жизни. Уроки самопожертвования всегда обходятся слишком дорого тому, кто их получает, и потому единственным желанием Риты, когда хозяин наконец оставил ее в покое, было убежать и забиться в уединенный уголок, чтобы тихо и без посторонних глаз пережить и принять сошедшую на нее чрезмерную ношу благодати. Видя, что хозяин не пытается ее удержать, а как бы одной улыбкой ласковых глаз отпускает на время, Рита, радостная от его понимания, стала быстро и беспорядочно одеваться, но не смогла просто уйти, а опустилась на колени у дивана, с которого хозяин и не думал подниматься, и, взяв его руку в свои ладошки, коротко и стыдливо поцеловала и на миг прижалась щекой. Потом торопливо заговорила, что пора идти и столько дел на кухне и в саду, но она придет, как только в ней будет нужда, по первому зову или просто так, если ей будет позволено, и робко пробовала найти одобрение и согласие на дорогом ей лице. В ответ ей только опустились тяжелые молочно-белые веки, и в тених темных веероподобных густых ресниц она прочла: «Да!» Девушка вышла прочь, и вихрь ее сумбурных мыслей нес ее наверх на неведомых крыльях, в ее одинокую спальню, куда она сейчас стремилась и летела, хотя на деле ее заплетающиеся ножки едва несли ее по пушистому ковру лестницы. В ослеплении любви и первой маленькой победы Рита даже не вспомнила, а может быть, и не заметила того обстоятельства, что за все время постельных схваток, пиршества соединившихся в страсти тел, от первого до последнего скрипа закрывающейся двери, Ян Владиславович не сказал ей ни единого слова.

Когда Рита, немного придя в себя, спустилась вниз, она вовсе не собиралась держать в тайне от других братьев, а в особенности сестер, перемену, произошедшую в ее отношениях с хозяином. Напротив, Рита была готова к самому резкому отпору в ответ на любое чужое злопытательство, ждала косых взглядов, перешептываний, ехидных замечаний и завистливых недомолвок. Но вопреки ее ожиданиям ничто подобное не имело места. Хотя Рита была более чем уверена в том, что каждый член общины, сидящий за вечерним ужином на открытой веранде,

наверняка в курсе последних, касающихся непосредственно ее персоны, событий. Даже обычно нелюбопытные и чаще всего занятые исключительно друг другом Сашок и Макс, а уж Миша, тот наверняка если не все знал, то обо всем догадывался.

Теплый, радостно-сердечный прием изумил и, чего уж скрывать, привел Риту в недоумение. Мадам Ирена, к примеру, так заботливо и хлопотливо обхаживала Риту за столом, что вызвала у девушки чувство неловкости. И ведь мадам была вполне искренна в своих стараниях. Да что мадам, и Тата и Лера обращались с ней так, что не оставалось сомнений – они обе рады ее счастью и вовсе не собираются омрачать его. Мужская часть населения вела себя на удивление дружелюбно, Миша же был в превосходной степени галантен и уважительно тактичен, хоть и наложил на Риту некое табу, словно она была неприкосновенной в святости чужой женой. Но ни в чем ином отношении к ней как к вампу в общине не претерпело изменений. Никто к Рите не подлизывался, не делал ни малейшей заискивающей или просительной попытки. Любовь делает всех живущих не только богаче, но и в чем-то прозорливее. И к Рите пришло не сразу, но постепенно осознание того, что личностные, интимные отношения ее с кем бы то ни было, пусть и с самим хозяином, нисколько не преувеличивают, но и нисколько не умаляют ее собственных достоинств. И подлинные, пылкие чувства не встретят здесь насмешки, но найдут понимание. Что община их слишком мала и секретна, слишком отгорожена и ополчена на внешний, угрожающий ей мир, чтобы допустить внутри себя процветание злобы и открытой зависти, малейшей ненависти и грубой нетерпимости. Граждане ее маленькой страны должны были любой ценой хранить мир и согласие внутри своих стен, если просто хотели выжить. Это понимание успокоило, уравнило девушку и одновременно сделало ее частью чего-то большего, чем она сама.

В этот вечер голодные сородичи устраивали очередное жертвоприношение, в котором после изнурительных часов любви ощущала нужду и Рита. И потому она также намеревалась присоединиться к жаждущим свежего «сока» братьям. Вскоре после ужина мадам Ирена и Стас, как главный охотник за головами, спустились в подвал, где уже, связанная и готовая к употреблению, трепыхалась сегодняшняя добыча. Жертву требовалось в целостности и сохранности поднять наверх, а за разговором любое дело, как известно, и делается веселее.

– Правду наши болтают, что маленькая Ритка попала на зуб хозяину? Мне, собственно, наплевать, – Стас и в самом деле сплюнул на цементный пол коридорчика, ведущего в глухой подвал, – я просто из праздного любопытства интересуюсь.

– Чем же это Ритка хуже других? Как все, так и она – той же ногой на те же грабли! – Ирена невесело хохотнула, жутковато в тесном трубообразном пространстве.

– Да, не говори, что в лоб, что по лбу, один хрен, – будто даже с сочувствием поддакнул бравый охотник Стасик. – Только я одного не пойму: чем хозяину такие-то святые мощи приглянулись, а? Это ж не Лерка – ни рожи тебе, ни фигуры на теле?

– Ха, и не ему одному, что примечательно!

– Ну да, кому ж еще? Разве что нашему Максиму? Глядишь, в темноте ее и от Сашка не отличишь. Чистый пацан – в штанах и стриженный! – развеселился своей догадкой Стас.

Мадам тем временем уже открывала толстенную, обитую стальной обшивкой дверцу в забетонированную каморку.

– При чем здесь Макс? Глупости какие. Конечно, я не его имела в виду. – Ирена подошла к лежащей на холодном шершавом полу девушке, накрепко обвязанной капроновыми веревками, и легонько пошевелила ее кончиком теннисной туфли. – Я говорила о Мишке. О доблестном и многомудром Мишеньке, который гребет под себя все, что плохо лежит.

– Вечно вы с ним как кошка с собакой. Все ужиться не можете, – развязно и с ленцой ответил Стас. Потом склонился над лежащим телом. – Помоги-ка... Вот так.

Вдвоем с мадам они поставили живое угощение на ноги и, крепко подхватив с боков, понесли стоймя между собой, не прекращая, однако, приватной беседы.

– Надеюсь все же в любом случае на твою поддержку. Мы же не чужие друг другу? – проворковала мадам и многозначительно посмотрела на главного охотника.

– О чем речь! Хотя я лично к Мишке претензий не имею. Но и толку мне от него чуть – Мишка мне кровать не греет. – Стас криво усмехнулся своей собственной шутке. – Только ты и меня пойми: разборки нам в общине ни к чему. Да и хозяин за такие дела по конфетке не раздаст. И между прочим, будет прав.

– Я ведь, Стасик, о другом. Если кто из поганых людишек на того же Мишку полезет, я первая за него горло перегрызу, потому что Мишка – свой. На том и стоим, – ответила мадам твердо и непреклонно. – Но нигде не сказано, что каждому из нас запрещено хотеть кусок получше, конечно, без ущерба для дела. Но в том-то и суть, что чем больше у тебя дел, тем жирнее кусок.

– Так хозяин и дает всем по справедливости, и даже больше... Осторожней неси, сейчас начнутся ступеньки, – предупредил Стас.

– Хозяин высоко и, значит, о многом судит по тому, кто и о чем ему докладывает, сечешь? – Мадам разволновалась так, что даже внезапно стала на месте, отчего их ноша чуть не сверзилась на пол. – А докладывает в основном кто? Мишка, змееныш!

– Ну, не знаю, может, ты и права. Отпусти ты эту тушку, дальше сам понесу. – Стас взвалил обмякшее тело на плечо и зашагал впереди Ирены. – Да ты не беспокойся, раз я сказал, что я с тобой, значит, и кончено дело. Я к ночи загляну, а?

– Вообще-то я сегодня имела мысль покуролесить в городе. Но ради тебя отменяю.

– И не жалею. Я ведь тебе нужен, кисонька!

На следующее утро, полная свежих игристых, как молодое вино, сил, Ритка бесцельно слонялась по дворику, не зная, чем себя занять, и томясь ожиданием и скукой. На кухню идти не хотелось, помогать Тате с уборкой – тем более. Оттого соблазнилась на предложение мадам ехать вместе в город и заняться покупками, под коими мадам Ирена подразумевала захватывающий обряд длительной примерки и необузданного приобретения новых девичьих нарядов. Сочи хоть и не столица, но кое-какой выбор магазинов и, главное, товаров в них имелся, в надежде на богатых кошельками туристов и подруг местных распорядителей.

Расположившись в соседних кабинках, отделенные легкими занавесочками, но все же невидимые друг для друга, товарки прикидывали на себя произведения, пусть не лучшие, парижских и миланских портных и негромко переговаривались.

– Не хотелось бы лезть не в свое дело, но ты уж прости, я скажу, – донесся до Ритки перешедший в доверительный регистр напевный голосок мадам. – Конечно, ты и Ян, чувство и все такое прочее... Но, милая моя, нельзя же в угоду личному счастью превращаться в бессердечную эгоистку?

– Мадам Ирена, о чем это вы? – растерялась, но и встревожилась вдруг Рита.

– О, можешь называть меня просто Ирена, мадам не обязательно. Я считала, мы с тобой подруги, но, видимо, ошиблась. Жаль, что ты, детка, мне не доверяешь!

– Не доверяю что? – отупев от неожиданной атаки, бездумно спросила Ритка.

– А ты штучка! Или дурочка, если и в самом деле меня не понимаешь. – Личико мадам на миг высунулось из-за занавески и, удостоверившись в том, что ожидалось и хотелось увидеть, шустро скрылось прочь.

– Ирена, я и взаправду не понимаю. Я хочу быть подруго-ой! – крикнула Рита вслед исчезнувшему личику.

Полураздетая мадам тут же отдернула разделяющую их преграду и мило улыбнулась девушке:

– Не шуми, я тебе верю. – Мадам протянула к Рите руку и поправила шелковую морщину на ее плече. – Чудная кофточка и ладно сидит. Ты в ней просто куколка. И мне жаль Мишку.

– Мишу? Почему? – Ритка неподдельно заинтересовалась и сама. – И при чем тут кофточка?

– Кофточка как раз ни при чем. А вот Миша... он переживает по поводу твоего выбора, хоть ни словом никому не обмолвился. Но мы, близкие ему люди, мы видим и сочувствуем.

– Ох, ну я действительно дура! – Ритка сразу повеселела. Стало приятно и легко, и напряженное напряжение кануло в легкомысленные волны чисто женского тщеславия. – Представь, мне и в голову не приходило, что Миша мог положить на меня глаз! Ну ничего не замечала, мы ж были с ним как родные, пока он меня учил.

– Вот именно: Мишка тебя учил, учил, а ты от него теперь нос воротишь, – сказала Ирена горько, но не зло, с оттенком легчайшей вселенской скорби.

– Но что же делать? – К Ритке опять вернулся тревожный холодок. Ей, новенькой в общине, совсем не улыбалось навлечь на свою голову осуждение собратьев, и отчаяние самозащиты зазвучало в ее словах: – Миша очень хороший и славный, но ни за чем мне не нужен. Я другого люблю!

– Ну и люби на здоровье! Только хозяин – он и есть хозяин, а Миша – это серьезно. Я бы на твоём месте не бросалась, – предостерегла мадам. – Не остаётся бы тебе у разбитого корыта.

– Почему ты думаешь, что у меня с Яном ничего не выйдет? – Ритке стало совсем плохо, внутри обозначился и поднялся к горлу пульсирующий комочек неожиданной боли.

– Я ничего не думаю, я только советую. Тем более что и мое положение из-за тебя, девочка, не ахти какое завидное.

– Но вам же я ничего плохого не сделала? – прошептала Ритка уже пришибленно.

– Нет. Конечно, нет. Но Миша уверен, что именно я приложила руку к твоему успеху в известном тебе кабинете. Что само собой неправда, тебе ли не знать! – Мадам имела или изображала, не без дарований, весьма несчастный вид. – Мишка и раньше меня недолюбливал. Из-за моего легкомыслия, наверное. Он такой правильный и серьезный. А теперь, после случившегося, наверняка возненавидит.

Тут мадам замолчала, скорбно стиснув пальцы, прислушалась к себе: не переиграла ли, не выдала ли лишнего? Не хватало еще, чтобы девчонка побежала объясняться с этим скорпионом, подлизой и узурпатором ее законного места подле хозяина.

– Но что же вы от меня хотите? – направила переменчивый ручеек откровений Рита, догадываясь, что вот теперь и будет сказано нечто.

– А хочу я от тебя, девонька, светлой и нежной взаимности, в смысле дружбы, – зазвучала сладко и нежно мадам, – нравишься ты мне. Верно, что от меня ты зла не видела, одно хорошее. А что в общину, заманила, так то случай, нежданный друг. С каждым могло приключиться. Да ведь ты и не жалеешь! Вот и помоги мне.

– Я с радостью. Только в чем? – спросила Ритка. А готова была сделать для Ирены многое, так поманило ее многообещающее сердечное тепло, исходившее в эти минуты от мадам. – И что я могу, по сравнению-то с вами?

– Кое-что можешь, хоть и, понятно, немного, – ответствовала мадам. И взяла паузу, и держала ее старательно, пока не добилась от своей визави нешуточного внимания. – Ты бы при случае поговорила с Мишенькой? О жизни и обо мне.

– Если нужно, я сегодня же пойду к Мише и объяснюсь. Скажу, что вы ни в чем не виноваты, что даже понятия не имели про меня и хозяина, – заторопилась с ответом Рита, уверенная, что сумела упредить просьбу мадам, и довольная тем, что может оказать ей эту пустяковую услугу.

– Нет-нет, этого как раз делать не надо! – испугалась мадам и дала крутой, захвативший дух, обратный ход: – Глупенькая, ты не знаешь, какие бывают мужчины, особенно ревнивые. Начнешь разубеждать такого, как наш Миша, только сделаешь хуже. Он еще больше укрепитя в подозрении и устроит мне ужасно развеселую жизнь!

– А как же я ему объясню... – начала было Ритка, но мадам прервала ее:

– Господи, ничего и не объясняй! Просто не игнорируй Мишку так откровенно, не избегай его общества и иногда перекидывайся с ним хоть словечком, – просительно загорячилась мадам Ирена. – А если вдруг, между делом, ты, зайка, заведешь речь и обо мне, в удобный момент и невзначай, ты сможешь, ты же не дурочка, и если Мишка отзовется, то тогда...

– Я скажу ему, какая вы славная и как вы огорчены его м-м... недоверием, так? – закончила мысль Ритка.

– Почти. Только, умоляю, без резких и лишних движений. Потихоньку, полегоньку, и ты сможешь достучаться до Мишенькиного сердца и приоткрыть в нем щелочку и для меня. Хотя бы потому, что в семье, такой как наша, должен, ради нас самих, царить мир.

– Как здорово вы сказали! Я очень-очень постараюсь! – Ритка порывисто шагнула к мадам, и Ирена притянула девушку к себе, расцеловала с жаром в обе щеки, как бы скрепив тем самым заключенный меж ними двойственный союз.

В этот день Рите так и не случилось дожидаться от хозяина ни призывного знака, ни намек, ни малейшего нетерпения ее увидеть. Не получив приглашения в заветный кабинет, девушка все же рассчитывала хотя бы на вечерний визит в хозяйскую спальню, но и он не состоялся и даже не обозначился возможностью. Чем быстрее бежали стрелки часов, отсчитывавая послезакатное время, тем ниже и ниже падал тоненький столбик термометра ее души, пока к полуночи не опустился до абсолютного нуля. Рита не помнила, как поднялась вверх, как разделась и упала на мягкую, пахнущую свежестью белья кровать. Лежала без сна, все больше впадая в прострацию убийственной безнадежности. И только окончательно распавшись на крохотные частички горького горя, поняла с облегчающей ясностью, как недалеко она и глупа. Что было бы ей сообразить ранее и так миновать страшный риф, чуть было не разбивший вдребезги хрупкую лодку ее любви, и принять вопиюще простую истину: не ожидать, терзаясь, того, чего дожидаться было нельзя, а идти вперед самой. Невозможно, да и смешно было бы вообразить Яна Владиславовича, бегающего по дому в поисках Риты или пытающегося передать ей послание с приглашением через третье лицо.

Страшной нелепицей казалась теперь прозревшей Рите вероятность юношеских ухаживаний и книжных оболещений, несовместимых с величественным и высоким образом ее хозяйина. Между ними не было равенства и никогда не могло быть, как нет ни одного клочка скалы на горной вершине, где можно было бы поселиться ничтожной долинной пичужке рядом с гнездовьем короля-орла. Хозяин и без того оказал скромной девушке великую честь, приняв ее безоглядную любовь, и был в своем праве и далее всего лишь брать то, что она смиренно положит к его ногам. И поняла еще, что пусть берет что хочет и как захочет, лишь бы только брал, и более ей, Рите, ничего не нужно. И честолюбие, и претензии, и самомнение, вздохнув, отлетели от нее не без сожаления, и осталась только голая, ничем более не защищенная любовь.

К Рите, уже успокоившейся и умиротворенной, все не шел сон, и она лежала, раскинув руки, на спине, глядела в непримечательный потолок и думала о том, как завтра она постучит в заветную дверь и станет дожидаться ответа. И будет счастлива и благодарна без меры, коли услышит заветное «да!», а коли нет – что же, она придет еще раз. И еще раз, до тех пор, пока в ней не придет нужда. Урок, бездейственный, безмолвный и жестокий, пошел ей впрок. И Рита находила детскую радость школяра в том, что правильно поняла и запомнила его. Она слегка позавидовала своей новоявленной подруге, мадам Ирене, которая, конечно, давно спит сладким сном и ей не приходится разгадывать и решать головоломные ребусы чувств и отношений. С завтрашнего дня, решила Рита, она, как обещала, возьмет на себя деликатную миссию и отправится искать подвигов Дон Кихота, помогая мадам в нелегком деле примирения. Потом, ощутив наконец долгожданное дуновение Морфея на веках, Рита мысленно пожелала себе удачи, а мадам Ирене – приятных сновидений этой ночью.

Рита ошибалась: мадам Ирена – в своей спальне все еще лежала без сна, перебирая в уме тонкие нити опасной интриги, завязанной ее руками. Лишь в одном Ирена могла быть уверена и спокойна: девочка поможет ей по крайней мере напустить проклятому «архангелу», как про себя тайком называла она Мишу, густого тумана перед глазами. Но использовать малышку без риска можно только вслепую, и некому доверять, даже и Стасу, хоть и любовник, но далекий от ее надежд, и не на кого положиться, кроме как на некую мадам Ирену Синицыну, то бишь на саму себя. На какой-то короткий миг жало щемящей тоски по близкому, теплому плечу впилось в Ирену и почти успело выпустить внутрь ее яд слабости и смирения, но тут же было вырвано с корнем и торжествующе осмеяно. Сознание вновь потекло ровным потоком, выискивая омуты и гибельные водовороты на нелегком пути осуществления ее планов, и строило козни и ковы возможным обидчикам мадам. Так она бодрствовала до утра, леденяще холодная, одинокая, запертая душа, безмерно жаждущая власти, разучившаяся лить даже слезы облегчения.

Глава 6 КРОВЬ

Кто может предсказать неразумные, капризно причудливые зигзаги памяти?! Шла и не помнила пути, просьбу и ответ, объятия и рвущуюся из пределов сердца безнадежную свою страсть, сластолюбивого кота на мягких лапках, знала и не помнила, не могла и не хотела, не доверяла себе и радости, но очнулась. Кончилось наваждение, и пришло время говорить. И бог сказал слово.

Другая постель и комната, вместилище ее оправданий, тоже другая. И напротив Он, единственный неповторимый, Хозяин. Полуодет и прекрасен. Как Сияющий Аполлон, слышала много, была тогда маленькая, рисованный бог мультипликации, но представляла только так, только такого, она уверена, пусть и не помнит. Давно это было. И обращается к ней. Теперь слышит и слушает. Нет, Аполлону внимают, преклоняясь, перед ним стыдно встать голой и распустехой. Но ша!

– ...мотылек в коконе. Теперь ты вылупилась, и ты нужна мне. Всем нам, но мне особенно. Протяни руку! – Ладонь хозяина, плавная, как хореографическое ню, обнаженно зовущее. Он ждал, Маргарита потянулась навстречу, повзрослевшая и достойная. – Хорошо... хорошо!

Погладил запястье, наполнил теплом и негой. Тянет жилы, но – о Боже! – как естественно и прекрасно. Но еще и еще льются слова, она должна услышать, да, да! Что Он хочет от нее? Это надо сделать? Какие пустяки! Жаль, Он не просит, не требует саму ее жизнь. Вот что трудно и славно, и без усилий неосуществимо. Ведь девушка Маргарита почти что бессмертна! Ха-ха-ха!

Рита не заметила, как рассмеялась вслух, немного непристойно, но Он понял. Не замолчал, доверил и оценил:

– Потихоньку все же постарайся вникнуть. И Михаил поможет. Он друг, на него можно положиться. – Хозяин сжал ее костистые пальчики. Ей не было больно. – Завтра и начинайте. Если захочешь, будь здесь в ночь субботы.

Значит, через два дня. Как долго, но и скоро – она займет это время, как хочет Он и ради Него.

Но разве уже и конец? Нет-нет, Он маг, волшебник и чудотворец и из бездны возрождает новое для нее блаженство:

– Мы породнимся, ты и я. Не только телом, но и нашей сущностью, нашей особенной кровью, которая и есть жизнь. Тогда ты станешь частью меня. – И был не торжественен, но проникновенен, и Рита склонила голову. – Каждый из нас изопьет силы из жил другого и да будет служить ему вовеки!

Как в замедленной киносъемке, поднес запястье к губам, поцеловал – горячо, приятно – и впился, ненадолго и сладко. Потом отпрянул. Рана затянулась в мгновение. Вот и очередь Риты, неужто она осмелится? Почти святотатство, бьет дрожь, оттого и «комарики» криво и вкось, только рваные края. Но Он не рассердился, подтвердил взглядом: «Смелее!» – и второй укус получился. И в нее влилось и рассеялось, и осталось неугасимо.

Хозяин, приняв ее в спальне, заветной и непрониновенной, допустил и одобрил, словно поставил на Риту печать. Но кроме поцелуев и странного, прекрасного ритуала, обнаженная девушка не получила от любимого ничего. Наверное, было бы грехом опозлить плотским актом совершенное их единение, и Рита не протестовала, напротив, приняла как должное, ушла без ропота и сожаления. Из всей окружавшей ее великолепной, сработанной под старину, обстановки Рите запомнилась лишь огромная, пухово мягкая, с тяжелым балдахинном на четырех резных столбиках, кровать, с мрачным, давящим сверху бархатом ткани. Была ли это

ностальгия хозяина по древним временам или только выработавшаяся за столетия привычка почивать именно на таком ложе, Рита не знала. Да и все равно ей было.

Тревожила лишь одна мысль, посетившая Риту внезапно и до сего дня не занимавшая ее беспокойную головку. Разузнать о щекотливой и деликатной проблеме Рита надеялась у кого-нибудь из домашних, имея в виду только женскую половину, и надо было еще решить, на ком остановить свой выбор. Опасаясь резкостей со стороны Таты и двусмысленностей мадам, разъяснила для себя Леру. На ее поиски Рита и отправилась.

Лера обнаружилась на площадке позади дома, возле щедрых россыпей золотистых крупных орехов тут и там на плотном отрезе промышленного полиэтилена. Никуда не торопясь, Лера перебирала эти гладкие, щелкающие целлулоидом шарики, откладывая порченные, и допускала в плетеные корзинки звонкие и достойные. При этом она напевала «На Муромской дороге» в ускоренной эстрадной обработке и, кажется, отнюдь не нуждалась в слушателях. Рита все же осмелилась нарушить полное и самодостаточное уединение хозяйственной сестры и подошла. Оторвавшись от своих орехов, Лера приветливо тряхнула волосами, мол, садись-ка рядом, и оборвала неоконченную руладу. Петь ей, видимо, уже поднадоело, и Лера не прочь была теперь поболтать. Устроившись на перевернутом вверх дном жестяном ведре, Рита зачерпнула горстью с подстилки:

– Давай помогу.

– Помоги, если делать нечего. Только возьми другую корзинку, чтоб нам в одну не тянуться. – Лера перекинула ей глубокую плетенку. – Ты что, у Яна сейчас была?

– Ага. А ты откуда знаешь? – спросила Рита без вызова и досады, довольная, что их словесная телега сразу заскрипела в нужную сторону. – Видели меня, что ли?

– Не знаю, может, кто и видел. А я так сразу догадалась, – похвасталась не без гордой радости Лера. – Вон как у тебя глаза-то светятся, с чего бы это среди бела дня? Я и поняла.

– Мы с Яном только что кровью братались! – неожиданно для себя, вдруг, без околичностей и предисловий, выпалила Рита и словно свалила с плеч драгоценную ношу, которую еле-еле, горя нетерпением, донесла до нужного места.

– Ну, дай Бог! – Лера отчего-то вовсе не удивилась, только вроде бы с сожалением подвела итог: – Значит, не довелось тебе на этот раз потрахаться.

У Ритки от этих последних слов глазные яблоки дружно рванули на лоб, и язык на некоторое время позабыл, что ему от природы был вменен бесценный дар речи.

– Нечего на меня тарашиться! – смешливо воскликнула Лера, довольная Риткиным изумлением. – Это для твоей же пользы, глупенькая, ты пока не можешь понять... И со мной так было.

– С тобой? Все-все? – не поверила сразу Рита.

– Конечно. Иначе какие же мы друг другу братья и сестры? – удивилась Лера. – А ты думала, что особенная и исключительная и с тобой одной может происходить возвышенное и неповторимое?

– А ты и рада мне нос утереть? – От неожиданно пришедшей обиды Рита готова была разреваться.

– Нужен мне носишко твой сопливый! Вроде, Ритка, ты и не глухая, а слышишь все шиворот-навыворот! – Лера в сердцах стряхнула так и не разобранные орехи в отборную корзинку. – Нельзя же так, в самом-то деле! Нельзя ставить себя отдельно и выше всех, нельзя считать себя достойней и лучше остальных в общине! Сколько ты уже с хозяином любишься – и ни фига не понимаешь, хоть и побраталась. Даже Тата наша недалекая и та в пять минут все правильно поняла: хозяин нас всех создал, сделал такими, какие мы есть, и мы для него все одинаковые без исключений. Не может он кого-то любить больше, а кого-то меньше!

– Значит, хозяин никогда не сможет меня по-настоящему любить? – безнадежно упрямо спросила Ритка.

– Опять двадцать пять, за рыбу деньги! Он тебя любит по-настоящему, только не тебя одну. Ты разницу наконец понимаешь? Как же можно быть такой эгоисткой?

– А мадам Ирена? Она разве не выставляется? С какой стати тогда она «мадам»? – возразила, но не слишком решительно Ритка.

– У мадам было очень тяжелое и неприятное прошлое. Почему бы и не сделать что-то милое, хорошее для нашей сестры и не обращаться к ней так, как она этого хочет? – Лера успокоилась немного и вновь принялась за окаянные орехи. – Тем более что Ирена первая из нас появилась возле хозяина.

– А что с ней было раньше? – полюбопытствовала осторожно Рита. – Мне никто же ничего не рассказывал.

– И не расскажет. Разве что сама Ирена, если захочет. Это справедливо, согласись?

– Вообще-то да. Мне бы тоже, наверное, не захотелось, чтобы трепали языком про мои дела. – Девушка призадумалась и тут же встрепенулась, словно вспомнила что-то очень важное. – Лера, а трахаться сегодня нельзя было по обычаю, чтобы важность момента не растерять?

– Нет, малышка, не поэтому. Хотя обряд братания среди вампов, насколько я слышала, известен давно. Он очень древний. Но я как-то не чересчур интересовалась. Если тебе будет любопытно, спроси лучше у Фомы, он знает. Даже будто записывает за хозяином, вроде хочет создать собственную историю нашего племени. Но по-моему, все это просто блажь. А что до остального, то лучше будет, если я тебе расскажу.

И Лера рассказала. Правду, от первого до последнего произнесенного слова. Рита поняла это сразу и сразу же поверила, как будто знала раньше и сама, да, на беду, забыла. В общинах вампов во все времена существования сложно и ответственно было иметь детей. Сам непростой этот процесс исключал всякую случайность и непредусмотренную внезапность. Так уж устроены были часы их почти бесконечной жизни, что одной любовной связи новоявленных и отважных родителей для появления на свет божий дитя-вампа было, к сожалению, недостаточно. Щедрый и сильный организм матери, как это ни ужасно, принимал крошечный и беззащитный зародыш за злейшего и несущего угрозу врага, потому отторгал его безжалостно и бесповоротно. Единственное, что могло остановить страшный механизм уничтожения, была кровь отца, взятая женщиной прямо из его вен. Если же потенциальная мать младенца оказывалась всего лишь обычным человеческим существом, что тоже случалось, ребенок ее мог родиться только абсолютным человеком и никем другим. А подобное чудо имело место лишь в одном удачном случае из ста.

Рита, конечно, не имела и не могла иметь никакого понятия о непростых вопросах своей новой биологии. Раздумья о продолжении рода и о последствиях ее любовных забав не ложились и слабой тенью на ее беспечную голову. И оттого было спокойно и хорошо, что кто-то мудрый и важный позаботился и решил за нее. Быть может, Лера и права: не стоит искать зависть и злобу там, где есть только забота и всеобщая любовь. Эта нехитрая мысль на время уравнивала и примирила Риту с самой собой. Уходя, она произнесла слова благодарности, и хлопотунья Лера их оценила.

Но пора было подумать и об обещаниях, данных хозяину. Озаботиться наконец каким-нибудь полезным делом, а не быть лишь нахлебницей в родной общине. И Рита устремилась, «озаботившись», на поиски Миши. Постучав в дверь его квартирки над гаражом и не дождавшись никакого ответа, Рита решила подождать на веранде, авось пройдет мимо. Не бегать же ей в самом деле за ним по всему огромному дому. Обе машины, которые обычно брал для себя Миша, были на месте, значит, и сам он пребывает где-то в доме и рано или поздно обозначит свое местонахождение. Денек выдался не из легких, и очень уж Рите захотелось посидеть на солнышке, которое в преддверии наступающей осени становилось все нежнее и ласковее.

В это же время в холостяцки безалаберной комнате Стаса-охотника имел место военный совет, и не кто иной, как Миша собственной персоной, председательствовал на нем. Кроме

Миши и владельца апартаментов, заседали в полном составе и семейная гей-ячейка общины, в лицах, на этот раз суровых, Максима и Сашка. Вопрос на повестке стоял непростой, и касался он очередного деликатных свойств заказа. Загвоздка, скорее похожая на сей раз на шило в известном месте, состояла в том, что заказанное на десерт блюдо служило в настоящей жизни в полноправном штате некоего госучреждения, в просторечии именуемого ментовкой, да не простой к тому же, а районного масштаба. И предназначенный к разделке ананас, столичная штучка, незнамо кем и для чего присланная на укрепление, как ехидно поговаривали – за ико-ноборческие провинности, был далеко не пешкой, а первым заместителем сами знаете кого. И, опять же по слухам, так допек уважаемое лицо, кое должен был холить, лелеять и замещать, что вышеозначенный сами знаете кто тонким намеком возопил о помощи к многочисленным друзьям в самых труднообразимых сферах местного авторитаризма и попросил о защите чести и достоинств своих выстрадавших седин, что не осталось без отклика. Одни из сострада-тельных друзей, с гордым пролетарским прозвищем Шахтер, которое, однако, имело в основе совсем не славную горняцкую рудную биографию, и вышел с челобитной на хозяина. В другой же руке новоявленный Стаханов держал, по обычаю, и барашка в бумажке. Челобитная была хозяином рассмотрена и принята, барашек, на этот раз больше стандартно положенных разме-ров, разумеется, тоже.

И настал Мишин черед отработать щедрое приношение, а значит, предстояло озабо-титься делами и дополнительной головной болью виртуозного и тонкого исполнения. План кампании уже обозначился, осталась лишь самая муторная часть работы – хлопоты над отдельно взятыми ответственными высотками. В целом же двухзвездного начальничка решено было призвать к Божьему ответу по вечернем его возвращении с боевого поста домой, но и тут не обошлось без заноз. Подполковник милицейской службы Гладких машины личной не имел, на служебную персоналку не претендовал, а брал какую завгар пошлет. А коли не обна-руживалось никакой, пользовался любезностью доброхотов из управления. Находились и такие дураки, сочувствовали и брали в попутчики. Лишнего шума или, не приведи Господь, стрельбы хозяин не терпел, и Мише с командой пришлось ой как шевелить извилинами. Но было им не впервой и не привыкать.

– Если б и второго выманить из машины... А то как не выйдет на шум да начнет палить из кабины? Опять же рация... – Макс перебирал варианты обстоятельно, не спеша. – Хорошо бы с ним непременно в этот день простой водила был, а не чин в погонах, а?

– Что же, можно и кого следует об услуге попросить. В их интересах! – отозвался Миша. – Пусть для клиента непременно сыщется, когда надо, свободное авто. И шофер из молодых, потрусливей да поглупей.

– Вот это дело. Было бы славно, конечно, если бы в нужный нам вечер стряслось долгое производственно-оперативное совещание, – с намеком помечтал Сашок и зевнул, машинально, по-деревенски, перекрестив рот, – позднее и нудное. А тут, глядишь, машинка у ворот, в знак признания и уважения. Расслабуха полная – бери его тепленьким.

– Совещания не надо. Ни к чему пустяками обременять людей. – Миша, видимо, схватил за хвост некую удачную идею и, молниеносно оценив и осмотрев со всех сторон, выдал готовое блюдо: – На следующей неделе второй заместитель отмечает день рождения. Не юбилей, но посидеть – посидят. И выпьют изрядно, что неплохо. Вот к празднику и приурочим... Вместо подарка.

– А подполковник наш, конечно, не откажется. Ввиду налаживания контактов с выше-стоящими и подчиненными. И выпить этот Гладких, как я слышал, не дурак, хоть и стукнутый народоволец, – подвел как бы итог Макс и для порядка окликнул охотника: – А ты чего мол-чишь все время, будто тебя ничего не касается?

– Думки думать – не мое дело! – усмехнулся Стас, недобро прищурился. – Мое дело – исполнять, что приказано, и чтоб ни один долбаный листочек не шелохнулся, ни одна кровавая капелька мимо не капнула.

Распределение ролей много времени не заняло. Не так уж часто они менялись, и каждый на своем месте был в охотку. И только раз случилась заминка. Хорошо бы, конечно, взять им кого-нибудь из сестер – девушка отвлекла бы внимание, и Стас сразу предложил опытную в деле мадам Ирену, тут же удивившись, почему мадам, собственно, вообще не присутствует. Уж кому-кому, а ей не в новинку составлять головоломные задачки и вмиг раскладывать ответы на них по полочкам. Миша демонстративно при имени Ирены оглох, и потому ребята не стали заостряться – кто его знает, может, так Сам велел. Однако женский пол на операции представлен будет, пообещал Миша, хоть и не уточнил, но ясно – знал, что говорит, никогда не сотрясал воздух попусту. С тем и разошлись.

Хотелось бы думать, что Миша долго-долго искал ее и вот наконец нашел, если б Ритка не сидела на самом проходном и видном месте в доме. Но и тщеславие не пострадало – Миша первый подошел, поздоровался, хоть она и не звала, и за завтраком уже виделись. Значит, не пустословила Ирена, равнодушен к ней, что приятно, а мог быть в обиде на Риту и с полным правом. Решила, однако, навстречу не вставать, пусть садится рядом с разрешения, но без снисходительности. Миша и сел, правда, позволения не спросил. И разговор завязался сам по себе.

– Знаешь, без наших занятий стало как-то скучно, – то ли призналась, то ли вздохнула Рита.

– Но мне нечему больше тебя учить, – просто сказал Миша, ничего более не добавляя и не комментируя.

– Тогда почему я бездельничаю? Жизнь вокруг кипит, все заняты, ты в разъездах и шепчешься по углам с другими братьями, а я? Мне не доверяют? – капризно пожаловалась Ритка, по-детски перекидывая свои мелкие беды с больной головы на здоровую, не замечая в упор несправедливости и смехотворности своей ревности.

– Мне казалось, что и твоя жизнь бьет ключом, особенно личная, – ответил Миша, и вежливость в его словах была неотличима от ехидства. – Разве не так?

– Но мне бы хотелось быть полезной, – смутилась Ритка, уело метко брошенное, потому не в бровь, а в глаз. – Могла бы и тебе помогать – все же ты меня учил.

– Насколько я понимаю, это значит что-то вроде «спасибо», – как тихое эхо прозвучал голос Миши. – Но разве ты знаешь, чем я занимаюсь? Прежде чем помогать, надо для начала представлять себе, в чем именно!

– Так расскажи мне, и я представлю, – робко попросила Рита. – И вдруг да пригожусь?

– Тебе может не понравиться род моих занятий, а назад уже не будет пути. – Миша вопросительно и чуть тревожно посмотрел на девушку, словно авансом искал ее одобрения. – Так как, мне молчать или говорить?

– Звучит зловеще. Но я не испугалась. – Ее легковесная сторона взяла верх, и Рита не желала быть серьезной – как знать, вдруг Миша интригует и нагнетает, только бы заинтересовать и привлечь внимание, набивает цену, недалекий и влюбленный. – Выкладывай свои тайны, пока я не соскучилась и не ушла.

– Видишь ли, всем надо как-то зарабатывать на жизнь, но не у всех есть наши, к примеру, твои и мои, возможности, при этом нет и наших ограничений, ты меня понимаешь? – превращать важность момента в балаган даже на потеху понравившейся девушке Миша никак не собирался и был сух и строг.

– Конечно, понимаю – я же не клиническая идиотка. – И Ритка тут же блеснула гениальной по банальности догадкой: – И уж деньги в общину идут точно не от продажи собачьих консервов. Дела-то у вас завариваются покруче?

– Можно и так сказать. Бизнес пусть и семейный, но высокодоходный и по сегодняшним временам не вопиюще необычный. Так вот...

И Миша поведал, не слишком напирая на детали, основы прибыльного предприятия, особенно обозначая тот очевидный факт, что так, что эдак, убивая ради жизненно необходимого «сока» или просто на заказ, вамп одинаково добывает свои законные средства к существованию. Такова судьба обычного человека – быть источником их безбедного существования, и убийство есть убийство, разница не велика: умертвить корову ради мяса на обед или из-за шкуры на одежду. Но быть исполнителем и носителем воли общины, даже когда хозяин думает и решает за всех, – тяжелая ответственность, и будет ли она по плечу?

Нет смысла отрицать пробежавшие внезапно, колющие мурашки морозного страха, была и легкая оторопь, но был и интерес, нездоровый и освобождавший внутри нечто томящееся и дикое, словно руки зачесались от зуда любопытства и нетерпения опробовать саму себя. Отчего-то на ум пришла Никита и, совершенно не к месту, мускулистый Арнольд в роли злобного Терминатора. Но Рита уже узнала про себя что хотела и нарушила затяжное молчание: да, интересно, да, она рискнет и попытает на новом горизонте удачи.

Так в боевом отряде, как Миша и обещал, появилась девушка. Хозяин, словно одобряя незатейливый Ритин выбор, что ни вечер позволял ей появляться в своей спальне, дарил лаской и вниманием. Но не выспрашивал и не пытался влезть в душу, а только излучал уверенность и тепло, потоки нужные и освежающие и на этот раз предназначавшиеся лишь для нее одной. Рита была на седьмом небе счастья.

Дело, как и положено в прилично поставленном заведении, шло своим чередом. Не имея возможности выхода на самый верх, Миша, представив готовый проект «Последней вечеринки заблудшего милиционера», запросил помощи у хозяина. Яну Владиславовичу пришлось явить себя на свет, то есть проехать на пассажирском сиденье иностранного авто, указывая Мише лишь нужное направление. Оставив помощника сторожить у руля, хозяин посетил ресторацию известного форелевого царства, но вовсе не в качестве любителя рыбы. Миша мог только догадываться о возможных визави своего шефа, но выяснять подробности не считал нужным и на хозяина обиды за вторые роли не держал. Каждый должен заниматься своим делом: богу – богово, кесарю же – кесарево, – это было его жизненным девизом.

Результат вояжа сказался на следующий же день. Связной посыльный дал знать, что сами знаете кто, а в миру полковник Кривонос информацию принял к сведению и доставку груза на место по возможности обеспечит в нужной упаковке и в именинный замов вечер. Мише оставалось соответствующе организовать приемку и отправку по не имеющему земных координат адресу. Упорный и дотошный, он взялся за работу.

Настал и Ритин черед проявить и опробовать полезные свои возможности. Хотя задача ее на первый раз была малоответственна и проста. О личном риске речь и не шла, слишком невероятным представлялся телесный ущерб. Но чистота и виртуозность исполнения не допускали темных, порочащих качество, пятен. Выкатив из гаража разъездную «Волгу», репетировали возможные варианты диалога и поведения, появления и привлечения и незаметного ухода. Рита была старательна и послушна, хлопоты с ней доставляли Мише удовольствие. Блеск милых глаз, вне сомнений предназначался не ему, но Миша отгонял жужжавшую мухой ревность, верил хозяину и довольствовался наставнической дружеской близостью. Тем временем на часах их стараний шел обратный отсчет. И вот «день X» наконец вступил в свои права.

В то утро никто в доме не суетился и не заражался нервозностью, кроме самой Риты. Завтрак прошел своим чередом, мирно и традиционно вкусно, ничто даже намеком не предвещало беды. Откушав, Рита хвостиком потянулась вслед за Мишей из-за стола. Не за чем, а только по привычке последних дней и чтобы занять себя и унять дрожь ожидания. Чужая уравновешенность была для нее лучшим лекарством.

– Миш, слышишь, Ирена обещалась меня причесать и с одежкой помочь, перед тем как нам ехать-то, хорошо, да? – Рита семенила по двору чуть сзади Миши, обращаясь будто вдогонку.

– Смотрите не перестарайтесь, – мягко и со смешинкой ответствовал Миша, но не обернулся и на Риту не посмотрел.

– А почему ты не захотел в команду Ирену? Вы с ней, я слыхала, в ссоре? Я никому не скажу, честное слово! – Обещание, данное мадам, Рита помнила, но не обладала ловкостью просительницы, оттого и начало вышло неуклюжим.

– Я никогда не ссорюсь. – Миша сказал спокойно, как говорят правду без сомнений, только с легким зловещим оттенком, предполагавшим иные решения возникающих неприятностей отношений. – Мадам же в ее теперешнем настроении не может быть полезной в деле, а только навредит.

– Ирена? Да что ты, Миш? Она же наша, своя! – Рита изумилась и задрала изо всех сил бровки на самый лоб, причем очень натурально.

– Я не имел в виду умышленных действий, но невольно мадам вполне может осложнить нам работу. – И оглянулся наконец и пояснил: – Если выставлять себя и свой успех, желание отличиться и стать выше других, то с таким багажом можно пустить ко дну любую лодку, тем более что мадам поплывет в ней не одна. Нам такая компания не нужна, особенно сегодня. Мы идем на тщательно спланированное задание, за что, между прочим, заплатят деньги, нужные для всех. Мы идем работать, понимаешь меня, р-а-б-о-т-а-т-ь, а не на Олимпийских играх соревноваться.

Дальше шли в молчании. Рита с вопросами больше не приставала, задумалась. Миссия примирения оказалась куда сложнее, и ей самой требовалось время осмыслить, кто прав и кто плывет против течения. Выходило по всему, что Миша говорит дело, но и мадам было жаль. Проводив следом своего вновь обретенного наставника до гаража, Рита отстала. Покрутилась немного по безлюдному двору и, не найдя другой компании, отправилась к себе.

Тяжелые мысли не терзали Риту, хотя она не могла не отдавать отчета, в чем именно предстоит ей участвовать нынешним вечером. Колыхался лишь легким маревом страх, сродни тому, который испытывает всякий начинающий актер перед первым в своей жизни профессиональным выходом на сцену. Совесть не посещала ее и не туманила горизонт, новая роль диктовала свои условия и не терпела сентиментальности. Рита напросилась добровольцем и путь свой представляла столбовой дорогой полезности и благодарности в отношении новой семьи.

Когда одиночество стало давить со стен, решила спуститься вниз, к хозяину, который в последние дни был очень нежен с ней и ни разу не хлопнул перед Ритой дверью. Ее ожидали и на сей раз. Обычный сценарий посещения тоже ничуть не изменился. Сначала была постель, позже хозяин задержал ее руку и усадил девушку рядом с собой для традиционной душевной беседы.

– Сегодня, я знаю, твой дебют. Ты довольна выбором? – Хозяин не любил длинных речей и предложений, но Рита, ей казалось, понимала его с полуслова. Все же какие удивительные у него глаза, будто светящиеся темнотой, смотришь и не можешь увидеть дна, не в силах оторваться. И говорят с ней так, как невозможно выразить обычным земным языком, и словно читают все ее мысли, храня собственные в тайне за семью печатями.

– Я отчего-то боюсь, – призналась ему, не могла не доверить тревогу, – хотя не представляю даже, чего теперь могу испугаться.

– Не думаю, чтобы ты тряслась за свою жизнь – это было бы для вампа смешно. – Опять он понимал и облекал в слова суть ее страхов, загадочное, сверхъестественное существо. – Не бойся, ты храбрая и злая, когда в том есть нужда, ты не опозоришься. Тем более что будешь не одна. Всегда помни об этом!

– Хорошо, я буду помнить, – сказала и успокоила страхи, повторила снова, убаюканная звуком своего голоса, – я буду помнить.

Хозяин не пожелал ей удачи на прощание, но это было бы лишним, неуместным. Подобным пожеланием напутствуют только слабых, а Рита отныне собиралась держать причитающуюся ей по праву удачу в собственных руках. И ее, Риту Астахову, слабой никто не назовет. Она уже не раз видела кровь и смерть и не спасовала. Устоит и сегодня. Просто ей предстоит иного сорта охота, но ничего необычного. Однако мадам Ирены на всякий случай она до вечера старательно избегала.

Около шести часов вечера, плотно отужинав, команда собралась у стоящей перед домом машины. Брли на работу, как повелось, обычную отечественную «Волгу», но попробуй догони – движку несуразного шедевра русского автомобилестроения позавидовал бы и Шумахер. Не суетились: Стас с ленцой докуривал «сотку», Макс с Сашком, неведомо зачем, проверяли миниатюрные и безукоризненно исправные передатчики. Миша велел взять технику скорее из перестраховки, потому как, по сути, настоящий вамп в ней не очень-то нуждался – любой из них, здесь присутствующий, прекрасно слышал малейший шорох на многие десятки метров вокруг.

Сборы вышли недолгими. Оружия не брали никакого, да и зачем? По силе и скорости каждый был равен смертоносной торпедой, убивал голыми руками. Тем более стрелять было никак нельзя. Дескать, напали обкурившиеся из молодежной ватаги, пусть шпану и трясут долго, пока не отпадет надобность, может, кого и упекут для понта. И ни малейшего намека на заказуху: проломил по пьяни череп – и конец. Ищи-свищи ветра в поле. В семь часов тронулись с Божьей помощью. Ребята все в защитного цвета, свободных тонких куртках, Рита при параде, как и полагалось по сценарию. Накрасилась и оделась самостоятельно, без помощи мадам, и тем гордилась. Миша осмотрел придирчиво и остался доволен. Получилось очень мило – образ славной девчонки, приличной и хорошо одетой, чуть мальчишеский и задорный. Таковую не отгонишь с пренебрежением, как обычную путану.

Машину бросили по приезде на проселке, в кустах. Далее на место шли пешком. По одному, в скрадывающих фигуры предвечерних сумерках. Хорошо, что дом, снятый незадачливым и семейным подполковником, находился с края, у дороги, последним в ряду частных садов и огородов. Тихо рассосались по близлежащим, еще шумным палисадникам и, никем не замечаемым, затаились. Рита на время ожидания притулилась подле Миши – ее выход приходился на момент приезда авто с клиентом. Но неудачи случились и спланировали себя еще до их прибытия в точку randevu, непоправимо и нелепо в последние секунды офицерского разезда.

Майор Гора Крапивин от природы не отличался особым умственным богатством, но с успехом заменял недостачу пройдошливой хитростью и благочинным лизанием седалищ вышестоящему начальству. Имея сомнительные достижения по роду своей основной службы, был непревзойден на поприще доносительства и умело замаскированного стукачества – навыка, освоенного еще со времен активной комсомольско-райкомовской юности. Важных и масштабных осведомительских интриг ему, само собой, не доверяли, но и говнистость милицейского радателя не находила желающих быть испытанной на себе. Оттого Гору обхаживали и даже, упаси Бог, «за глаза» не трогали. Откликаясь на гордое и звучное имя, в бумагах майор имел совсем иное прозвище – Горсовет Иванович Крапивин. Столь срамным по нынешним временам обзывательством наградили Гору темные его родители-выдвиженцы, не погасившие своевременно в груди зарницы коммунистического завтра. Пресловутому же Сочинскому горсовету особенно был благодарен Крапивин-папаша, заимевший в нем, после тяжких добывательских трудов, пост заместителя его председателя. Пребывая на этой конечной вершине своей мученической карьеры, он и облагодетельствовал младшенького сыночка.

Гора за всю свою продолжительную трудовую жизнь не пропустил ни одной служебной неофициальной посиделки, куда был зван обычно с завидным для порядочных людей постоянством. Фуршет по случаю именин второго зама по ОБЭП Ложкина не явился исключением. Держа недремлющее око настезь, а чуткий нос по ветру, Гора улавливал и предвидел конъюнктурные климатические колебания еще до того, как им предстояло проявить себя публиче. Нюхательный его аппарат именно в этот роковой вечер торжества принял необычный сигнал: в районе первого неугодного зама наблюдалось существенное потепление. Гладких и сажень был одесную от именинника, и сами знаете кто привечал и подливал, каялся в недоработках взаимопонимания и обещался исправиться, жить дружно и предлагал выпить на брудершафт. Майор Гора не стал избегать случая и рассыпался перед вошедшим в неожиданную милость Гладких мелким подхалимством, в уме уже привычно перебирая возможные выгоды и новые плацдармы для исправительных доносов. Был он, к несчастью, дурак настолько, насколько и подлец, и, что хуже всего, инициативный.

При заключительном, с объятиями, прощании на суровом цементном крыльце районного управления сами знаете кто сделал широкий начальственный жест в сторону выжидающей и готовой рвануть по первому зову милицейской с мигалкой «девятки»: бери, подполковник Гладких, пользуйся. До дому домчит с ветерком, а кто старое помянет, тому и глаз вон. Сам же сами знаете кто барином сел в недавно выбитый в фондах новенький «БМВ» и, не дожидаясь общего разъезда, укатил первым. Если б он знал! Если бы мог предвидеть, что мудаковатый и пустодейательный майор Крапивин решит пьяной своей головой ковать железо, пока оно горячо! И ни больше ни меньше, а напросится в попугчики в благодарственную «девятку», подобострастно намереваясь проводить «успешного» Гладких до самого его родного двора и, конечно, не закрывая словоразборный кран ни на минуту. Жалобно сетовавший на очевидную нетрезвость и последующую невозможность нахождения за рулем собственного передвижного средства «ВАЗ-2110», майор Гора был сочувственно усажен подобрешим Гладких рядом на заднее сиденье, и машина тронулась, ведомая молоденьким, только что из рядов Вооруженных сил, младшим и зеленым сержантом Маминым Петрушей. Пьяный или трезвый, Гора, находясь на службе и при форме, никогда и ни за что не расставался с табельным своим другом «тульским токарем», не клал его в сейф и не бесчестил изъятием обоймы. Ни разу так и не употребленный в дело вороной его спутник придавал Горе значимости в собственных глазах, вызывая из подворотен сознания малолетнего пацана, горделиво хвастающего уличным приятелям отцовским трофейным «вальтером». «ТТ» и нынешним праздничным вечером спокойно дремал в майорской кобуре.

Около десяти часов наблюдающий Макс подал условный радиознак, означавший появление на дороге, ведущей в Короткий переулоч, транспорта с клиентом. Сидящие в засаде подобрались – три часа, проведенные в полной неподвижности и молчании, расслабили и убаюкали. Заняли по расписанию свои позиции. Миша коротко сжал Ритину руку у запястья: пора на выход. В переулочке было относительно тихо и абсолютно темно. Мертвецкий свет, пробивающийся от домашних голубых экранов сквозь деревья и кусты, немногим способствовал улучшению видимости, иного же освещения улочка, в целях всеобщей экономии электричества, попросту не имела. Южная теплая чернота прерывалась местами одними лишь яркими блестящими звездами. Рита выбралась на дорогу несколько дальше подполковничьего дома и, дождавшись появления двух осторожно ползущих, ощупывающих фар, не торопясь двинулась навстречу.

«Девятка», прошелестев гравием, остановилась. Гладких, усталый и умиротворенный, с трудом вытолкнул свое полное тело в предупредительно распахнутую выскочившим раньше водителем Петрушей дверь. Протянул деревяшкой ладонь на прощание, поблагодарив сержанта без слов одним кивком. Крапивин, разморившийся не столько от водки, сколько от собственного красноречия, мирно и безмятежно дремал на заднем сиденье. Гладких и не собиравшись его будить. Петруша уже сделал первый шаг к возвращению за служебную баранку, а

подполковник – к родимой калитке, как из-за разлапистого куста жасмина вышла молоденькая девушка.

– Мужчины, подождите! – окликнула взволнованно девчушка, тоненькая и приличная папина дочка, и, разглядев мигалку на крыше и надпись по сине-белому борту, обрадованная, заверещала: – Ой, милиция! Как хорошо, что я именно вас встретила. А то иду, иду, все улицы одинаковые, названий не видно, я совсем заблудилась. Меня тетя дома ждет, волнуется, наверное, я ж не местная – из Москвы. Вообще-то мне на Пионерскую надо.

Гладких, благодушный и оттого готовый помочь безобидной и бойкой неместной особе, повернул назад. Молоденький сержант тоже подошел, куда резвее начальника и с корыстным юношеским энтузиазмом. Развернувшись спиной к забору, они стали объяснять, как опознать и преодолеть нужные два поворота до искомого места. Петруша, присмотревшись, отважился намекнуть на позволение просто подвезти девушку домой. Но разрешающего ответа дожидаться не успел. Порыв ветра, обрушившийся стремительно то ли с забора, то ли прямо с неба, принял осязаемую форму и с жуткой силой врезался в стриженный сержантский затылок. Петруша рухнул как подкошенный, не успев осознать, что именно с ним произошло. Такой же порыв, но с другой стороны, раскроил череп подполковника.

Рита попятилась назад, к стоящей с ближним светом «девятке», чтобы не мешать Мише и Сашку довершить должным образом начатое дело. Умиравшего, хрипящего Гладких стали планомерно и быстро добивать, пиная ногами, имитируя хулиганское и случайное нападение. Пару раз отвесили по ребрам и беспамятному Петруше – для достоверности. Убивать сержанта не было нужды. Операция проходила в почти полной тишине, не прерываемой уже и всхлипами. Убедившись в кончине подполковника, Сашок принялся обыскивать карманы новопреставленного на предмет обнаружения бумажника. Ксивы трогать не стал – не по сценарию. Но склонился над лежащим ничком телом – отстегнуть часы. Миша проделал то же с сержантом Петрушей. Как вдруг задняя дверь милицейского «зубила» медленно открылась и из железного чрева послышалась возня, перемежающаяся чертыханиями, после чего в проеме показались обутая в казенный ботинок нога и рука, сжимающая, вне всяких сомнений, самый банальный пистолет. Свалившийся после остановки на бок и оттого невидимый снаружи, пьяный майор Гора, на всеобщую беду, очнулся. Но, хмельной, недооценил ситуацию, погнался за дешевой героической славой, намереваясь разогнать борзую шпану одним видом сверкающей стали и для личного удовольствия выстрелить в воздух вслед улепетьвающим без оглядки нарушителям. Арестовать сразу двоих хулиганов при одних наручниках бравый майор ни за что бы не рискнул.

Оказавшись ближе всех к нелепой фигуре Крапивина, орущего: «Вот я вас, бляди! Стой, стрелять буду!», Рита не растерялась. Вмиг поняла, что нужно как можно скорее заткнуть неизвестную и неожиданную милицейскую личность, обездвигить и после уже думать, что с незаявленным в программе клоуном делать дальше. Скользнув вбок, обтекая распахнутую дверцу машины, которой на всякий случай прикрывался осторожный Гора, Рита подхватила для верности с земли приличный осколок булыжника. Но могущественный инстинкт самосохранения добавил майору прозорливости и расторопности. Его откормленный, лелеемый организм явственно ощутил, что сейчас его заботливо питаемой съестности навсегда будет положен конец. И, возмущившись неизбежности, майор молниеносно направил дуло в голову стремительно приближающегося ангела смерти в девичьем облике и с непреклонным приговаривающим взглядом.

Рассеянный свет автомобильных фар придавал движущимся фигурам бестелесную расплывчатость теней, некую зловещую незаконченность и нереальность. И потому пистолет, уставившийся черной пустотой прямо в Ритин лоб, не испугал и не произвел должного впечатления. Девушка была абсолютно уверена, что в роковой момент, конечно же, успеет уклониться от огненно-свинцового плевка, к тому же так ли велик будет урон, даже поразит пуля цель?

Но Миша, в мгновение ока оценивший ситуацию, посчитал иначе. Перелетев тигриным прыжком наискосок через крышу «девятки», он сбил Риту с ног, но какой-то жалкой доли секунды, похищенной у Миши впавшей в панику майорской рукой, не хватило для расправы над не вовремя встрявшим Горой. Крапивин успел все же спустить курок. Удар в грудь был настолько силен, что Миша не смог устоять и, потеряв равновесие, рухнул на оглушенную внезапностью падения Риту. Майор же, не будь дурак, что есть мочи бросился бежать прочь, стреляя на ходу в воздух и вопя изо всех сил: «Помогите! Милиция!», чем перебудил и привел в недоумение всю округу. Стас, сидевший в засаде для подстраховки с дальней стороны дома, метнулся ему наперерез. Напав на майора сбоку, первым делом перехватил запястье и резко вывернул хрустнувшую кость. Гора взвыл от страшной боли и, конечно, выронил спасительное оружие. Следующий удар по основанию черепа прекратил его страдальческую руладу, и майор мешком стал оседать на пыльную дорогу. Из расколотой головы его вовсю безудержно струилась кровь. Стас намеревался бросить околевать ретивого мента и поспешить к своим, но инстинкт охотника, свалившего добычу, взял верх. Поверженный милицейский майор явно уже отдавал концы, так что поступок Стаса не мог иметь последствий. В сладком припадке предстоящего утоления скорый охотник припал губами к ране: вмиг нащупали живительную струю и впились в плоть его «комарики».

У машины Сашок и опомнившаяся наконец Рита хлопотали над лежавшим навзничь Мишей. Рана его была не опасна для вампа, но сильно кровоточила. Потому Сашок, во избежание лишних следов, прижимал как можно крепче к Мишиной груди снятую с себя куртку, все больше пропитывающуюся красным, Рита поддерживала пострадавшему голову. На незапланированный шум явился Макс, подбежал и насытившийся Стас-охотник. Следовало торопиться – из близлежащих палисадников доносились встревоженные голоса, из дома вот-вот могла появиться и обеспокоенная жена Гладких. Где-то рядом уже хлопнула калитка. Братья, подхватив Мишу на руки, не стали задерживаться и, перемахнув через забор, огородами поспешили к оставленной в зарослях «Волге». Дело было завершено, хоть и с помарками.

Когда подъехали к родным воротам, Миша мог уже выйти из автомобиля без посторонней помощи. Кровь больше не текла из пробитой груди, к утру должна была выйти и пуля. Но хозяин, словно учувший неладное и оттого встретивший их, против обыкновения, на веранде, велел проводить раненого наверх, куда и поднялся следом получить отчет об операции. Тата и мадам Ирена, в глубине души возрадовавшаяся неприятности, приключившейся с непобедимым «архангелом», бросились за мазями и бинтами. Другие обитатели дома тоже отправились по насущным делам. В холле остались только Рита и невозмутимо утонувший в диванных подушках флегматичный Фома. Рита, подумав и не придя ни к какому решению, села рядом с ним. С одной стороны, ей следовало идти и хотя бы приличия ради помогать ухаживать за братом-вампом, схватившим пулю, предназначавшуюся отнюдь не ему. Но с другой стороны, Мишина трогательная и не такая уж остро необходимая самоотверженность приводила девушку в некоторое смущение. Рита не осталась равнодушной, но и не определилась в своем отношении к происшедшему, а потому пребывала пока в бездеятельном замешательстве.

– Макс сказал мне мимоходом, что Мишка напоролся на свинцовое удовольствие из-за тебя. Это правда? – донесся до Ритино слуха приглушенный, ленивый голос, исходящий словно из глубин дивана.

– Господи, Фома, ну и напугал же ты меня! Я и забыла, что ты тут сидишь, – отозвалась вырванная из раздумий Рита. – Один идиот целил мне в лоб из тэтэшника, так Мишка меня прикрыл. Спасибо, конечно, но я бы и сама справилась.

– Это ты зря. Пуля в голову – это серьезно, – строго заметил ей Фома.

– Отчего же? Или мозги не восстанавливаются? – беззлобно и устало усмехнулась Рита.

– Головной мозг очень даже успешно регенерирует, если ты это имела в виду. Но вот в каком виде он восстановится – это большой вопрос! – Фома был серьезен и не думал шутить. –

Может, ты будешь опять наша Ритка, а может, новорожденный беспмятный младенец, ходящий под себя. Как, нравится такая перспектива? И даже не вспомнишь, кто такой Миша. А спрашивается, оно ему надо?

– Выходит, Мишка меня все-таки спас, пусть и не от смерти... – Ритка вдруг примолкла, ненадолго призадумавшись. – Тогда я тем более довольна.

– Интересно, чем, если не секрет? – любопытствовал у нее Фома.

– Какой там секрет!.. – Рита непроизвольно потянула Фому за рукав, словно боясь, что тот уйдет и не дослушает. – Понимаешь, я ведь не знала, не была уверена до конца, что мне нужно работать именно с Мишей, что я поступаю хорошо. Но оказалось, что я сделала правильный выбор!

– Что, что ты сделала? – Фома мелко, визгливо засмеялся. – Она сделала выбор! Забудь это слово раз и навсегда, деточка! С тех пор как ты переступила этот порог, ты утратила право что-либо выбирать. Ты не в силах теперь распоряжаться не только своей жизнью, но и собственной смертью. Да– да, ты даже умереть по своему желанию не сможешь, а говоришь о каком-то дурацком выборе! Хочешь ты или нет, но у тебя есть только одна дорога, с которой невозможно свернуть, и что-либо изменить не в твоей власти. Так что иди-ка ты лучше отдыхать и не морочь себя и меня глупостями!

* * *

Приведенный в чувство сострадательными местными аборигенами, соседями подполковника Гладких, сержант Мамин смог принять в конце концов сидячее положение, держась, однако, обеими руками за нестерпимо болевшую ушибленную голову. «Сотрясение мозга, как пить дать!» – подумалось Петруше, но все могло обернуться куда хуже. Непроизвольно он перевел взгляд на лежавшего недалеко, уже остывающего подполковника, над которым голосила поддерживаемая под руки набежавшими бабами жена, рядом жался и ее малолетний сынишка. Где-то почти рядом взвыли милицейские сирены – жители переулка времени зря не теряли, и оперативный наряд был в пути.

Откуда-то из дальней темноты до сержанта донеслись возбужденные крики: «Ребята, глядите, да тут еще один и вроде тоже холодный!» Петруша, плюнув на свою безбожно раскаляющуюся и кружащуюся голову, бросился на голоса, вспомнив, что в машине с ними ехал и неизвестно куда подевавшийся майор Крапивин. Растолкав сгрудившихся мужиков, Петруша плюхнулся рядом с телом на колени, одновременно осветив его выхваченной из кармана зажигалкой. Сомнений не было: в кровавой черной жиже, смешанной с придорожной грязью, лежал Гора Иванович. Ни на что особо не рассчитывая, сержант прижал пальцами шейную артерию майора, заранее печально вздохнув. Но под пальцами неожиданно екнуло, потом еще и еще. И, ополоумевший от радостного шока, Петруша закричал что было сил: «Жив! Жив, он жив! „Скорую“ сюда скорее, „скорую“!»

Глава 7 СЛУГА

Утром Миша спустился к столу. Пуля вышла на рассвете, и затянувшаяся огнестрельная рана не беспокоила героя. Рита была рада увидеть его в добром здравии и более не тяготилась принесенной ради нее жертвой. Хотя приятное чувство особой своей значимости в мужских равнодушных глазах осталось и даже послужило предметом гордости для самолюбия девушки. Она не стала протестовать, когда Миша вопреки обыкновению выбрал в это утро место рядом с Ритой – все же имел теперь полное право и как бы перечеркнул прежнее отчуждение и холодок. За завтраком царило приподнятое настроение, оживление, вызванное и законченной накануне работой, непредвиденными и удачно разрешенными осложнениями, и Мишиным поступком, гусарски красивым и романтическим, и дебютом Риты, смущенной от любопытствующего излишнего внимания. Стас на пальцах пантомимой изображал молниеносный марш-бросок за истошно вопящим, незапланированным майором, получалось смешно и забавно, к вящему удовольствию женского пола, особенно мадам Ирены, переставшей дуться и хохотавшей громче всех.

И как ушат холодной воды, вылитый на разгоряченные жарким солнцем камни, было из ряда вон выходящее появление в дверях столовой фигуры хозяина, молчаливой и неумолимо грозной, словно статуя Командора, с лицом, помертвевшим от сковавшей его ярости. Расходившиеся вампы враз притихли. Хриплый окрик в наступившей тишине прозвучал как удар бича:

– Лгуны и разгильдяи! – Чудовищное обвинение адресовано было всем присутствующим, но мрачный хозяйский взгляд уперся в Мишу. – Немедленно объясните, как получилось, что майор Крапивин остался жив?!

Миша от неожиданности даже привстал со стула, утратив присущую ему уравновешенность, Стас выронил вилку, издавшую неприятный лязгающий звук. Мадам прикрыла паучьей лапкой нижнюю часть лица, пытаясь скрыть охватившее ее предвкушение.

– Это невозможно, это какая-то ошибка, абсурд. Крапивин не мог выжить, у него не было и полшанса, – обескураженно и торопливо зачастил Миша, растерянно рыская взглядом по сторонам. – Извините, Ян Владиславович, мою дерзость, но откуда вы взяли подобную нелепость?

– Откуда я взял? – Голос хозяина сделался ледяным от бешенства. – Минуту назад мне позвонили заказчики и сообщили сию захватывающую новость! Майор в больничной реанимации в тяжелейшем состоянии. Скорее всего умрет, но даже если выживет, то останется полумным инвалидом. Так что меня беспокоит не он, а вы и ваша халатная безответственность. Почему никто не удосужился проверить чистоту исполнения?

– Ян Владиславович, простите, это была моя оплошность – я не отдал приказа проследить. – Миша перевел дух и слегка расслабился. Он ожидал худшего от хозяйского гнева. Вопрос же оказался лишь в дисциплине, соблюдение коей Ян Владиславович в делах требовал неукоснительно, отсюда и выволочка. – Схватил дурацкую пулю и расслабился. К тому же, как я еще вчера докладывал, время крайне поджимало – Крапивин наделал слишком много лишнего шума. Но, я думаю, ничего катастрофического не произошло. Наше дело завершит природа естественным способом. Даже если майор выздоровеет, вряд ли его умственное состояние позволит ему кого-то опознать или дать более-менее внятные показания. Да и кто всерьез отнесется к словам идиота? К тому же в управлении его не слишком обожали и потому не станут переживать по поводу отсутствия ценного сотрудника. Как говорится: одним выстрелом – двух зайцев.

– И тем не менее учти на будущее. Вы все учтите, – хозяин проникающим взглядом василиска обвел всех присутствующих, – наша безопасность только в наших руках. И любая оплошность может быть губительной. А ты, Михаил, имей в виду: еще одна подобная выходка, и я передам командование рабочим отрядом Ирине. Раненый или нет, прежде всего помни о деле. Слишком уж это по-человечески – холить собственную персону. Но ты вамп и веди себя, как подобает вампу. Больше мне нечего тебе сказать!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.